

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Космос как возможное поле боя

М. НЕЙМАРК

**Отношения
политэлиты США
к России**

О. КУЗНЕЦОВА, И. КРИШТАЛЬ

**«Похищение Европы»:
от плана Дауэса
к новым программам**

В. БЛИЩЕНКО

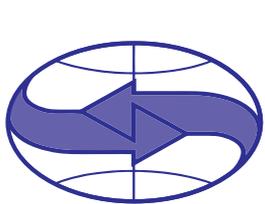
**Современная Киргизия
и интересы России**

А. ВЕЛИКАЯ, С. СЕМЕДОВ

**Гуманитарная политика
Советского Союза**

**Институты развития человеческого капитала России и
политика «силового принуждения»**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

16+

Политология

Космос как возможное поле боя эволюция подходов Запада

5

А. Малов

Автор рассматривает политику ключевых «запускающих» государств Запада к использованию космоса в военных целях. В статье утверждается, что эволюция доктринальных установок, практических мероприятий и научно-технических разработок США, Франции и НАТО в целом в сфере милитаризации космоса приближает этап качественной гонки вооружений в космическом пространстве. Окно возможностей для упреждающих дипломатических действий сужается.

Институты развития человеческого капитала России и политика «силового принуждения»

27

А. Жуков

Главной целью западной цивилизации является сохранение существующих международных норм и правил, поскольку они обеспечивают ей лидерство в мировой финансово-экономической и военно-политической системе. Стратегия западной цивилизации направлена на ослабление и разрушение конкурирующих центров силы. Наиболее приоритетным средством силового влияния является подрыв институтов развития национального человеческого капитала в других государствах.

«Похищение Европы»: от плана Дауэса к программам помощи для постсоветских стран 45

О. Кузнецова, И. Кришталь

Статья рассматривает роль программ экономической помощи США западноевропейским странам в XX в. в качестве важнейшего инструмента укрепления лидерства и доминирования в мировой экономике. После распада СССР программы помощи постсоветским странам стали инструментом «мягкой силы», направленной на усиление влияния США и формирование однополярного мира.

Гуманитарная политика Советского Союза 56

А. Великая, С. Семедов

Гуманитарная политика является внешнеполитическим инструментом по формированию благоприятного имиджа страны. Различия трактовок о содержании гуманитарной проблематики продолжают играть важную политическую роль в решении международных вопросов. В статье рассматривается гуманитарная политика Советского Союза и делается вывод о возможности использования советского опыта в деятельности современных структур гуманитарной направленности.

В поисках ускользающей реальности
Отношение политической элиты США к России 66

М. Неймарк

Статья посвящена особенностям оценочных позиций американской политической элиты по отношению к России. Выявлены истоки и причины негативного восприятия России, которое обусловлено факторами, связанными не только с кризисной ситуацией на Украине. Автор показывает, что политику США по дискредитации России определяет приоритетная целевая установка – ослабить позиции России, открыто выступающей против доминирования американоцентричных принципов мирового порядка.

Проблемы независимой Киргизии и интересы России 78

В. Блищенко

Автор рассматривает причины и последствия экономической, социальной и политической трансформации Киргизии в период после распада СССР в свете интересов России.

Клановые сообщества постсоветской Центральной Азии К теории вопроса	88
Д. Рекк	
В работе предпринята попытка теоретической концептуализации социального феномена постсоветской Азии – кланов. В видении автора традиционный подход структурного функционализма мало пригоден для описания этого социального явления. Более релевантным для анализа клановой организации, по мнению автора, представляются подходы структуризации, предложенные английским социологом Э. Гидденсом и представителем неоинституционализма – Д. Нортом.	
Компенсаторная роль образования в условиях глобальной цифровизации	102
Е. Антюхова	
Рассматриваются актуальные аспекты вытеснения рабочих мест в результате роботизации и изменение форматов занятости. Установлено, что технологические инновации создают новые отрасли и, соответственно, новые профессии, приводящие к условной замене работников. Показано, что академическое образование не является обязательным для формирования карьеры, но для профессионального роста и повышения оплаты труда необходимо развивать целевые образовательные программы.	
Содержание на английском языке / Contents in English	114

Уважаемые читатели!

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. и. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯЙС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

- ГАБАРАЕВ Б. А. — доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
- ГАЛОГАНОВ А. П. — доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
- ГРИБ В. В. — доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
- ДЕЛЯГИН М. Г. — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
- ИВАШОВ Л. Г. — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
- ЛАДЫГИН Ф. И. — Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г. Л. — кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
- СУХАРЕВ А. Я. — доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
- ТОРКУНОВ А. В. — доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
- ЩЕРБАКОВ И. А. — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН

© Институт стран СНГ

Космос как возможное поле боя и эволюция подходов Запада

Андрей МАЛОВ

Принятые во многих странах мира национальные космические программы и программы международного сотрудничества продемонстрировали впечатляющие возможности использования космоса для научных, хозяйственно-прикладных и военных целей. Такие действия сопровождаются высокой конкуренцией и стремительным развитием ракетно-космической техники в мире: 14 государств, в том числе КНДР, располагают ракетами-носителями, и порядка 100 стран реализуют различные космические проекты.

Вопрос об оружии в космическом пространстве неизбежно выводит на проблему военного доминирования в нём. Суть здесь проста: если кто-либо, опередив других, разместит ударное оружие в космосе, тот получит и контроль над ним, и не только над ним, что даёт основание утверждать, что размещение оружия в космосе – путь к военно-политическому доминированию и на Земле. Это та лакмусовая бумажка, которая может выявлять истинные намерения государств, скрываемые рассуждениями о неравноценности запретительных режимов для разных стран, о сложности верификации договоров, о соответствии запретов национальным интересам и т. п.

Что касается сегодняшней ситуации с безопасностью космической деятельности (БКД), то уже можно говорить о присутствии индикаторов гонки вооружений в космическом пространстве. В политическом, доктринальном и экономическом отношении, в политике некоторых государств уже прогля-

МАЛОВ Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России, эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* aymalov 5353@mail.ru

Ключевые слова: гонка вооружений в космосе, контроль над вооружениями, противоспутниковые системы, стратегическая стабильность.

дывают необходимые признаки. Со всё большей интенсивностью проявляются они и в военно-технологическом плане. При этом такое оружие имело бы глобальную зону действия, высокую готовность к применению, возможность внезапного и скрытого воздействия на космические и наземные объекты. В отличие от оружия массового уничтожения оно стало бы не инструментом сдерживания, а оружием реального применения.

Исторический контекст

Для понимания сути формирующихся в США, а в последнее время и у НАТО в целом подходов к «военному» космосу представляется уместным остановиться на ряде аспектов ретроспективного характера.

Как известно, в СССР и США на рубеже начала интенсивного освоения космоса были проведены широкие исследования областей возможного применения космической техники в военных целях. В последующем был создан и принят на вооружение широкий ряд космических систем военного назначения, получивших общее наименование – космические средства обеспечения вооружённых сил.

Космические системы такого назначения, по общему признанию отечественных и зарубежных специалистов, существенно повысили эффективность систем оружия и вооружённых сил и поэтому заняли важное место в структуре вооружений космических держав [1, 2, 3].

Следует отметить, что «белые пятна» в правовом поле военной

космической деятельности побуждали многие страны выработать соответствующие международные договорённости. Активную и последовательную позицию в этом вопросе занимали Советский Союз, а в последующем Россия. Не ставя целью дать полный обзор политико-дипломатических шагов СССР по предотвращению выхода оружия в космос, подчеркнём лишь три ключевые инициативы того времени:

- проект Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода, внесённый в ООН в 1981 г.;

- проект Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, предложенный в 1983 г. и дополненный в 1984 г. запретом использования силы с земли в отношении космических объектов;

- принятое Советским Союзом в 1983 г. обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия на всё то время, пока

¹ Stares P.B. The militarization of space: U.S. policy, 1945–1984. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985. P. 147–149.

² National Security Space Strategy // Unclassified Summary. January 2011 // US Department of Defense // URL: http://archive.defense.gov/home/features/2011/0111_/docs/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummaryJan2011.pdf

³ Fitzgerald F. Way out there in the blue: Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любого вида (этот мораторий охватывал и испытательные запуски) [4]. Стоит подчеркнуть, что Соединённые Штаты не поддержали ни одну из этих инициатив СССР, которые имели весьма содержательный, нацеленный на перспективу характер.

Проектами договоров, в частности, предусматривалось:

- не испытывать и не развёртывать путём вывода на орбиту вокруг Земли, размещения на небесных телах или каким-либо иным образом любое оружие космического базирования для поражения объектов на земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не использовать космические объекты, находящиеся на орбитах вокруг Земли, на небесных телах или размещённые в космическом пространстве каким-либо иным образом, в качестве средства поражения любых целей на земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не уничтожать, не повреждать, не нарушать нормального функционирования и не изменять траекторию полёта космических объектов других государств;

- не испытывать и не создавать новые противоспутниковые системы и ликвидировать уже имеющиеся такие системы;

- не испытывать и не использовать в военных, в том числе противоспутниковых, целях любые пилотируемые космические корабли.

Позиции США в отношении использования космического пространства в военных целях после выработанной в 60–70-х годах серии международных договоров и соглашений в космической области носили весьма сдержанный характер, а именно:

- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963 г.);

- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.);

- Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968 г.);

- Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами (1972 г.);

- Договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972 г.);

- Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1976 г.);

- Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977 г.);

- Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1984 г.).

Следует учитывать также Устав Организации Объединённых Наций, содержащий важные положения, в полной мере применимые к космической деятельности.

Реальной отправной точкой к правовому регулированию космической деятельности послужили резолюция ГА ООН 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 г., отразившая уже через год после запуска в СССР первого искусственного спутника Земли «общий инте-

⁴ Основные направления и принципы международного сотрудничества в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации (предложения СССР) // Борьба СССР за мирное использование космоса, 1957–1985. Документы и материалы. В 2 томах. Т. 2 / ред. А. С. Пиралов [и др.]. М.: Политиздат, 1985. С. 440–445.

рес человечества в космическом пространстве», и резолюция ГА ООН (XIV) от 12 декабря 1959 г. [5].

Положения этих резолюций стали основой Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, единогласно принятой в ООН 13 декабря 1963 г. [6]. Декларация, в свою очередь, легла в основу Договора по космосу 1967 г. [7].

Основное содержание военного компонента национальной космической политики Соединённых Штатов сводилось к обеспечению действий стратегических наступательных сил. Уровень развития соответствующих технологий того времени не позволял говорить о возможности разработки эффективных космических и противоспутниковых систем оружия. На определённом этапе США исходили даже из того, что область создания средств борьбы с космическими аппаратами может остаться неосвоенной крупнейшими космическими державами. В 1978–1979 гг. между СССР и США были проведены переговоры по противоспутниковым системам, которые, однако, не завершились выработкой какой-либо договорённости на этот счёт.

В последующий период наблюдаются существенные изменения позиции США по космическим и про-

тивоспутниковым вооружениям. Стратегические концепции, заложенные в выдвинутую в 1983 г. и широко разрекламированную программу «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) и предусматривающую компоненты ПРО космического базирования, а также практическое создание и успешное испытание в 1985 г. противоспутниковой системы АСАТ привели к тому, что США заняли позицию неприятия каких-либо предложений по дальнейшему запрещению или ограничению возможных направлений использования космического пространства в военных целях.

После периода негативного отношения к советским инициативам 1981–1984 гг. это в полной мере проявилось и на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в 1985–1991 гг., не приведших по проблематике космоса к каким-либо позитивным результатам. Соединённые Штаты явно не желали связывать себе руки какими-либо новыми договорённостями, касающимися военного использования космоса. Уместно подчеркнуть, что эта линия сохраняется и поныне [8, 3].

Большое внимание в проводившихся исследованиях было уделено изучению возможностей создания

⁵ The UN General Assembly Resolution 1348 (XIII) A/RES/1348(XIII). The question of the peaceful use of outer space // The United Nations Organization // URL: [http://www.un.org/eng/documents/ods.asp?m=A/RES/58/1348\(III\)](http://www.un.org/eng/documents/ods.asp?m=A/RES/58/1348(III))

⁶ Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства. Организация Объединённых Наций // URL: http://www.un.org/ru/documrnts/decl_conv/declarations/

⁷ Договор о принципах деятельности государств по использованию и исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Организация Объединённых Наций // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml

⁸ *Baucom D.R.* The Origins of SDI: 1944–1983. Lawrence: University Press of Kansas, 1992. P. 12–18.

космических систем борьбы с баллистическими ракетами – систем противоракетной обороны. В качестве возможного оружия для космических систем ПРО рассматривалось кинетическое (на основе прямого соударения поражающего элемента с боеголовкой ракеты), лазерное, пучковое (на основе направленных потоков заряженных частиц), электромагнитное, не исключалось и ядерное.

Несмотря на крупные ассигнования и определённые технологические достижения, программа СОИ не привела в ту пору из-за сложности стоящих проблем к созданию в США конкретных космических систем противоракетной обороны, которые могли бы стать основой многоэшелонной национальной системы ПРО территории страны. Хотя появлению таких систем препятствовали фундаментальные международные договорные запреты (Договором по ПРО 1972 г. запрещалось развёртывать системы противоракетной обороны территории страны, а также создавать, испытывать и развёртывать, системы мобильных видов базирования, в том числе системы и компоненты ПРО космического базирования), американская администрация тех лет была готова к постановке вопроса о внесении необходимых поправок в Договор по ПРО, если бы разработка эффективной системы ПРО территории страны с компонентами космического базирова-

ния оказалась тогда возможной. Тем не менее работы по созданию космических технологий для противоракетной обороны на исследовательском и опытно-конструкторском уровнях в США продолжались [9, 10].

Широкие исследования были проведены и в области противоспутниковых систем (ПСС). Причины интереса космических держав к проблеме ПСС лежали в двух плоскостях.

Во-первых, находящиеся в космосе средства различного целевого назначения были собственностью отдельных государств и международных организаций, создавших, развернувших и эксплуатирующих соответствующие космические системы. Из-за признанного всеми странами мира принципа экстерриториальности космического пространства, т. е. его непринадлежности какому-либо одному государству или группе государств и, следовательно, его правовой доступности для любой страны, неизбежно возникал вопрос о гарантиях сохранения и защите «космической собственности». Будучи закономерным применительно к космическим системам любого назначения, этот вопрос был и остаётся особенно актуальным для военных космических систем, от которых напрямую зависит обороноспособность государства.

Во-вторых, в военно-стратегическом контексте в США сформирова-

⁹ Johnson R. Ballistic Missile Defence and the Weaponisation of Space. September 2003 // UK: Acronym Institute for Disarmament policy, 2003 // URL: <http://www.acronym.org.uk/old/archive/space/rejintro.htm>

¹⁰ The National Missile Defense Act of 1991 // Missile Threat – a website of the George C. Marshall and Claremont Institutes // URL: <http://missilethreat.com/publications/laws-and-treaties/national-laws-on-ballistic-missile-defense-act-of-1991/>

лась и получила широкое распространение точка зрения о том, что «кто владеет космосом, тот владеет и Землёй». Такая концепция имела поддержку в высоких военно-политических кругах и, несмотря на кажущуюся гипотетичность, во многом явилась истоком современных взглядов США на будущую роль космического пространства. Уже на заре космической эры США вели разговор об обеспечении военного присутствия в космосе на постоянной основе, важности военного доминирования в космическом пространстве, возможном постепенном превращении космоса в сферу размещения оружия, арену вооружённой борьбы и потенциальный театр военных действий. Советский Союз вынужден был адекватным образом реагировать на такую ситуацию.

В США и СССР были осуществлены и практические разработки в области противоспутниковых систем.

В США сначала была создана противоспутниковая система на основе ракеты-перехватчика наземного стационарного базирования, затем в 80-х годах – противоспутниковая система АСАТ самолётного базирования, успешно испытанная по реальной цели в космосе, но не развёрнутая и не поступившая на вооружение.

В СССР в 70-х годах был развёрнут наземный комплекс противокосмической обороны «ИС», который находился в эксплуатации до апреля 1993 г. Но начиная с 1983 г. испытательные пуски спутников-перехватчиков не проводились.

Весьма показательны в этом контексте представляются действия США в отношении введённо-

го Советским Союзом одностороннего моратория на вывод в космос противоспутникового оружия. Как известно, условия этого моратория были Соединёнными Штатами нарушены осуществлением в 1985 г. перехвата противоспутниковой системой АСАТ реального американского космического объекта (ИСЗ «Солунд») [11].

СССР заявил о том, что считает себя с этого момента свободным от одностороннего обязательства, но, проявляя добрую волю, будет продолжать де-факто воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия.

В 1992 г. президентом России была подтверждена готовность на основе взаимности с США ликвидировать существующие противоспутниковые системы и выработать договорённость о полном запрете вооружений, специально созданных для поражения спутников. Однако и это российское предложение не нашло позитивного отклика у Соединённых Штатов.

В условиях выхода США в 2002 г. из Договора по ПРО прекратило существование и обязательство не создавать, не испытывать и не развёртывать системы и компоненты ПРО космического базирования. Это не только открыло путь к созданию космического оружия для целей противоракетной обороны, но и дало возможность практически создавать и противоспутниковое оружие космического базирования в силу близости соответствующих технологий.

¹¹ Wright D., Grego L. Anti-satellite Capabilities of Planned US Missile Defence Systems // Disarmament Diplomacy. 2002. № 68 // UK: Acronym Institute for Disarmament Policy, 2002 // URL <http://www.acronym.org.uk/old/archive/dd/dd68/68op02.htm>

Подходы к «военному» космосу в новых условиях

В последующем в США появились новые взгляды на военное значение космического пространства, нашедших своё отражение в ряде руководящих документов, вводимых в действие президентами США, министрами обороны, комитетом начальников штабов, объединённым космическим командованием.

К таким документам относятся:

- Космическая политика США 1996 г.;
- Космическая политика министерства обороны США 1999 г.;
- Космическая политика США 2006 г.;
- Национальная космическая политика США 2010 г.;
- Национальная стратегия космической безопасности 2011 г.

Последние два документа завершали проведённый администрацией Б. Обамы обзор политики США в области космоса, определяли линию поведения на ближайшее десятилетие в области реагирования на существовавшую в то время и прогнозируемую стратегическую космическую обстановку [12, 13].

В целом космическая политика США периода Б. Обамы выстроена с попытками представить её в «неконфронтационном» ключе с акцентом на обеспечение устойчивости, укрепление стабильности в космосе, ответственное отношение к его освоению, право всех народов на свободный доступ в космическое простран-

ство, международное сотрудничество. В документах содержался призыв к обеспечению открытости при реализации космических программ. Подчёркивалась полезность применения мер укрепления доверия в космической деятельности. Упомянулась, с определёнными оговорками, даже возможность рассмотрения предложений в области мер контроля над вооружениями в космосе.

Вопросы использования космического пространства в интересах национальной безопасности были в определённой степени отодвинуты на второй план, что в целом было призвано придать космической политике США привлекательную окраску.

В космической политике США того периода не фигурировала в прямой постановке тема обеспечения господства в космосе, размещения в нём оружия, говорилось лишь о защите своей орбитальной космической собственности.

Несмотря на внешне «неконфронтационный» характер космической политики периода Б. Обамы, в ней нашли отражение некоторые «жёсткие» элементы военно-политического курса США: отвергались любые притязания какого-либо государства на суверенитет над космосом; преднамеренное вмешательство в работу космических систем рассматривалось как посягательство на права государства. Постулирова-

¹² 2011 National Security Space Strategy (NSSS) // Defense Technical Information Centre // URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a536546.pdf>

¹³ Directive of the United States Department of Defense on Space Policy № 3100.10. October 18, 2012 Space Directive // Defense Technical Information Centre // URL: http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/3100_10p.pdf

лось, что США будут удерживать другие страны от попыток такого вмешательства или боевых действий против орбитальной космической собственности, будут осуществлять её защиту, а если меры сдерживания не дадут результатов, ликвидируют попытки нападения. Сохранялась и установка на обеспечение всеобъемлющего контроля за ситуацией в космосе с использованием всех доступных источников информации.

В связи с подчёркиваемой американской стороной важностью для национальных интересов «устойчивости, стабильности в космосе и свободного доступа в космическое пространство» уже тогда возникал вопрос и об американском видении решения проблемы обеспечения безопасности космической деятельности в целом.

Главным у США периода Б. Обамы являлся тезис о «защите» космических систем и об «уничтожении» средств нападения.

Каким образом США намеревались это делать?

С помощью какого оружия эти задачи могли бы решаться?

С этим тесно связано и положение о свободном доступе в космос, а также задача укрепления лидерства США в космической деятельности. По существу, это была всё та же философия свободы действий в космическом пространстве, предопределяющая для США в условиях отсутствия соответствующих запретов возможность размещения, при необходимости, оружия в космосе при одновременном блокиро-

вании таких возможностей для других государств.

Весьма показательны в этом контексте выглядели манёвры американской администрации в отношении выдвинутого европейскими союзниками США по НАТО проекта так называемого Кодекса поведения в космосе (КПК) как возможного свода норм добровольного исполнения, продвигаемого от имени Евросоюза с 2008 г. и ориентированных на обеспечение безопасности космической деятельности [14]. Характерно, что КПК не затрагивал вопросы запрета на размещение оружия в космосе, но при этом содержал ряд скрытых силовых элементов.

Немного хронологии.

17 января 2012 г. США заявили о своём подключении к подготовке совместно с Евросоюзом проекта КПК, предложив рассматривать версию ЕС в качестве стартовой точки.

18 мая 2012 г. Россия представила в ЕС сводный документ со своими соображениями по КПК. Он был также распространён на первой многосторонней встрече экспертов по КПК (Вена, 5 июня 2012 г.). 16–17 мая 2013 г. в Киеве состоялась ещё одна многосторонняя встреча по КПК. Проблематика КПК обсуждалась и на ооновских многосторонних площадках.

Акцент в обсуждаемом в многостороннем формате и продвигаемом Евросоюзом проекте КПК, весьма далёком от «зрелых кондиций», делался на проблематике космического мусора. При всей важности этих аспектов выдвигать их в качестве единственно заслуживающих внимания приоритетов представлялся неоправданным.

¹⁴ Draft International Code of Conduct in Outer Space // European Union External Action // URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/space_code_conduct_draft_vers_31-march-2014_en.pdf

Прежде всего, достаточно «сырой» проект КПК не отвечал на вопрос об определении его места в системе международных инструментов по обеспечению безопасности космической деятельности (БКД). Что касается вопросов «мусора», то они на постоянной основе находятся в фокусе внимания Комитета ООН по космосу, его Научно-технического и Юридического подкомитетов. Поэтому проект КПК откровенно дублировал эту работу.

В этом контексте следует предположить, что ссылки в КПК на космический мусор были нужны прежде всего американцам (которые после долгого периода скепсиса неожиданно поддержали ЕС в его инициативе) для выстраивания схемы, подразумевающей возможность осуществления так называемых принудительных мер в космосе в «благих целях».

В качестве «принудительных мер» рассматривались «надюрисдикционные» действия по удалению (*removal*) иностранных нефункционирующих космических аппаратов (или их элементов), которые квалифицирова-

лись бы в качестве «космического мусора» на том основании, что контроль над ними утерян и более не осуществляется (ст. 4.2 проекта документа) [14]. При этом также нельзя было исключать, что проталкиваемые в этот период в различных, в том числе ооновских, форматах идеи взаимодействия специализированных космических структур государств с национальными операторами космических систем других государств в вопросах БКД были одновременно призваны подготовить почву для признания правомерности закрепления функций по активной «расчистке» космоса за частным сектором.

Убедившись, что попытки проталкивать через проект Кодекса поведения в космосе и на других многосторонних форматах международно-правовое закрепление идеи насильственного снятия с орбиты космических объектов под предлогом их «мусорной» опасности не проходят, американцы резко изменили тактику и сняли поддержку идеи КПК, которая так и остаётся пока нереализованной.

«Военный» космос в фокусе интересов

К настоящему времени доктринальные подходы США в отношении космоса ещё более эволюционировали.

Так, в октябре 2012 г. Пентагон обнародовал директиву по космической политике [13]. Документ, рассчитанный на 10 лет, заменил директиву от 1999 г. и ввёл в действие положения Национальной космической политики США от 2010 г. и Стратегии безопасности в космосе 2011 г. [12].

В документе объявляется, что любое вмешательство в деятельность американских космических систем, включая наземную инфраструктуру, рассматривается как «нарушение прав» США и требует «ответных действий». Документ показательен ещё и тем, что в нём, по сути, закладываются параметры создания «космической НАТО», в рамках которой нападение в космосе или на «космические» объекты на Земле од-

ного из государств – членов альянса будет рассматриваться как нападение на всех.

Кроме того, Минобороны США в августе 2013 г. принята программа выживаемости спутников военного назначения [15].

Программа представлена в виде Белой книги и направлена на то, чтобы сделать спутниковую группировку более устойчивой к внешнему воздействию. Запущенный программой процесс привёл к физическому разделению различных элементов одной космической системы между несколькими космическими аппаратами (КА), способными взаимодействовать друг с другом. В практическую плоскость вовлечено размещение военной аппаратуры на коммерческих спутниках не только США, но и на КА союзников. При этом КА государств – членов НАТО могут выводить на разные орбиты с одновременным дублированием задач в киберпространстве на Земле.

Таким образом, закладывается основа создания единого информационно-ударного комплекса НАТО, действующего в отношении космоса, из космоса к Земле и по линии космос-космос [16].

В настоящее время идёт активная фаза реализации этого проекта – на встрече Минобороны стран НАТО (июнь 2019 г.) предварительно одобрена космическая политика альянса [17].

Показательным в этом контексте является и доклад, опубликованный (март 2016 г.) 13 ведущими американскими аэрокосмическими научными обществами, фондами, профессиональными ассоциациями и промышленными объединениями – «Обеспечение лидерства США в космосе» (*SIC – вот оно, закрепление доминирования в космосе. – Авт.*).

В докладе отмечается критическое значение космоса для интересов США. Космическим платформам и спутниковым системам отводится ключевая роль как в обеспечении национальной безопасности (ранее предупреждение о возникновении угроз, связь, разведка, наблюдение и рекогносцировка), так и в развитии экономики страны, включая организацию прорывных НИОКР и инновационных производств на основе использования уникальных условий микрогравитации.

Однако при этом говорится, что американское лидерство в космосе оказалось под угрозой и в будущем не гарантировано по следующим причинам:

- неопределённость в вопросе финансирования космических программ;
- высокая конкуренция и стремительное развитие ракетно-космической техники в мире;
- сокращение с 2006 г. рабочих мест в космической отрасли на 17% (из 25 крупнейших коммерческих

¹⁵ Resiliency and Disaggregated Space Architectures, White Paper // Air Force Space Command // URL: <http://www.afspc.af.mil/shared/media/document/AFD-130821-034.PDF>

¹⁶ В Европе создадут первый в мире военный интернет // Melcon // URL: <http://www.melcon.iv>news/2019/06/29/ministry-oborony-nato>

¹⁷ НАТО утвердила концепцию альянса по сдерживанию в космосе // ТАСС // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6600988>

спутниковых операторов лишь один базируется в США), хотя страна по-прежнему располагает самым большим в мире отрядом специалистов, занятых в этом секторе.

Для сохранения лидерства предлагалось следующее:

- прогнозируемое финансирование и устойчивые инвестиции в космические разработки, развитие государственно-частного партнёрства;
- развитие международного сотрудничества, прежде всего на МКС;
- ускорение разработки новейших американских пусковых средств, в частности, завершение проектов по созданию сверхтяжёлой ракеты-носителя *SLS* и многоцелевого пилотируемого корабля *Orion*. Продолжение взаимодействия с частными компаниями в рамках программ по предоставлению коммерческих услуг в сфере орбитальной транспортировки и снабжения;
- поддержка конкурентоспособных инновационных проектов;
- продолжение реализации космической программы в области национальной безопасности, способной обеспечить превосходство США в космосе [18].

Новые доктринальные установки с приходом к оперативному управлению страной администрации Д. Трампа не заставили себя долго ждать.

В этом контексте прежде всего обращает на себя внимание объявленная 23 марта 2018 г. Националь-

ная космическая стратегия, которая, по оценкам президента Д. Трампа, закладывает условия лидерства США в космосе на долгие годы. Помимо большей защищённости, группировка КА должна обладать более широкими возможностями для стратегического сдерживания, улучшенными параметрами для ведения боевых операций. Для этих целей предусмотрено создание космического сегмента глобальной ПРО, а также целого комплекса мер для парирования новых возможностей России в сфере стратегического сдерживания (речь, скорее всего, идёт о гиперзвуковом планирующем блоке «Авангард»).

Серьёзный акцент на формирование ударной группировки ПРО космического базирования сделан также в обзоре политики США в области ПРО (январь 2019 г.). Пентагону поручено изучить наиболее перспективные технологии, а также график, стоимость и необходимое кадровое обеспечение.

Тем самым США фактически заявили о планах разместить на орбите ударные средства [19, 20].

Доктринальные установки подкрепляются и надлежательными организационными мерами. В июне 2018 г. президент Д. Трамп распорядился создать космические войска, призванные стать шестым видом вооружённых сил США, и уже в сентябре 2019 г. Космическое командование (КК) Вооружённых сил США

¹⁸ Ensuring U. S. leadership in space // Space Foundation. 2016. March 4 // URL: <http://www.spacefoundation.org>

¹⁹ New National Space Strategy // SpaceNews.com // URL: <http://www.spacenews.com>

²⁰ Missile Defense Review // US Department of Defense // URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf

было учреждено, что можно расценивать как часть многовекторных усилий по подготовке условий для превращения космоса в поле боя. Предлагаемые республиканской администрацией космические силы будут насчитывать от 15 до 20 тыс. чел. [21]. В целом наращивание американского военного потенциала в космосе предполагает опору на организационно-бюрократическую триаду: создание отдельного космического командования, агентства космического развития и собственно космических войск.

Американцы не скрывают, что подобные практические шаги направлены прежде всего для парирования возможностей России и Китая. При этом Трамп апеллирует к новейшим разработкам и «уникальным космическим технологиям», которые, по задумкам разработчиков космической стратегии США, позволят убедиться, что «доминирование (США) в космосе никогда не будет поставлено под вопрос».

Обратил на себя также внимание законопроект «О предельных расходах на национальную оборону США в 2019 финансовом году», конкретные положения которого указывают на активизацию подготовки к использованию космического пространства для целей боевых операций. В частности, законопроект предписывает Министерству обороны США представить комплексную стратегию по военным действиям в космическом пространстве [22].

Тот же законопроект раскрывает новые моменты в планах США по развитию своей глобальной системы ПРО и, в частности, её космического компонента. В документе, в частности, продекларировано намерение к 2030 г. сформировать целый эшелон средств космического базирования для перехвата баллистических ракет. Приступить к тестированию опытных образцов предполагается уже в 2022 г. На это выделяются значительные финансовые средства.

От Министерства обороны США ожидается повышение уровня готовности к отражению угроз из космоса. Для этого планируется реформировать существующую организационную структуру ВВС, отвечающих за космическую тематику, а также качественно пересмотреть бюджетную политику и концепцию проведения операций в данной сфере противоборства.

Необходимость проведения мероприятий по совершенствованию организационной структуры космических сил США в руководстве Пентагона объясняют постепенным ростом угроз возникновения силового противоборства в космическом пространстве. Об этом, в частности, свидетельствует соответствующее смещение приоритетов военного строительства в ведущих странах мира. Наибольшие опасения в Вашингтоне вызывают темпы развития китайского противоспутникового оружия.

По оценкам американских экспертов, Пекин значительно продвигает

²¹ Trump reauthorizes U.S. Space Command // Spaceflight Now // URL: <http://www.Spaceflightnow.com/>

²² National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019 // Congress // URL: <http://www.congress.gov>115/crpt/hrpt676/CRPT-115hrtp676.pdf>

нулся в разработке достаточно эффективных и относительно дешёвых средств поражения американских орбитальных объектов. Арсенал ракет, которые Народно-освободительная армия Китая (НОАК) способна применить для уничтожения американских спутников, составляют, по оценкам аналитиков МО США, *Dong Neng-3 (DN-3)*, *Kuaizhou-11* (Куайчжоу-11) и *CZ-11* (Чанчжэн-11).

Несмотря на неоднократные заявления китайской стороны о том, что её ракетная программа носит исключительно оборонительный характер, а указанные разработки будут использоваться для перехвата баллистических ракет вероятного противника или в качестве средств доставки полезной нагрузки на околоземную орбиту, Пентагон рассматривает их как прямую угрозу своим спутникам. Кроме того, для нарушения функциональности космической группировки китайцам достаточно применить спутники-перехватчики, способные создать на траектории полёта орбитальных средств облака обломков. НОАК, например, уже продемонстрировала наличие у неё таких возможностей, взорвав в учебных целях собственный метеорологический спутник [23, 24].

В целом складывается впечатление, что США стремятся развязать себе руки в космосе, опираясь на свою подавляющую космическую группировку. При этом фактически готовят почву для монопольного использования космоса и его форсиро-

ванной «вепонизации», т. е. выводу ударных боевых платформ в космическое пространство (не путать с использованием спутниковых группировок для обеспечения систем раннего предупреждения о ракетном нападении и для управления, связи и разведки, т. е. мерах, работающих на укрепление стратегической стабильности).

Ситуация осложняется появляющимися новыми технологическими возможностями – миниатюризацией КА, использования КА методом «роя», возможностями дистанционного подчинения чужих КА своей воле с применением так называемых спутников-инспекторов, планами разработки кинетического оружия, а также скрытых противоспутниковых систем, работающих в пассивном, некинетическом, режиме т. е. в ненаблюдаемом режиме влияния на космические аппараты и т. п.

Особого внимания требуют оценки политических последствий всё возрастающих технических и военных инноваций, направленных на внезапное и скрытое воздействие на возможности чужой спутниковой группировки, а также на «срыв пусков» баллистических ракет потенциального противника. Фактор скрытности и внезапности способен оказать наиболее разрушительное воздействие на стратегическую стабильность, особенно если речь идёт о направленном воздействии на системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

²³ China National Defence in the New Era // Ministry of Defence of China // URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/6224222/Whetepaperonnationaldefenseinnewera.pdf>

²⁴ Cordesman A. H. Chinese Space Strategy and Developments. P. 5–6 // URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160819_Chinese_Space_Strategy_Developments_0.pdf

Все эти шаги фактически балансируют на грани не только косвенных, но и собственно прямых признаков гонки вооружений в космосе (ГВК) и позволяют говорить о том, что создание предпосылок для рывка к «вепонизации» космоса уже на

данном этапе может привести к созданию новой стратегической ситуации, способной в корне изменить саму природу стратегического сдерживания и оказать существенное дестабилизирующее воздействие на стратегическую стабильность [25].

Франция на пути к «военному» космосу

Практически подключаются к космической военной гонке и союзники США по НАТО.

Как известно, 25 июля 2019 г. в Лионе министр обороны Франции Ф. Парли представила утверждённую президентом Э. Макроном военно-космическую доктрину Франции: 70-страничный документ, закладывающий политические, правовые и бюджетные основы для укрепления военного потенциала страны в космическом пространстве [26]. Это первый документ такого рода, и он, несомненно, повлияет на ситуацию в космосе.

Анализ документа и сделанные при его представлении заявления вызывают ряд вопросов.

Прежде всего, указанная в нём концепция «активной обороны». Речь, судя по всему, идёт о разработке ударных видов вооружений, основанных на новых физических принципах (в частности, лазеры, в том числе для оснащения мини-наноспутников).

Кроме того, говорится о принятии специальной программы под названием «Управление космосом». Ста-

вится задача создания к 2030 г. потенциала для проведения в космосе военных операций с помощью средств космического базирования. Судя по комментариям, имеется в виду не только совершенствование возможностей наблюдения за безопасностью спутников, но и «выявление подозрительного и враждебного поведения», а также создание средств «нейтрализации возможных угроз».

Возникает правомерный вопрос, по каким критериям будет определяться «враждебное поведение». Кроме того, нет ясности, как нейтрализовать возможные угрозы без размещения в космосе соответствующих средств.

Показателен политический контекст, в рамках которого была представлена доктрина и сделаны соответствующие заявления. О новой доктрине российской сторона не была проинформирована заранее, несмотря на динамично развивающееся двустороннее сотрудничество в области мирного космоса. Взаимодействие России и Франции реализуется в области создания средств доставки и эксплуатации спутнико-

²⁵ Koblentz G. D. Strategic Stability in the Second Nuclear Age // Council on Foreign Relations. Special Report. 2014. № 71. November.

²⁶ Как Франция собирается милитаризировать свою космическую доктрину // Le Monde // URL: <https://inosmi.ru/politic/20190726/245529943.html>

вых систем, а также развития космической науки.

Кроме того, в качестве практической иллюстрации необходимости такого рода шагов Минобороны Франции припомнило осень 2017 г., когда российский спутник «Луч» («Орион») якобы «шпионил» за франко-итальянским КА «Афина-Фидий», допустив опасные сближения с ним.

Именно на этом эпизоде Министерством обороны Франции и делался вывод о реальности «угроз в космосе».

Таким образом, Франция стала фактически вторым после США государством, которое официально признало возможность возникновения вооружённого конфликта в космическом пространстве.

Эволюция французских подходов к проблематике предотвращения гонки вооружений в космосе (ПГВК) проявляется весьма наглядно. После долгих лет конструктивного взаимодействия в этой области в 2018 г. Франция без каких-либо веских на то причин не только отказалась присоединиться к междуна-

родной инициативе – политическому обязательству по неразращению первыми оружия в космосе (НПОК), но и впервые проголосовала против одноимённой резолюции 73-й сессии ГА ООН, лишь призывавшей к диалогу по проблематике НПОК и ПГВК.

Данный проект резолюции ГА ООН, внесённый Россией, даже не содержал призыва взять на себя обязательство по НПОК, а лишь приглашал (в п. 5 постановляющей части) к рассмотрению возможности сделать это [27].

С учётом этого нельзя не прийти к логичному заключению, что планы Франции в отношении космических программ во всё большей степени фокусируются на военных задачах и в целом ставят своей конечной целью размещение в космосе ударных вооружений. И это при том, что в «мирном» космосе Россия и Франция активно взаимодействуют в области создания средств доставки и эксплуатации спутниковых систем, а также развития космической науки.

Гонка вооружений в космосе: насколько это реально

Есть ли в настоящее время основания говорить о существовании предпосылок для размещения оружия в космическом пространстве?

Ответ на этот вопрос скорее утвердительный, чем отрицательный. Существует мнение, что, по сути, гонка космических вооружений в космосе уже развязана. Имеются и международно-правовые пробелы,

позволяющие осуществлять вывод оружия в космос, и соответствующие военно-стратегические предпосылки и, как можно полагать, научно-технические возможности.

При этом далеко не все страны обеспокоены последствиями возможного выхода оружия в космос. В США использование космоса для размещения оружия аргументирует-

²⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/31 о неразращении первыми оружия в космосе // UnitedNations // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/31>

ся как «неизбежная» реакция на новые угрозы, возникшие в связи с распространением в мире ОМУ, ракет и ракетных технологий, включая «гиперзвук», овладением рядом государств средствами нарушения работы космических систем, в частности, технологиями «ослепления» датчиков космических аппаратов лазерным излучением.

Как может отразиться на стратегической стабильности и международной безопасности, на поведении государств в сфере вооружений возможная реализация концепций размещения оружия в космосе?

Для ответа на этот вопрос можно рассмотреть некоторые возможные стратегические ситуации.

Нельзя исключать вариант, когда усилиям США в области создания космического оружия различного назначения, а также противоспутниковых средств различных видов базирования другие страны по военно-техническим и экономическим соображениям не смогут противопоставить адекватные меры. Соединённые Штаты посредством солидных финансовых вливаний в соответствующие отрасли науки и промышленности могут уйти в технологический отрыв и создать мощную структуру космических вооружений. В сочетании с глобальной системой противоракетной обороны с возможными элементами космического базирования фактор монопольного наличия у США космического оружия и противоспутниковых средств может играть первостепенную роль в формировании военно-политической ситуации в мире.

Монопольное обладание космическим оружием вызывало бы у международного сообщества постоянное

психологическое ощущение дамоклова меча. Стратегическая ситуация в космосе стала бы малопредсказуемой из-за глобальной зоны действия космического оружия (например, невозможно уже говорить о «ненаправленности» космической ПРО против какой-либо страны), вследствие возможности скрытного воздействия на космические объекты других стран и выведения их из строя.

Международная обстановка подверглась бы сильному дестабилизирующему воздействию из-за возможности внезапного применения космического оружия.

Космическое оружие избирательного действия резко снизило бы порог его применения.

Размещение оружия в космосе вело бы к возникновению подозрительности в отношениях между государствами.

Однако реальнее исходить из того, что развитые в промышленном отношении страны вряд ли останутся безучастными к возможным намерениям одного государства разместить оружие в космическом пространстве. Вероятнее всего, могут предприниматься попытки не допустить этого и противодействовать таким намерениям созданием и развёртыванием хотя бы некоторых видов космического оружия, разработкой средств противодействия оружейным космическим системам либо наращиванием других видов вооружений. В результате – опасность повторения вооружённой конфронтации, стимулирования вооружённого соперничества, но теперь уже с охватом новой сферы – космического пространства.

Таким образом, выход ударного оружия в космос может иметь нега-

тивные последствия для всего процесса контроля над вооружениями, а применительно к самому космическому пространству, по существу, программировать вооружённое противостояние в нём. В этом случае совсем не беспочвенной является перспектива постепенного превращения космического пространства в арену вооружённого противостояния, в потенциальный театр военных действий.

Итак, можно констатировать, что вызов международному сообществу в отношении космоса Соединёнными Штатами, а в последнее время союзником по НАТО – Францией, по существу, брошен. Сделана заявка на достижение безусловного военного господства в космосе. У США сейчас объективно есть всё необходимое: сильная экономика, большой научный, технический и производственный потенциал для того, чтобы попытаться предпринять рывок в области наукоёмких космических технологий, разработки сложных дорогостоящих космических систем оружия. Франция тоже накопила солидный научный и военно-технический потенциал в этой области.

Для России в области космоса есть сейчас два реальных пути: либо смириться в перспективе с ролью второстепенной космической державы, либо избрать стратегию сохранения и развития научно-технического космического потенциала.

Согласится ли Россия с положением «фарватерного» космического государства?

Скорее всего, нет. Это не соответствует её самосознанию великой космической державы, имеющей колоссальный опыт исследования, освоения и использования космического

пространства. Второй путь для России представляется, возможно, единственно оправданным. Развитие научно-технического космического потенциала, концентрация основного внимания на научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах и необходимых испытаниях позволят России не отстать в области создания новых космических технологий, воплотить их в последующем в действующие космические системы и средства.

Кроме того, многолетний опыт отношений с США по разоруженческим вопросам показывает, что Соединённые Штаты идут на договорённости с сильным партнёром, который может достойно им противостоять. Поэтому обеспечение сопоставимости космических потенциалов России и США сохранит основу и для дальнейшего возможного правового регулирования проблемы оружия в космическом пространстве. При этом следует учитывать не только потенциал США в этой области, но и соответствующие совокупные возможности альянса, имеющие тенденцию к развитию, а также к интегрированному применению. Речь уместно вести не только собственно о военных «активах» в космосе, но и о возрастании космического потенциала в целом, который может быть задействован в целях двойного назначения.

Таким образом, анализ эволюции ключевых профильных доктринальных и установочных документов и динамики конкретных шагов как США, так в последнее время и НАТО, показывает, что элиты Запада во всё большей степени рассматривают космос как зону возрастающих жизненных интересов, а также как фак-

тор и условие обеспечения безопасности и военного преобладания в возможных вооружённых конфликтах и нивелирования рывка России в области создания новых вооружений.

При этом сам поиск дипломатических мер, направленных на ПГВК, по существу, отвергается, силовые действия становятся доминирующим фактором.

В этом контексте следует обратить внимание на ряд значимых фактов. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН убедительным большинством голосов принимается вносимая поочередно Египтом и Шри-Ланкой ежегодная резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве»; против неё не голосует никто, однако до 72-й сессии ГА ООН постоянно воздерживались США и Израиль [28]. Значение этой резолюции определяется тем, что в ней зафиксирован ряд принципиальных положений, в частности:

- подтверждается важность и неотложность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве;

- признаётся, что предотвращение гонки вооружений в космосе устранило бы серьёзную угрозу для международного мира и безопасности;

- выражается убеждённость в необходимости изучения дальнейших мер при выработке эффективных и поддающихся контролю двусторонних и многосторонних соглаше-

ний в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, включая вывод оружия в космос;

- указывается, что правовой режим, применимый к космическому пространству, сам по себе не гарантирует предотвращения гонки вооружений в космосе, этот режим необходимо упрочить, усилить и повысить его эффективность.

Весьма показательным, что на 73-й сессии ГА ООН резолюция по ПГВК одобрена 178 голосами «за», при этом США и Израиль впервые выступили «против».

В соответствии с резолюцией 65/68 ГА ООН 2010 г. под российским председательством в 2012–2013 гг. работала группа правительственных экспертов (ГПЭ), состоявшая из представителей 15 государств. Эта группа обобщила и развила имеющиеся предложения государств по мерам транспарентности и доверия в космосе (МТДК), а также выработала рекомендации по их внедрению в международную практику. Консенсусом принят представленный на 68-й сессии ГА ООН итоговый доклад ГПЭ (документ A/68/189) [29].

В развитие итогового доклада ГПЭ в 2014–2017 гг. консенсусом принималась резолюция ГА ООН по МТДК с беспрецедентным первоначальным трёхсторонним соавторством Россия – Китай – США. К 72-й сессии Генассамблеи, в соответствии с резолюцией по МТДК 70/53, подготовлен доклад Генсекретаря

²⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/31 Предотвращение гонки космических вооружений в космическом пространстве // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/31>

²⁹ Итоговый доклад Группы Правительственных экспертов по МТДК // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/document/ods.asp?m=A/68/189>

ООН с соображениями государств по поводу координации МТДК в системе ООН (документ A/72/65). Однако на 73-й сессии ГА ООН традиционно принимавшаяся консенсусом резолюция (A/RES/73/72) была вынесена на голосование: 180 голосов «за» при 1 воздержавшемся (Палау) и 2 «против» (Израиль и США) [30].

Это свидетельствует о существенной эволюции подходов США – от совместной выработки МТДК и совместного спонсорства резолюции до их фактического отрицания, что является серьёзным индикатором военно-космических приготовлений и желания доминировать в космосе.

Уместно подчеркнуть, что на многосторонних профильных площадках, а также во время двусторонних контактов Россия последовательно проводит ключевой тезис о том, что без выработки и принятия международного юридически обязывающего документа, содержащего надёжные гарантии неразмещения оружия в космосе, решать любые серьёзные вопросы обеспечения международной безопасности и стратегической стабильности становится уже практически невозможным. Солидной и, по сути, единственной базой для таких переговоров (никто иных альтернатив не пред-

лагал) является российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК, обновлённая версия представлена на конференции по разоружению (КР) в Женеве (июнь 2014 г.) [31].

Следует констатировать, что основные усилия на треке безопасности космической деятельности в её оружейном компоненте в настоящее время Россия проявляет как в виде продвижения Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, так и выдвинутой ею в 2004 г. международной инициативы/политического обязательства о неразмещении первыми оружия в космосе. (Число полноформатных участников НПОК выросло до 22 стран, последняя присоединившаяся страна – Бурунди.)

Вместе с тем США последовательно игнорируют российские инициативы по недопущению превращения космоса в поле боя, а в последнее время их критика ещё более усилилась, к ней всё масштабней и активней подключаются и ключевые союзники США по НАТО.

Подготовка основ для развёртывания полномасштабной гонки вооружений в космосе становится реальностью. Избежать этого наихудшего сценария возможно, только выработав и приняв юридически обязывающий документ, содержащий надёжные гарантии от вывода оружия в космос, участниками которого станут все космически значимые державы. Анализ

³⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по МТДК // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/72>

³¹ Проект-договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/document/ods.asp?m=CD/1985>

имеющихся косвенных и прямых признаков приготовления к гонке вооружений в космосе позволяет утверждать, что времени и возможностей для упреждающих дипломатических шагов по предотвращению гонки вооружений в космосе остается всё меньше.

Нет сомнения, что в ответ на возрастающие практические угрозы безопасности космической деятельности государства, осознающие свою ответственность за сохранение космоса в качестве общего достояния человечества для будущих поколений, должны, оставаясь на позиции неприятия любых планов по его «вепонизации», удвоить усилия по разъяснению пагубных последствий развёртывания качественной гонки вооружений в космосе для стратегической стабильности.

Особая роль здесь принадлежит России и российским научно-аналитическим структурам. Сложившаяся ситуация с безопасностью космической деятельности требует комплексных системных исследований, направленных на объективный анализ как её мирного, так и военного компонентов, а также на подготовку соответствующих рекомендаций, в том числе для продвижения практических предложений по предотвращению гонки вооружений в космосе.

Библиография • References

- В Европе создадут первый в мире военный интернет // Melcon // URL: <http://www.melcon.iv>news/2019/06/29/ministry-oborony-nato>
- [V Evrope sozdadut pervyj v mire voennyj internet // Melcon // URL: <http://www.melcon.iv>news/2019/06/29/ministry-oborony-nato>]
- Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства. Организация Объединённых Наций // URL: http://www.un.org>ru/documrnts/decl_conv/declarations/
- [Deklaraciya pravovyh principov, reguliruyushchih deyatel'nost' gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva. Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: http://www.un.org>ru/documrnts/decl_conv/declarations/]
- Договор о принципах деятельности государств по использованию и исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Организация Объединённых Наций // URL: http://www.un.org>ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml
- [Dogovor o principah deyatel'nosti gosudarstv po ispol'zovaniyu i issledovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vklyuchaya Lunu i drugie nebesnye tela. Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: http://www.un.org>ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml]
- Итоговый доклад Группы Правительственных экспертов по МТДК // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org>ru/document/ods.asp?m=A/68/189>
- [Itogovyj doklad Gruppy Pravitel'stvennyh ekspertov po MTDK // Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: <http://www.un.org>ru/document/ods.asp?m=A/68/189>]
- Как Франция собирается милитаризировать свою космическую доктрину // Le Monde // URL: <https://inosmi.ru/politic/20190726/245529943.html>

- [Kak Franciya sobiraetsya militarizirovat' svoju kosmicheskuyu doktrinu // Le Monde // URL: <https://inosmi.ru/politic/20190726/245529943.html>]
- NATO utverdila koncepciju al'yansa po sderzhivaniyu v kosmose // TASS // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6600988>
- [NATO utverdila koncepciju al'yansa po sderzhivaniyu v kosmose // TASS // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6600988>]
- Основные направления и принципы международного сотрудничества в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации (предложения СССР) // Борьба СССР за мирное использование космоса, 1957–1985. Документы и материалы. В 2 томах/ ред. А. С. Пиралов [и др.]. М.: Политиздат, 1985. Т. 2.– 527 с.
- [Osnovnye napravleniya i principy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v mirnom osvoenii kosmicheskogo prostranstva v usloviyah ego nemilitarizacii (predlozheniya SSSR) // Bor'ba SSSR za mirnoe ispol'zovanie kosmosa, 1957–1985. Dokumenty i materialy. V 2 tomah/ red. A. S. Piralov [i dr.]. M.: Politizdat, 1985. T. 2.– 527 s.]
- Проект-договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/document/ods.asp?m=CD/1985>
- [Proekt-dogovor o predotvrashchenii razmeshcheniya oruzhiya v kosmicheskom prostranstve, primeneniya sily ili ugrozy siloj v otnoshenii kosmicheskikh ob'ektov // Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: <http://www.un.org/ru/document/ods.asp?m=CD/1985>]
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/31 Предотвращение гонки космических вооружений в космическом пространстве // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/31>
- [Rezolyuciya General'noj Assamblei OON A/RES/69/31 Predotvrashchenie gonki kosmicheskikh vooruzhenij v kosmicheskom prostranstve // Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/31>]
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/31 о неразмещении первыми оружия в космосе // United Nations // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/31>
- [Rezolyuciya General'noj Assamblei OON A/RES/73/31 o nerazmeshchenii pervymi oruzhiya v kosmose // United Nations // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/31>]
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по МТДК // Организация Объединённых Наций // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/72>
- [Rezolyuciya General'noj Assamblei OON po MTDK // Organizaciya Ob'edinyonnyh Nacij // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/73/72>]
- 2011 National Security Space Strategy (NSSS) // Defense Technical Information Centre // URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a536546.pdf>
- Baucom D.R. The Origins of SDI: 1944–1983. Lawrence: University Press of Kansas, 1992.– 296 p.
- China National Defence in the New Era // Ministry of Defence of China // URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/6224222/Whetepaperonnationaldefenseinnewera.pdf>
- Cordesman A.H. Chinese Space Strategy and Developments // Centre for Strategic and International Studies – 33 p. // URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160819_Chinese_Space_Strategy_Developments_0.pdf

- Directive of the United States Department of Defense on Space Policy № 3100.10. October 18, 2012 Space Directive // Defense Technical Information Centre // URL: http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/3100_10p.pdf
- Draft International Code of Conduct in Outer Space // European Union External Action // URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/space_code_conduct_draft_vers_31-march-2014_en.pdf
- Ensuring U.S. leadership in space // Space Foundation. 2016. March 4 // URL: <http://www.spacefoundation.org>
- Fitzgerald F.* Way out there in the blue: Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.– 592p.
- Johnson R.* Ballistic Missile Defence and the Weaponisation of Space. September 2003 // UK: Acronym Institute for Disarmament policy, 2003 // URL: <http://www.acronym.org.uk/old/archive/space/rejintro.htm>
- Koblentz G.D.* Strategic Stability in the Second Nuclear Age // Council on Foreign Relations. Special Report. 2014. № 71. November.– 34 p.
- Missile Defense Review // US Department of Defense // URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf
- National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019 // Congress // URL: <http://www.congress.gov>115/crpt/hrpt676/CRPT-115hrpt676.pdf>
- National Security Space Strategy // Unclassified Summary. January 2011 // US Department of Defense // URL: http://archive.defense.gov/home/features/2011/0111_/docs/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummaryJan2011.pdf
- New National Space Strategy // SpaceNews.com // URL: <http://www.spacenews.com>
- Resiliency and Disaggregated Space Architectures, White Paper // Air Force Space Command // URL: <http://www.afspc.af.mil/shared/media/document/AFD-130821-034.PDF>
- Stares P.B.* The militarization of space: U.S. policy, 1945–1984. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985.– 352p.
- The National Missile Defense Act of 1991 // Missile Threat – a website of the George C. Marshall and Claremont Institutes // URL: <http://missilethreat.com/publications/laws-and-treaties/national-laws-on-ballistic-missile-defense-act-of-1991/>
- The UN General Assembly Resolution 1348 (XIII) A/RES/1348(XIII). The question of the peaceful use of outer space // The United Nations Organization // URL: [http://www.un.org/eng/documents/ods.asp?m=A/RES/58/1348\(III\)](http://www.un.org/eng/documents/ods.asp?m=A/RES/58/1348(III))
- Trump reauthorizes U. S. Space Command // Spaceflight Now // URL: <http://www.Spaceflightnow.com/>
- Wright D., Grego L.* Anti-satellite Capabilities of Planned US Missile Defence Systems // Disarmament Diplomacy. 2002. № 68 // UK: Acronym Institute for Disarmament Policy, 2002 // URL <http://www.acronym.org.uk/old/archive/dd/dd68/68op02.htm>

Статья поступила в редакцию 1 марта 2020 г.

Институты развития человеческого капитала России и политика «силового принуждения»

Артём ЖУКОВ

Классическая формула К. Клаузевица о взаимосвязи военной силы как средства внешней политики и приоритета политической цели сохраняет своё значение и в наши дни. В том числе сохраняет значение и классическая мысль К. фон Клаузевица о том, что «сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели. Если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боёв» [1, с. 62]. Или: «уничтожение противника не является целью частного боя, а лишь средством. ...Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нём вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения посредством одной постановки вопроса о бое...» [1, с. 63].

Таким образом, точное определение политической цели, ясное осознания целеполагания означает во многом изначально правильный выбор стратегии эффективного противоборства, т. е. эффективное сопротивление силовому давлению.

ЖУКОВ Артём Владимирович – ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО-Концерна ВКО «Алмаз-Антей». *E-mail*: avzh86@rambler.ru

Ключевые слова: средства и способы силовой политики, институты государства, общества, нация, безопасность.

¹ *Клаузевиц К. фон. О войне. Избранное. М.: АСТ, 2019.*

Иными словами, для выбора наиболее эффективного способа военно-силового противоборства необходимо попытаться очень точно сформулировать конечную (главную) и промежуточные политические цели, преследуемые потенциальным противником, возможные этапы их достижения и предполагаемые задачи, которые попутно должны быть им решены [2].

В этом заключается искусство политика и военачальника, зависящее от его способности к стратегическому прогнозу и выбору наиболее эффективных средств достижения политических целей, которые далеко не всегда означают военные средства. Именно эта задача сегодня стоит перед высшим военно-политическим руководством России при подготовке новой Концепции военной политики и Стратегии национальной безопасности.

Военный путь – не единственный к достижению цели

Для решения этой задачи нужно прежде всего определиться с характеристикой политической цели США и их союзников в отношении России. Это сделать не просто, но крайне необходимо [3]. Пока ограничимся простой констатацией главной стратегической цели США и всей западной военно-политической коалиции в отношении других стран (прежде всего в отношении стран «ревизионистов» – России, Китая, Ирана, КНДР, но в принципе любых государств мира): сохранение в целом созданной ими финансово-экономической и военно-политической системы, позволяющей контролировать развитие основных мировых процессов.

Такое «сохранение» предполагает на практике, в политической реальности современных международных

отношений и норм международного права – стремление США к сохранению тех норм и правил, с помощью которых происходит регулирование всех процессов в мире в желаемом для них русле (в частности, контроля над международной военно-политической и финансово-экономической обстановкой). Именно такие нормы и правила (объявляемые «международными», «цивилизованными» и пр.) выступают в качестве конкретных условий существования созданных систем*. Обвинение России в их нарушении (помощь Сирии, присоединение Крыма, отказ от послушного доминирования политике США и т. д.) выступает в настоящее время главным «аргументом» в адрес России.

Надо чётко себе представлять, что политическая цель западной во-

² Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. С. 1417–1503.

³ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.

* Угроза этим нормам и правилам регулярно озвучивается в нормативных и официальных документах США (The National Military Strategy of the United States of America 2015. Joint Chiefs of Staff. June 2015. P. 17).

енно-политической коалиции во главе с США – ослабление и уничтожение тех государств (лишение их суверенитета, капитуляция правящей элиты, внутренняя дестабилизация и подчинение в конечном счёте внешнему влиянию и т. д.), которые будут пытаться изменить военно-политическую обстановку (ВПО) в мире в свою пользу, нарушив монополию Запада на власть.

Однако достижение этих стратегических целей связано с огромными издержками и рисками, которые недопустимы в условиях сохранения военно-стратегического паритета и иных принципиальных ограничений. Поэтому осуществлять подобные цели предполагается поэтапно с усилением контролируемой враждебной эскалации при долгосрочном стратегическом планировании [4] (порой очень долгосрочном, как в случае с Украиной), с разрушением и уничтожением чужих норм и ценностей, прежде всего национального человеческого капитала (НЧК) и институтов его развития*.

Развал институтов развития чужого государства, их переподчинение рассматривается в качестве наиболее приоритетной изначальной задачи. Это относится даже к союзникам (к ним предпринимаются «мягкие» формы – «исправления» недостатков), когда политика по от-

ношению к этим странам имеет формально союзнический характер.

Подобная политика универсальна, она применима к любым субъектам, которым предъявляются разного рода претензии, например, в нарушении демократии, как к Саудовской Аравии, акторам МО**, глобальным и региональным*** международным институтам и даже отдельным организациям, которые не соответствуют интересам и целям политики Запада. В отношении этих институтов проводится политика «корректировки» их деятельности (в частности, ООН и Совета Европы) либо игнорирования и выхода из состава участников (например, ЮНЕСКО).

Институты развития нации, государства, общества и экономики являются наиболее приоритетными целями наших противников (достаточно вспомнить, как они демонтировали СССР, что привело к развалу центральной власти). Эти же институты выступают институтами безопасности государства и нации. И не только силовые (армия, правоохранительные органы и органы безопасности), но и социальные, экономические и общественные обеспечивают безопасность. При этом институты развития НЧК – государственные, общественные и частные – это не только институты, соз-

⁴ Кузык Б.Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2011.

* Институты развития национального человеческого капитала – здесь в узком, внешнеполитическом значении – инструменты (средства, меры, способы) развития и реализации политики государства, созданные нацией.

** Акторы МО – не государственные (международные, региональные, национальные) организации и институты, выступающие участниками формирования МО.

*** Региональные организации (РО) – многочисленные (более 100) организации, которые анализируются, например, по 130 параметрам в базе данных ЕАБР (Региональные организации: типы и логика развития. ЕАБР. Доклад № 37. СПб., 2016).

данные нацией, обществом и государством в интересах развития, но и реальные инструменты управления и обеспечения безопасности и стратегического планирования политики государства, в том числе и силовой. Их разрушение означает гибель государства, за которой неизбежно следует уничтожение национальной идентичности с угрозой для существования самой нации, её системе ценностей. Об этом предупреждал ещё в начале 50-х годов И. Ильин: «Без общего интереса, без всеобщей (т. е. всем общей) цели, без солидарности – государство не может существовать. Политическая цель – это та цель, про которую каждый гражданин может сказать: “Это моя цель”...» [5].

Таким образом, если во времена Второй мировой войны главными объектами для военного противоборства были армия и предприятия оборонной промышленности, то сегодня это государственная и общественная инфраструктура, прежде всего институты государственного и общественно-политического и экономического управления, институты развития государства, нации.

В настоящее время даже в относительно мирных условиях у правящей военно-политической элиты наблюдается запаздывание в осознании этих новых реалий. По-прежнему, когда говорят о внешних опасностях и угрозах, речь идёт прежде всего о военных угрозах вооружённым силам, промышленно-

административным центрам, предприятиям ОПК, а не скрытой, порой не всегда заметной политике развития институтов развития государства и общества [6].

Внешним силам не потребовалось применение вооружённого насилия против СССР, который до конца 80-х годов обладал лучшей в мире армией. Победа, о которой позже стали говорить в США и странах Европы, была обеспечена без применения вооружённого насилия, т. е. без использования традиционных военно-силовых средств и способов принуждения, которые к началу 80-х годов выглядели уже устаревшими, так как «в условиях мирного времени качественные скачки в развитии вооружённых сил и военной системы государства в целом... всегда сталкиваются с непониманием, неприятием, саботажем и противодействием» [7].

Таким образом, институты развития и обеспечения безопасности государства, общества и НЧК стали не только наиболее приоритетными объектами для внешнего силового влияния, но и **наиболее эффективными средствами такого силового влияния**. Именно опережающее развитие этих средств (институтов развития – НЧК, государственных, политических, идеологических, военных и негосударственных) является сегодня важнейшим фактором, определяющим не только возможности развития страны, но и возможности её внешнего силового влияния

⁵ Ильин И. А. Пути России. М.: Вагриус, 2007. С. 243.

⁶ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // URL: <https://base.garant.ru/70830556/>

⁷ Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019. С. 15.

в мире, а поэтому данные институты превратились в важнейшие объекты для внешнего силового (военного и невоенного) влияния, в важнейшие политические цели и средства такого силового влияния.

Системное и последовательное использование силы против этих групп факторов неизбежно ведёт не только к внутривнутриполитической дестабилизации у противника, но и неизбежному его политическому поражению.

Так, в истории, например России, наиболее опасными были периоды, когда разрушалась верховная власть и её институты (царская власть, Боярская дума, Земские соборы), которые сопровождались острыми социально-экономическими кризисами, ломкой духовно-нравственных институтов и национально-этническими кризисами. Именно так было в начале XVII в., начале и конце XX в. Так, для СССР это был развал:

- институтов государственного и общественного управления;
- институтов экономического развития и социально-экономического кризиса;
- кризиса политико-идеологического, пересмотра системы ценностей и норм;
- наконец, национально-этнического кризиса.

Для того чтобы ликвидировать такую мощную державу, как СССР, и социалистическое содружество, необходимо было успешно атаковать и уничтожать институты, на которых эта система держалась: партийно-общественные, государственные и пр.

Прав был, безусловно, гениальный специалист-практик по радикальной внутривнутриполитической дестабилизации В. И. Ленин, когда говорил: «Верхи не могут, а низы не хотят», что неизбежно ведёт к радикальной дестабилизации, т. е. социальной революции.

В некоторых случаях внешние институты (например, Всемирный банк, Международный валютный фонд) могут быть институтами разрушения национальных систем НЧК и их структур [8].

Так, замена национальной валюты на некую международно-признанную (доллар, евро, фунт) может вести к разным социально-экономическим последствиям, а практикуемая Западом политика «закредитовывания» своих оппонентов – к потере ими суверенитета.

Достаточно вспомнить последние годы правления М. С. Горбачёва и период правления Б. Н. Ельцина, когда внешние кредиты, порой на любых экономических и политических условиях, вели к потере фактически суверенитета и принятию политических решений, не соответствующих национальным интересам СССР/России.

Таким образом, институты развития НЧК – важнейшие инструменты развития и обеспечения национальной безопасности – инструменты развития и защиты государства, нации и общества от внешнего влияния.

Исследователи делят эти средства, используемые в целях гибридного конфликта, на несколько категорий – от психологических операций до поддержки и создания структур, противодействующих власти. При этом они пытаются сформулировать цели таких гибридных

⁸ Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. С. 22–25.

войн, рассматривая самый широкий спектр политических, экономических и военных целей [9].

Между тем главное, что остаётся пока за скобками внимания большинства исследователей и политиков, – это именно то, что институты развития НЧК выступают одновременно и универсальными средствами политики – силовой (военной и невоенной) и «мягкой силы». Институты развития НЧК стали главными объектами внешнего силового воз-

действия именно из-за их приоритетного значения для самого существования нации и государства. Их ослабление и разрушение неизбежно ведёт к развалу государства и последующему самоуничтожению нации. Пример СССР очень показателен.

Рассмотрим три основные группы институтов, которые одновременно выступают в качестве наиболее приоритетных политических целей и инструментов силовой политики.

Социально-экономическая группа институтов развития государства, общества и НЧК

Первая социально-экономическая группа факторов – институты, характеризующие государственное, региональное и местное управление страной: состояние экономики, инфляция, доходы населения, распределение национальных богатств и др. и влияющие на сохранение внутривнутриполитической стабильности, – представляет наиболее важную группу. Среди таких институтов в России исключительно важную роль играют Администрация Президента, Совет безопасности России, правительство.

И эта же группа факторов и институтов становится наиболее приоритетным объектом для внешнего силового влияния, более того, официальной политикой «силового принуждения» со стороны США и их союзников. О приоритетности этого направления внешнего влияния можно судить, например, по работе

RAND (The RAND Corporation) «Дезинтеграция и разбалансировка России», в которой все военно-политические инициативы рассматриваются с точки зрения эффективности политики по трём основным критериям, которые оценивались по шкале – «низкий», «средний» и «высокий» эффект с точки зрения:

- влияния на «вероятный успех по размыванию России»;
- других возможных преимуществ;
- затрат ресурсов и возможных рисков [10].

Исходя из этого, развитие НЧК и институтов данная группа факторов характеризует не только уровень душевого дохода (что является одним из трёх традиционных основных критериев индекса развития человеческого потенциала – ИРЧП), но и соотношение наиболее богатой и наиболее бедной части населения, т. е.

⁹ Джавед З. Гибридная война в XXI веке: анализ западных концепций // Центр стратегических оценок и прогнозов. 9 февраля 2020 // URL: <http://csef.ru/articles/print/9081>

¹⁰ Overextending and Unbalancing Russia. RAND, 2019. P. 10–11.

социальные отношения, а также других критериев, которые стали активно использоваться последние 30 лет для иллюстрации состояния социальной среды в стране («уровень счастья», «гендерное равенство» и пр.).

К сожалению, именно этот критерий – уровень развития государственных институтов НЧК, характеризующий эффективность государственного управления, – один из самых неблагоприятных для России (объективное снижение уровня жизни и сокращения числа и доли относительно благополучных хозяйств), что во многом стало поводом для президента В. В. Путина смены правительства в январе 2020 г. Это означало признание того, что государственные институты развития НЧК не отвечали требованиям президента России. Их замена должна, по его мнению, исправить ситуацию.

Именно поэтому исключительно важное значение для состояния ВПО приобретают внутренние проблемы государств, прежде всего внутривнутриполитическая стабильность и состояние общества (например, оно в США отнюдь не идеально; отношения между этническими сообществами и социальными группами представляют угрозу внутривнутриполитической стабильности).

Стоит напомнить, что главной целью Запада при подписании Заключительного акта в Хельсинки (1975 г.) было не мифическое политическое и экономическое сотрудничество в СССР. Для тех, кто непосредственно сталкивался с таким влиянием в 80-е годы, было очевидно, что процесс «разрыхления» власти был запущен достаточно радикально.

Летом 1982 г., например, был организован «Марш мира» через всю территорию СССР от Финляндии до Москвы и Минска (с акцентом в Хатыни), в котором приняли участие тысячи человек. Это происходило ещё при Л. И. Брежнев, когда будущие либералы из Международного отдела ЦК КПСС уже легально начали процесс демонтажа власти КПСС.

Когда совпадают две из трёх групп этих факторов, ситуация для внутривнутриполитической стабильности становится угрожающей, но когда совпадают все три группы основных факторов (а правящая элита не способна контролировать ситуацию, как это был в 1917 г. в Российской империи или в СССР в 1990–1991 гг. и на Украине в 2014 г.), то кризис перерастает в социальные потрясения.

Яркими примерами такой внутривнутриполитической дестабилизации является история СССР и России.

Вот несколько примеров в качестве иллюстрации.

Прежде всего, речь идёт о внутривнутриполитической дестабилизации СССР, когда сработали сразу все три группы факторов при очевидной неспособности и нежелании правящей элиты к сопротивлению:

- социально-экономическая ситуация в 1990–1991 гг. была сознательно доведена до крайности, в то время вопрос стоял о выживании большинства граждан. Достаточно напомнить о голоде и искусственно созданном дефиците на имеющиеся в наличии товары;

- религиозно-конфессиональная ситуация была максимально обострена: в стране стремительно развивались экстремистские исламские и иные организации, а Русская православная церковь (РПЦ) сознательно третировалась либерал-демократами под предлогом её связи с институтами государства;

- этнополитическая ситуация достигла беспрецедентных масштабов во всех союзных и автоном-

ных республиках: национализм и экстремизм стал нормой, а межнациональные конфликты приобрели вооружённый характер с карабахской войны.

Вторая – религиозная и конфессиональная – группа факторов (противоречия, нетерпимость и т. д.) – это ценностные и религиозно-конфессиональные институты развития НЧК и системы ценностей. В настоящее время влияние этих институтов в светских государствах меньше, чем в странах, где религия продолжает играть важную роль. Тем не менее эта группа факторов и институтов имеет в России, а в последнее время и в мире традиционно огромное значение. Два важных обстоятельства делают эту группу факторов и институтов особенно значимыми и актуальными.

Во-первых, в большинстве мировых правящих элит чётко осознаётся, что именно системы национальных ценностей и интересов, их защита обеспечивают национальную идентичность. Это обстоятельство стало общепризнанным, но, естественно, по-разному в разных локальных человеческих цивилизациях (ЛЧЦ) и разных странах: в Иране, США и ряде других государств национальная идентичность и система национальных ценностей возведены в абсолют, а их продвижение в мире объявляется приоритетной задачей [11].

Это в меньшей степени касается стран Западной Европы, хотя, например, накануне выборов в Европарламент (2019 г.) о своей поддержке фракции «Идентичность

и демократия» заявили 15 европейских правых партий (9 из которых получили места в Европарламенте) [12].

Во-вторых, институты НЧК, влияющие на системы ценностей и формирование национальных интересов, – самые фундаментальные по своему значению инструменты политики, которые меняют основы общества и государства. Такие изменения, как правило, затрагивают все области развития нации – политику, экономику, культуру. Они имеют долгосрочное значение, а их последствия выражаются в радикальных социально-политических сдвигах.

Так, например, Великая французская революция конца XVIII в. оказала огромное влияние не только на Францию и Европу, но и вышла далеко за географические пределы по своему значению.

Ещё большее значение имела Великая Октябрьская социалистическая революция в России, которая завершилась созданием целой новой социальной системы в мире – социалистической – и оказала огромное влияние как на развитие капиталистических стран, так и национально-освободительное движение.

Надо сказать, что западные политические элиты хорошо осознают важность таких фундаментальных перемен и работают на перспективу. В частности, на смену политико-идеологической парадигмы развития СССР (прежде всего системы ценностей) были затрачены десятилетия и огромные ресурсы, которые, как казалось иногда, не давали ре-

¹¹ Подберёзкин А. И. [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография. М.: Международные отношения, 2017.

¹² Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019.

зультатов. Формирование диссидентского движения и его лидеров в СССР и современной России было и остаётся приоритетной задачей для всех администраций и структур власти США после Второй мировой войны [13, с. 36–53].

В настоящее время Россия, как и многие другие страны, стала объектом для внешнего силового воздействия, поставившего цель реформировать систему ценностей, изменить общественно-политический климат и в конечном счёте сменить вектор развития. Борьба США и их союзников за «сохранение норм и правил цивилизованного мира» охватывает очень широкий спектр – от системы образования и отношения с религией до бытовых, сексуальных, спортивно-организационных и, конечно же, культурно-просветительных аспектов. И главные усилия в этом силовом давлении Запада на Россию концентрируются на изменении характера практически всех институтов развития НЧК, её обеспечивающих идентичность и суверенитет.

В этом контексте исключительно важную роль играет Русская православная церковь, которая в 90-е годы фактически осталась единственным институтом в стране, защищавшим национальную идентичность от западной идеологической агрессии.

Создание Всемирного русского народного собора (ВРНС) в 1992 г. стало самым первым симптомом та-

кого нарастающего влияния РПЦ в общественной жизни страны и её готовности встать на защиту национальной системы ценностей. Примечательно, что в эти же годы получили развитие идеи создания Совбеза и Концепции национальной безопасности России [14].

Надо сказать, что РПЦ всегда играла в истории значительную роль в периоды национальных кризисов, а православие нередко давало толчок развитию различных социально-политических процессов.

Так, восстание Е. Пугачёва во многом обеспечивалось поддержкой национальных меньшинств Поволжья, не согласных с насильственным насаждением православия, а революция 1917 г. произошла при пассивности РПЦ и других конфессий, фактически поддержавших в феврале и октябре новую власть.

И наоборот, деятельность Русской православной церкви имела огромное значение как минимум в двух наиболее острых периодах развития государства – во время монголо-татарского ига и феодальной раздробленности, а также в период Смутного времени начала XVII в. Именно тогда РПЦ выступила единственной силой, объединяющей нацию и правящую элиту.

В настоящее время не только католическая церковь, но и радикальные исламские течения выступают активными политическими акторами, которые вполне сопоставимы и конкурентоспособны по сравнению даже с государственными институтами. Именно поэтому в России создаются, в том числе и с помощью из-за рубежа, многочисленные псевдорелигиозные организации и секты, а некоторые из них («Свидетели Иеговы», например) от-

¹³ Публичная дипломатия: Теория и практика. Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.

¹⁴ Доктрина национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1993; Современная Русская идея и государство. М.: РАУ-Университет, 1994; Концепция национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1993; Концепция национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1994–1996.

крыто поддерживаются иностранными государственными структурами.

Неслучайно на Украине основной удар в начале 90-х годов был нанесён по РПЦ, а затем, уже в наши дни, церковный раскол приобрёл неуправляемый русофобский характер.

Религиозные институты играют значительную роль и в других странах, например в Иране, где аятоллы фактически управляют страной, или в Сирии, где сунниты и шииты нередко оказывают решающее влияние на ход конфликта.

Стоит напомнить, что развал СССР сопровождался антигосударственными выступлениями со стороны не только католиков и мусульман, но и многочисленных религиозных организаций. РПЦ в самом начале либерально-демократических антигосударственных реформ осторожно выступила против курса на разрушение страны, превратившись в объект для нападков со стороны внешних сил и внутренних нарождавшихся институтов демократии.

Особенное значение в этом столкновении ценностей имеют цивилизационные ценности локальных человеческих цивилизаций, на базе которых в настоящее время формируются не только политические центры силы, но и военно-политические коалиции.

Об этом писал известный идеолог Запада Э. Бжезинский, например, в предисловии к работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»: «...в современном пробудившемся мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас... ориентации на межцивилиза-

ционные коалиции, взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями» [15, с. 5].

Исключительно важное политическое значение имеет в настоящее время радикальный ислам, причём не только на формирование МО и ВПО, но и на внутривосточную стабильность во многих государствах – от самых архаичных до самых передовых.

Так, события «арабской весны» стали одним из наиболее ярких и известных примеров, хотя задолго до этого, ещё в период афганской войны СССР, было ясно, что интенсивная и осознанная поддержка радикальных организаций ислама Соединёнными Штатами и другими государствами может закончиться многочисленными и длительными конфликтами.

Уже после вывода советских войск из Афганистана война там не прекратилась, а обострилась, распространившись фактически на территорию СССР. И не только Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, но и Казахстана и самой России. Это проявилось в 90-е годы в военных конфликтах на Северном Кавказе, а позже в террористической деятельности уже не только против России, но и США и стран Западной Европы. В настоящее время она с переменным успехом для радикальных исламистских режимов идёт в десятках стран – от Германии до Сирии и Йемена. Своего рода высшей организационно-политической точкой в этом стало создание международной террористической организации

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.

«Исламское государство» (МТО «ИГ»)*.

От других террористических организаций и институтов она качественно отличается, а именно:

- религиозно-идеологической основой воссоздания единого исламского халифата;
- наличием мощной ресурсной и финансовой базы;
- гибридной системой управления;
- глобальной информационно-пропагандистской структурой;
- адаптивностью к применению антитеррористических мер [16].

Обязательно следует отметить, что только мощные государства и их спецслужбы (в реальности – США, ряд стран Запада и в целом коалиции во главе с США, а также нескольких других государств) способны обеспечить развитие этих радикальных, экстремистских и террористических организаций и превратить их в активных субъектов политики, потому что требуется как минимум:

- финансирование деятельности;
- обучение боевиков (хотя бы минимальное);
- снабжение вооружением, военной и спецтехникой (ВВСТ).

Без решения этих вопросов экстремистская и террористическая деятельность невозможна.

Таким образом, объективно в мире с конца прошлого века усилилась борьба между представителями разных систем и ЛЧЦ, наций и государств, где институты развития НЧК – государственные, обществен-

ные и международные – стали мощными инструментами политического влияния и принуждения.

Противодействие таким институтам заключается не только в силовой и вооружённой борьбе с ними (как на Северном Кавказе и в Сирии), но – что не всегда вовремя осознаётся в структурах военной организации России – и созданием собственных институтов НЧК, ориентированных на ускоренное развитие собственной системы ценностей и их защиту от внешнего негативного влияния.

Примечательно, что дискуссия по поправкам в Конституцию России, развернувшаяся в начале 2020 г., во многом отражает именно эту потребность: защиту национальных (роли русского языка и государствообразующей нации), религиозных (значении православия), семейных и государственных ценностей, что свидетельствует о запоздалом, но возвращении приоритетности в понимании российской правящей элиты этих проблем.

Третья стратегическая цель – этнонациональные институты государственного и общественного развития, группа факторов и влиятельных институтов (отношения между нациями, этносами и отдельными народностями), формирует объекты внешнеполитического воздействия и инструменты влияния на эти объекты. Во многом их значение определяется исторической традицией и условиями развития человеческой

¹⁶ Красинский В. В. Международная террористическая организация «Исламское государство»: история, современность. М.: ИНФРА-М, 2017.

* Решением Верховного Суда России от 29 декабря 2014 г. международная организация «Исламское государство» была признана террористической и её деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

цивилизации, однако следует отметить, что именно с конца XX в. начался своего рода «политический ренессанс» в развитии цивилизационных институтов.

Можно сказать, что прекращение политико-идеологической конфронтации, которая (как ошибочно считалось многие годы) лежала в основе противоборства государств во второй половине XX в., вылилось в нарастание конфронтации цивилизационной, в которой этнические, культурно-исторические и особенно национальные особенности стали играть ведущую роль [11]. Эта нарастающая конфронтация (опять же вопреки представлениям о «новом мышлении») породила мощные процессы (и новую область политической деятельности – публичную дипломатию) по созданию, совершенствованию и защите институтов государства, чьё предназначение заключалось в развитии национальных систем ценностей и их продвижение в мире [13, с. 36–53].

С точки зрения современного уровня человеческой цивилизации в ней противостоят две основные тенденции – глобализации, мультикультурализма, стирания граней и особенностей в развитии локальных человеческих цивилизаций, с одной стороны, и одновременно стремление сохранить систему цивилизационных и национальных ценностей, которое, как правило, совпадает с желанием сохранить национальные интересы – в другой.

Основные противоречия между нациями в XX в. уже были перенесены в область межцивилизационных

отношений*. Даже развал СССР и Организации Варшавского договора (ОВД) с окончанием идеологического противостояния, прекращения поддержки со стороны социалистических стран других государств, избравших некапиталистический путь развития, не покончили с противоборством, прежде всего с Россией, со стороны Запада. Из политико-идеологической области оно было перенесено преимущественно в область цивилизационную, экономическую, военную и информационно-когнитивную. Как оказалось, цивилизационное противоборство жёстче и бескомпромисснее, чем политико-идеологическое. К основным этим факторам, формирующим его содержание, относятся:

– общность языка (так, русский язык стал политической целью № 1 для националистов, в том числе на Украине). На всем пространстве Европы, но прежде всего в постсоветских республиках, началась кампания по ликвидации условий для существования и развития русского языка. Эта кампания бурно проходила и проходит не только в странах Прибалтики и на Украине, но и в союзных с Россией государствах – Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Белоруссии;

– общность истории, которую искусственно стали делить на «украинскую» и «русскую». Особенно остро эта кампания проявляется в отношении трактовки истории Второй мировой войны, роли СССР, послевоенного урегулирования и роли КПСС, которую ассоциируют с ролью центрального правительства;

* Об этом впервые написали известные западные политологи А. Тойнби и С. Хантингтон.

– общность культуры и традиций, где попытались провести радикальные границы между советской, российской культурой, с одной стороны, и национальными культурами и особенностями – с другой;

– общность территории;

– общность экономики, которую разделили вопреки кооперационным связям на национальные экономики;

– общее самосознание.

Для славянских постсоветских стран существует ещё:

– межплеменная преемственность, которая всячески отрицается (в частности миграция русских с северо-востока и севера на Днепр и обратно);

– кровное родство, которое по последним генетическим социологическим исследованиям в значительной степени идентично либо очень близко;

– общая религиозная конфессия – православие – и принадлежность к Русской православной церкви Московского патриархата. «Независимость» Украинской православной церкви быстро превратилась в рас-

кол, который в дальнейшем привёл к её фактическому подчинению зарубежному влиянию и силам, реализующим это влияние на Украине.

С точки зрения эволюции внешнего влияния на эти объекты можно легко обнаружить несколько стадий:

– первая – латентная, когда мягко подчёркивается сама возможность обособления объекта влияния от общецивилизационной матрицы;

– вторая – уже открытая, но отнюдь пока что не враждебная, когда такая обособленность признаётся фактом (вспомним книгу экс-президента Л. Кучмы «Украина – не Россия»);

– третья – откровенно противопоставляющая себя общей цивилизационной общности, когда, например, украинскому языку уделяется искусственно повышенное внимание;

– четвёртая – открытая борьба с общими цивилизационными основами – языком, культурой, экономикой и пр.;

– пятая – запреты и террор в отношении общецивилизационных основ.

Факторы, определяющие будущее цивилизации

Действительно, если цивилизационное влияние сильно, то и преодолеть его можно только с помощью такого же цивилизационного влияния. Очевидно, что так называемая санкционная политика в отношении России – от политики силы в ООН и в информационном пространстве, спорте, военно-техниче-

ской области и т. д. – носит откровенно цивилизационно-коалиционный характер. В ней участвуют не только военные союзники США, но и Финляндия, Австрия, Австралия и другие страны, включая нейтральную Швейцарию [17].

Эта степень давления, по мнению некоторых, включая З. Бжезинского

¹⁷ Подберёзкин А. И. Значение ЛЧЦ как субъектов формирования МО в мире // ЦВПИ. 13 февраля 2020 // URL: www.eurasian-defence.ru

и С. Хантингтона [15, с. 5], может быть очень высокой, прежде всего потому, что именно ЛЧЦ создают основу для новых центров силы и военно-политических коалиций, которые, в свою очередь, стали главными факторами формирования МО в мире в начале XXI в. При этом именно фундаментальные факторы развития предопределяют становление и мощь будущих цивилизаций, центров силы и коалиций. Как справедливо заметил В.В. Путин на Всемирном русском соборе (1 ноября 2018 г.), «вес и влияние полюсов будущего развития» будет определяться, прежде всего, «их экономической, культурной, научной, духовной и человеческой основой, потенциалом» [18].

При таком политическом подходе к роли ЛЧЦ происходит отказ от метода простого финансового или экономического сравнения и сопоставления разных государств и тем более оценки степени развития наций и разных культур. Мир, вся система МО и ВПО, рассматривается как совокупность, а не неизбежное противостояние локальных культур отдельных цивилизаций. Именно такая совокупность в итоге и определяет доминирующий в настоящее время путь развития всей человеческой цивилизации, в том числе и международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), которые являются прямым следствием такого развития. Проблема, однако, в том, что политические элиты ряда таких цивилизаций и их коалиций основывают свои оценки МО на противоборстве цивилизаций и неизбежности развития силового противоборства их военно-политических коалиций.

Причём – что особенно важно – эти ЛЧЦ и их экономики, как и их военно-политические коалиции (или «протокоалиции», существующие не только в форме союзов, но и, как БРИКС, в форме клубов), развиваются и будут развиваться во всё большей степени неравномерно.

Подобная неравномерность неизбежно предполагает и неравномерность развития военных потенциалов государств, и конкретных военно-политических коалиций государств, объединённых на базе ЛЧЦ. Эта неравномерность в развитии военных потенциалов ЛЧЦ хорошо иллюстрируется на примере роста ВВП отдельных стран – лидеров таких ЛЧЦ и их коалиций (что, однако, отнюдь не означает механического совпадения темпов экономического роста и военной мощи коалиций).

Эти изменения в политических намерениях неизбежно отражаются на поиске новых средств силовой борьбы и способах их применения. Очень наглядно эта логическая цепочка реализовалась в политике КНР и Индии, а также ряда других государств, которые уже пересматривают свои политические цели и основные положения военной политики по мере роста экономической мощи. Военные потенциалы этих государств уже не только количественно, но и качественно становятся вполне сопоставимыми с военными потенциалами прежних лидеров ЛЧЦ – США и России.

Эту логику можно представить себе следующим образом.

На самом «верху» данной логической цепочки находятся отношения

¹⁸ <https://tass.ru/obschestvo/5746178>

между ЛЧЦ и новыми центрами силы. Именно эти отношения во многом предопределяют будущее состояние МО, а соотношение их экономических и военных сил становится во многом главным критерием, характеризующим состояние МО. Поэтому во втором десятилетии XXI в. необходимо, просто жизненно важно максимально точно определить направленность вектора и темпы развития всей человеческой цивилизации, который во многом является совокупностью взаимовлияния развития основных ЛЧЦ и их отношений, влияющих на МО.

В результате развития этих процессов создаются принципиально новая основа для будущей МО, а направленность и динамика развития той или иной системы МО задаёт основные параметры (темпы, обязательства и т. п.) для формирования будущей ВПО. Так, стремление западной ЛЧЦ сохранить военно-силовыми средствами и способами свой

контроль в мире (т. е. в МО), неизбежно будет инициировать военные и иные конфликты, образуя систему противостояния в ВПО. Что и происходит в настоящее время и будет усиливаться в будущем, создавая новую глобальную и региональные ВПО и их производные – стратегическую обстановку, военные конфликты и различные по своему характеру и масштабу войны.

Суть конфликта на Украине заключается именно в этом: после того как все остальные (польские, чешские и пр.) нации были интегрированы, поглощены западной ЛЧЦ, осталась только русская ЛЧЦ, которую нужно ассимилировать и уничтожить. Такая политика – не новая линия в политике Запада. Она стабильно и систематически проводилась с конца первого тысячелетия нашей эры, например, в вытеснении славян на восток Европы, уничтожении Византии, преследовании православия.

Русский философ Н. Я. Данилевский ещё в XIX в. изложил свои взгляды в книге «Россия и Европа» [19], где он подвергнул критике европоцентристскую схему развития человечества. Линейно-прогрессивистской перспективе (т. е. современной западной ЛЧЦ) он противопоставил мультикультурную концепцию исторического процесса. (Которую в наших условиях можно обозначить как неравномерность развития ЛЧЦ.) Он отказался от идеи единой общечеловеческой задачи, реализуемой в историческом развитии народов, как это было у Г. Гегеля. Для него история плюралистична: она развивается в соревновании между ЛЧЦ.

Выступая против европоцентристской схемы понимания истории культуры, учёный выдвигал теорию культурно-исторических типов, рассматривал законы их развития, отстаивал уникальность и важность вклада в мировую историю каждой культуры. Н. Я. Данилевский писал об односторонности теории линейного прогресса истории человечества, отвергал претензии европейской цивилизации на роль культурного эталона и представление о странах Востока как сфере культурного застоя и косности. (Сегодня то же самое можно сказать о США.) Он выделил несколько самобыт-

¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Академический Проект, 2015.

ных цивилизаций, или культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, и др.

Развитие цивилизации определяется тем, способно ли творческое меньшинство цивилизации (т. е. креативный, творческий класс) находить ответы на вызовы природного мира и человеческой среды. Поэтому будущее ЛЧЦ зависит прежде всего от состояния НЧК и институтов его развития, которые и определяют масштабы и качество этого «творческого меньшинства» [17].

По мнению А. Тойнби, каждая цивилизация даёт сформулированный её «творческим меньшинством» ответ на подобный вызов, бросаемый ей природой, социальными противоречиями и в особенности другими цивилизациями [20].

На стадиях возникновения и роста творческое меньшинство находит ответ на вызовы окружения, авторитет его растёт и идёт развитие цивилизации.

На стадиях надлома и разложения творческое меньшинство утрачивает способность находить ответы на вызовы окружения и превращается в элиту, стоящую над обществом и управляющую уже не силой авторитета, а силой оружия. Большинство населения цивилизации превращается во «внутренний пролетариат». Правящая элита создаёт универсальное государство, а внутренний пролетариат – Вселенскую церковь, тогда как «внешний пролетариат» создаёт мобильные военные отряды [17].

Очевидное относительное сокращение демографической и экономической мощи Запада по отношению некоторым другим ЛЧЦ объективно ведёт к использованию им самых разных политических и иных инструментов (силовых, военных и невоенных), которые предназначены для компенсации этих изменений.

Можно представить себе даже обратно пропорциональную зависимость: чем больше нарастает демографическая и экономическая разница в пользу новых центров силы, тем больше увеличивается силовой компонент политики западной ЛЧЦ. Это означает, что в самом общем виде можно построить график под условным названием «Усиление политики “силового принуждения” Запада в зависимости, например, от демографических изменений».

В конечном счёте та ЛЧЦ, возглавляемая нацией-лидером, которая победит в этом соревновании, будет формировать будущую МО и ВПО. Причём решающую роль в такой победе будут играть институты развития НЧК той или иной нации и ЛЧЦ.

Библиография • References

- Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // URL: <https://base.garant.ru/70830556/>
 [Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 25 dekabrya 2014 g. № Pr-2976) // URL: <https://base.garant.ru/70830556/>]

²⁰ Тойнби А., Хантингтон С. Как гибнут цивилизации. М.: Родина, 2018.

- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Академический Проект, 2015.– 602 с.
[*Danilevskij N.YA.* Rossiya i Evropa. M.: Akademicheskij Proekt, 2015.– 602 s.]
- Джавед З.* Гибридная война в XXI веке: анализ западных концепций // Центр стратегических оценок и прогнозов. 9 февраля 2020 // URL: <http://csef.ru/articles/print/9081>
- [*Dzhaved Z.* Gibridnaya vojna v XXI veke: analiz zapadnyh koncepcij // Centr strategicheskikh ocenok i prognozov. 9 fevralya 2020 // URL: <http://csef.ru/articles/print/9081>]
- Доктрина национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1993.
[*Doktrina nacional'noj bezopasnosti Rossii.* M.: RAU-Universitet, 1993]
- Ильин И.А.* Пути России. М.: Вагриус, 2007.– 508 с.
[*I'in I.A.* Puti Rossii. M.: Vagrius, 2007.– 508 s.]
- Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009.– 399 с.
[*Issledovatel'skie universitety SSHA: mekhanizm integracii nauki i obrazovaniya / pod red. prof. V.B. Supyana.* M.: Magistr, 2009.– 399 s.]
- Клаузевиц К. фон.* О войне. Избранное. М.: АСТ, 2019.– 318 с.
[*Klauzevic K. fon.* O vojne. Izbrannoe. M.: AST, 2019.– 318 s.]
- Концепция национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1993.
[*Koncepciya nacional'noj bezopasnosti Rossii.* M.: RAU-Universitet, 1993]
- Концепция национальной безопасности России. М.: РАУ-Университет, 1994–1996.
[*Koncepciya nacional'noj bezopasnosti Rossii.* M.: RAU-Universitet, 1994–1996]
- Красинский В.В.* Международная террористическая организация «Исламское государство»: история, современность. М.: ИНФРА-М, 2017.– 108 с.
[*Krasinskij V. V.* Mezhdunarodnaya terroristicheskaya organizaciya «Islamskoe gosudarstvo»: istoriya, sovremennost'. M.: INFRA-M, 2017.– 108 s.]
- Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011.– 604 с.
[*Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Yakovec YU. V.* Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie i nacional'noe programmirovanie. 4-e izd. pererab. i dop. M.: Ekonomika, 2011.– 604 s.]
- Подберёзкин А.И.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография. М.: Международные отношения, 2017.– 357 с.
[*Podberyozkin A. I.* [i dr.]. Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiya odnoshe-nij mezhdulokal'nymi civilizatsiyami v Evrazii: monografiya. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017.– 357 s.]
- Подберёзкин А.И.* Значение ЛЧЦ как субъектов формирования МО в мире // ЦВПИ. 13 февраля 2020 // URL: www.eurasian-defence.ru
[*Podberyozkin A. I.* Znachenie LCHC kak sub»ektov formirovaniya MO v mire // CVPI. 13 fevralya 2020 // URL: www.eurasian-defence.ru]
- Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. – 1596 с.
[*Podberyozkin A. I.* Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 1596 s.]
- Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019.– 832 с.

- [*Popov I. M., Hamzatov M. M. Vojna budushchego. Konceptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody. Oчерki strategicheskoy mysli. 3-e izd., ispr. M.: Kuchkovo pole, 2019.– 832 s.*]
- Публичная дипломатия: Теория и практика. Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.– 272 с.
- [*Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika. Nauchnoe izdanie / pod red. M. M. Lebedevoy. M.: Aspekt Press, 2017.– 272 s.*]
- Региональные организации: типы и логика развития. ЕАБР. Доклад № 37. СПб., 2016.– 80 с.
- [*Regional'nye organizacii: tipy i logika razvitiya. EABR. Doklad № 37. SPb., 2016.– 80 s.*]
- Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019.– 48 с.*
- [*Rivera E., Devis M., Bunevich D. «Identichnost' i demokratiya»: ul'trapravye v Evroparlamente. M.: Institut vneshnepoliticheskikh issledovanij i ini-ciativ, 2019.– 48 s.*]
- Современная Русская идея и государство. М.: РАУ-Университет, 1994.
- [*Sovremennaya Russkaya ideya i gosudarstvo. M.: RAU-Universitet, 1994*]
- Тойнби А., Хантингтон С. Как гибнут цивилизации. М.: Родина, 2018.– 302 с.*
- [*Tojnbі A., Hanington S. Kak gibnut civilizacii. M.: Rodina, 2018.– 302 s.*]
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.– 571 с.*
- [*Hanington S. Stolknovenie civilizacij. M.: AST, 2016.– 571 s.*]
- Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.– 434 с.*
- [*SHtol' V. V. Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aletejya, 2019.– 434 s.*]
- Overextending and Unbalancing Russia. RAND, 2019.
- The National Military Strategy of the United States of America 2015. Joint Chiefs of Staff. June 2015.– 24 p.
- <https://tass.ru/obschestvo/5746178>

Статья поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

«Похищение Европы»: от плана Дауэса к программам помощи постсоветским странам

Ольга КУЗНЕЦОВА

Игорь КРИШТАЛЬ

Как начиналось доминирование США в Европе: план Дауэса и план Юнга

В начале XX в. произошло изменение вектора западного экспансионизма – от прямого захвата чужих территорий к экономическому, политическому, военному подчинению независимых государств, к ограничению их суверенитета. После окончания Первой мировой войны США приступили к созданию подчинённого Америке однополярного мира.

Для закрепления своих позиций в Европе США разработали две программы: план Дауэса и план Юнга. Эти программы предусматривали не только реальную помощь странам

в виде льготных кредитов, материальных ресурсов, правительственных консультаций, но и предоставляли существенные возможности для страны-донора развивать и строить на этом собственную успешную экономику и иметь высокий политический вес на международной арене.

По Версальскому мирному договору (1919 г.) страны, развязавшие Первую мировую войну, должны были выплатить странам-победительницам репарации, однако это условие не могло быть реализовано

КУЗНЕЦОВА Ольга Дмитриевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории РЭУ им. Г. В. Плеханова. *SPIN-код:* 2210-8767, *E-mail:* kod352@mail.ru

КРИШТАЛЬ Игорь Семёнович – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова, *SPIN-код:* 3967-0616, *E-mail:* kliothere@gmail.com

Ключевые слова: план Дауэса, план Юнга, план Маршалла, ленд-лиз, экономическая помощь.

из-за царившей в Европе разрухи. В 1922 г. разразился репарационный кризис, вызванный отказом Германии поставлять уголь и древесину в счёт репараций. Силовое давление со стороны Франции и Бельгии не изменило ситуацию [1].

Таким образом, разрыв между репарационными претензиями к Германии и реальными возможностями Веймарской республики их удовлетворить послужил основной причиной появления специального плана помощи Германии.

Разработкой плана в Международном комитете экспертов руководил американский банкир Ч. Дауэс. В августе 1924 г. на Лондонской конференции стран-победительниц план был принят и вошёл в историю как план Дауэса.

Содержащиеся в плане мероприятия создавали условия не только для продолжения репарационных выплат, но и для восстановления военно-промышленного потенциала Германии, открывали рынок страны для американского капитала [2]. Репарации выплачивались в натуральной и денежной формах [3]. Специальные комиссии контролировали исполнение государственного бюджета Германии, её денежно-кре-

дитную политику, работу железных дорог и т. д. Главная задача комиссий – обеспечить своевременное поступление репарационных платежей.

Авторы плана Дауэса негласно ориентировали Германию на развитие торговли с СССР, что обеспечивало не только рынок сбыта для немецких промышленных товаров, но и рынок сырья для расширения их производства. А в перспективе рассчитывали на то, что тесное взаимодействие двух стран затормозит индустриализацию СССР и превратит его в аграрно-сырьевой придаток Германии и в зависимое от иностранного капитала государство [4].

Западные исследователи, анализируя результаты осуществления плана Дауэса, подчёркивали, что в отношении Советского Союза он потерпел неудачу [5].

С 1924 по 1929 г. приток инвестиционного иностранного капитала в Германию составил около 15 млрд марок, причём не менее 70% долгосрочных вложений приходилось на долю США [6].

Восстановление экономического потенциала Германии позволило возобновить репарационные выплаты. Возрождение германской про-

¹ *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 годах. Анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора. М.: Госполитиздат, 1945. С. 163.

² План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М.: Финансовое издательство, 1925.

³ *Постников В. В.* США и дауэсизация Германии (1924–1929 годы). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957; *Noakes J., Pridham G.* Documents on Nazism, 1919–1945. Viking Press. P. 53.

⁴ *Норден А.* Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. М.: ИЛ, 1959.

⁵ *Турок В.* От плана Дауэса к гарантийному пакту // Вопросы истории. 1948. № 6. Июнь.

⁶ *Rostow E. V.* Breakfast for Bonaparte U. S. national security interests from the Heights of Abraham to the nuclear age. Washington, D.C: National Defense UP, For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 1993.

мышленности способствовало экономическому развитию всей послевоенной Европы [7].

Впервые в истории США стали не только страной-кредитором, превратив в должников своих прежних доноров, но и заявили о своих политических и экономических интересах не только в Европе [8], но и на других континентах.

В 1924 г. 51% американского экспорта направлялся в страны Европы, а импорт из европейских стран в США составлял 30% от объема ввоза.

США постепенно теснили европейских конкурентов с других рынков.

С 1914 по 1927 г. доля США в японском импорте выросла до 30%, а доля Англи сократилась до 7%. Аналогично развивалось внешнеторговое соперничество США и Англи в Китае, странах Центральной и Южной Америки [9].

США становились лидером в международной торговле, вытесняя с этой позиции Великобританию.

В 1926 г. американские инвестиции в Европе составили 9,5 млрд долл. [10]. Американские капиталы поступали в форме прямых вложений; на эти средства приобретались контрольные пакеты акций фирм, создавались «дочки» американских монополий, поглощались евро-

пейские компании в металлургии, электроэнергетике, добыче угля. В 1929 г. в обрабатывающей промышленности европейских стран работало более 500 американских компаний [11]. Эти предприятия в странах Европы использовались США для преодоления тарифных барьеров, укрепления американских позиций на рынках сбыта, контроля над экономикой и политикой в странах пребывания и в конечном счете для дальнейшей экспансии на Европейский континент.

Правительства США способствовали продвижению своих корпораций на новые рынки сырья, прежде всего нефти, каучука, цветных металлов. Президенты США У. Гардинг, К. Кулидж и Г. Гувер поощряли создание международных картелей, в которых доминировали американские компании [12]. Например, американские фирмы в 20-е годы XX в. контролировали 95% мирового производства меди и диктовали цены на этот металл на мировом рынке.

К сентябрю 1930 г. иностранные, главным образом американские, капиталовложения в Германии составляли 26–27 млрд марок, а сумма германских репарационных платежей – более 10 млрд марок. Тяжесть репарационных платежей заставила германские монополии выступить

⁷ Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 годах (От плана Дауэса к плану Юнга). М.: Наука, 1977.

⁸ Севостьянов Г. Н. История США (1918–1945). М.: Наука, 1985.

⁹ Fisk H. E. The Inter-Ally Debts; An Analysis of War and Post-War Public Finance, 1914–1923. Bankers Trust Company, N.Y.: P., 1924.

¹⁰ Congressional Record. Vol. 68. Pt. 2.

¹¹ Захматова М. П. Экспансия частного капитала США в Западной Европе. М.: Наука, 1960. С. 34–38.

¹² Rosenberg E. S. Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. N.Y.: Hill and Wang, 1982. P. 134–135, 140.

против дальнейшего осуществления плана Дауэса, ослаблявшего их конкурентоспособность на мировом рынке. Нарастание недовольства в немецких предпринимательских кругах, опасение за односторонний выход Германии из плана Дауэса мотивировал США в 1929 г. предложить другое соглашение между Германией и её кредиторами. Новый план получил имя известного в то время политического деятеля и банкира О. Юнга.

План Юнга, принятый на Гаагской конференции по репарациям 1929–1930 гг., снизил размер годовых репарационных платежей (до 2 млрд марок), отменил репарационный налог на промышленность и сократил его на транспорте, ликвидировал иностранные контрольные комиссии. Таким образом, уступки стран-победительниц были незначительными. В 1932 г. действие плана было официально прекращено отчасти из-за недовольства Германии, но главным образом из-за надвигавшегося экономического кризиса, который заставил страны – участницы плана переориентироваться на решение проблем собственной экономики. Правящие круги Германии использовали обя-

зательства, установленные планом Юнга и разорительные для страны, в качестве инструмента для подъёма шовинистических настроений [13]. Политика «дауэсизации» Германии ускорила, хоть и косвенно, приближение Второй мировой войны.

К 1929 г. Германия не только восстановилась, но и превзошла на 13% довоенное промышленное производство, стала одним из промышленных лидеров в западном мире, уступая только США, в производстве и экспорте машин и оборудования, занимая первое место в производстве синтетического топлива и синтетического каучука.

Германия укрепила позиции в мировом экспорте, увеличив свою долю с 5,7% в 1924 г. до 10,9% в 1929 г. (доля США в 1929 г. составляла 17,5%, Англии – 12,1% [14]).

Правительство США способствовало установлению фашистского режима в Венгрии, а затем активно его поддерживало, заключив 24 июня 1925 г. с хортистской Венгрией договор о дружбе, торговле, а также соглашение по консульским вопросам, ограничивающее суверенитет страны [15].

Ленд-лиз – сохранение позиций США в Европе

Во время Второй мировой войны западные союзники СССР в течение трёх лет (до июня 1944 г.) воздерживались от проведения на-

земных операций в Европе, ограничиваясь предоставлением военно-технической помощи по так называемому ленд-лизу.

¹³ План Юнга и Гаагская конференция 1929–1930 годов. Документы и материалы, М.: Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931.

¹⁴ Welles S. The Time for Decision. N.Y.: Harper & Brothers Publishers, 1944. P. 321.

¹⁵ Яковлев Н.Н. Новейшая история США, 1917–1960. М.: Соцэжгиз, 1961. С. 104.

Проект ленд-лиза был разработан осенью 1940 г. Министерством финансов США для помощи странам, воюющим с нацистской Германией, и в первую очередь – Великобритании. Специальный закон «Акт содействия обороне США» был утверждён конгрессом США 11 марта 1941 г. В соответствии с законом любое иностранное государство, чья безопасность признавалась жизненно важной для США, могло получить в аренду необходимые «предметы обороны». Страна-реципиент не оплачивала уничтоженную, утраченную или повреждённую во время военных действий технику и вооружение, но оплачивала полностью или возвращала в США уцелевшую военную технику после завершения военных действий. Оплате подлежали и гражданские товары.

Вступление СССР в войну против Германии не явилось причиной для его автоматического включения в систему помощи по ленд-лизу. Только 7 ноября (через 4,5 месяца) президент Ф. Рузвельт распространил действие «Акта содействия обороне США» на Советский Союз.

Общая сумма американских поставок по ленд-лизу за период с 12 сентября по 1 августа 1945 г. составила 49 млрд долл.

Получателями ленд-лизских грузов являлись 42 государства, в том числе: Великобритания – 30,7 млрд долл., СССР – 9,5, Франция – 2,4, Китай – 1,3 и др.

Поставки по ленд-лизу позволили США и в годы войны продолжить вытеснение своих главных конкурентов – Англию и Францию – с Ближнего Востока, из Юго-Восточной Азии и Африки.

Помощь Советскому Союзу составила около 4% от объёма собственного военного производства за 1941–1945 гг., однако по некоторым видам вооружений и техники показатели ленд-лиза были значительно выше: по автомобилям – 195%, морской авиации – 29%, танкам – 12%, самолётам – 10%.

Поставки промышленных и сельскохозяйственных товаров воюющим странам увеличили долю США в мировом производстве в 1937–1947 гг. с 35 до 56%, в экспорте – с 14 до 33%.

Таким образом, во время Второй мировой войны Соединённые Штаты Америки окончательно закрепили своё лидерство в промышленном производстве, международной торговле, а также в финансовой сфере.

План Маршалла – программа окончательного подчинения Западной Европы

После Второй мировой войны США продолжили свою политику формирования мирового однополярного либерального порядка: главным инструментом сдерживания СССР стал план Маршалла, или план экономи-

ческого возрождения Европы. Соединённые Штаты исходили из своих стратегических планов: нейтрализовать угрозу немецкого реваншизма и не допустить усиления советского влияния в Центральной Европе [16].

¹⁶ Симмс Б. Европа. Борьба за господство / пер. с англ. М.: АСТ, 2017.

В результате реализации первого этапа плана Маршалла (1947–1949 гг.) была проведена модернизация инфраструктуры в странах-участницах, восстановлено промышленное производство. На втором этапе (1949–1951 гг.) США стимулировали развитие межъевропейской кооперации, способствовали либерализации европейской торговли. На этом же этапе предусматривалось постепенное сокращение объёмов помощи [17].

Всего с апреля 1948 г. по февраль 1952 г. 16 европейских стран получили помощь на сумму 17 млрд

долл. США поставляли промышленное оборудование, сырьё, топливо, продовольствие, оказывали финансовую поддержку. План Маршалла не только способствовал быстрому восстановлению экономики, но и росту благосостояния населения европейских стран [18].

На протяжении последующих десятилетий США не упускали Европу из поля зрения: они оплачивали основные расходы на содержание НАТО и военных баз в Европе, объясняя эти траты необходимостью обеспечения безопасности союзников.

Крах социализма. Американская экспансия в Восточную Европу и постсоветские страны

Расширение экономической помощи США восточноевропейским странам произошло в 90-е годы после краха социалистической системы.

После распада СССР во внешней политике США открылось новое направление – постсоветские страны. Программы помощи для них принципиально отличались от аналогичных программ для стран Западной Европы. Стратегическая цель всех программ – политическая и военная дезинтеграция постсоветских республик и стран Восточной Европы, а также превращение их экономик в рынок сбыта. В этой связи приоритетными становились рыночные реформы и развитие демокра-

тии в соответствии с «западными ценностями», а также поощрение экономической регионализации, либерализации торговли, снижения зависимости от российских поставок сырья и товаров, в том числе вооружения и военной техники, углеводородов.

В США был разработан ряд программ для новых независимых государств и стран Восточной Европы:

– «Партнёрство во имя мира» – программа военного сотрудничества НАТО с 23 европейскими странами и постсоветскими республиками Закавказья и Центральной Азии;

– «Акт в поддержку свободы» – программа популяризации американского государства в других стра-

¹⁷ Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990 / пер. с фр. М.: Наука, 1994.

¹⁸ Кузнецова О. Д., Лисовская Е. Г. Функционирование индустриальной экономической системы и факторы, влияющие на её трансформацию // Современные направления развития гуманитарных, юридических и экономических наук. Сб. трудов междунар. науч.-практич. конф. М.: Типография Москва, 2013.

нах, а также обеспечение возможности обучения молодёжи стран СНГ в США;

- Программа по сохранению стабильности – программа по обучению, переоснащению вооружённых сил участвующих стран, продажа им американского оружия;

- Программа по вступлению в НАТО.

С 1992 г. Соединённые Штаты предоставляют постсоветским странам экономическую помощь по линии Госдепартамента и курируемого им Агентства международного развития, Министерства энергетики, Министерства сельского хозяйства и ряда других федеральных ведомств. Кроме того, лидирующее положение в ведущих международных финансовых институтах позволило США привлекать гранты и кредиты этих структур под определённые политические и экономические обязательства стран-реципиентов.

Объём официальной помощи развитию, рассчитанной по методологии Организации экономического и социального развития (ОЭСР), а также другого официального содействия странам СНГ, не подпадающего под критерии официальной помощи развитию ОЭСР, включая экспортные кредиты, в 1992–2017 гг. составил: со стороны США – более 16 млрд долл.; по линии институтов ЕС – более 12 млрд долл.; со стороны стран – членов ЕС, входящих в Комитет содействия развитию ОЭСР, – более 21 млрд долл.

Самыми крупными реципиентами финансовой помощи США являются Грузия, Казахстан, Армения и Украина; ЕС и его институтов – Украина, Грузия, Казахстан, Молдавия и Армения (табл., рис.).

С 2014 г. наблюдается поэтапное сокращение расходов США на программы содействия странам СНГ.

При этом в соответствии с действующим бюджетным планом ЕС в период с 2014 по 2020 г. государствам Центральной Азии предполагается выделить финансовую помощь в размере 1 млрд евро (на 56% больше по сравнению с предыдущим плановым периодом), что примерно соответствует общему объёму финансовой помощи странам региона со стороны ЕС с начала 90-х годов.

Кроме того, в 2009 г. дан старт совместной программной инициативе ЕС «Восточное партнёрство», направленной на углубление отношений с шестью «фокусными» восточными соседями: Арменией, Азербайджаном, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Основной целью «Восточного партнёрства» является создание условий, необходимых для ускорения политической и экономической интеграции между Евросоюзом и заинтересованными странами-партнёрами, содействие проводимым в этих странах политическим и социально-экономическим реформам. Поскольку идейным вдохновителем программы стала Польша, то есть все основания считать данный проект антироссийским и направленным на полную дезинтеграцию постсоветского пространства и выведение СНГ из-под влияния России.

«Восточное партнёрство» в перспективе предполагает заключение соглашения об ассоциации с ЕС новых стран, глубокую интеграцию в экономику Евросоюза, заключение всеобъемлющих соглашений о

Содействие международному развитию стран СНГ по методологии ОЭСР, а также другое официальное содействие в 1992–2007 гг.

млн долл.

Получатель	Донор		
	Институты ЕС	Страны-члены ЕС, входящие в Комитет содействия развитию ОЭСР	США
Белоруссия	238,23	2869,37	148,98
Молдавия	1447,41	941,42	974,61
Украина	3713,22	6280,26	1941,48
Армения	1276,16	1443,01	2067,99
Азербайджан	745,22	1071,25	1206,52
Грузия	2474,18	1728,30	3457,69
Казахстан	371,88	2807,85	2307,53
Киргизия	639,54	856,08	1297,46
Таджикистан	727,53	704,98	1125,34
Туркменистан	185,70	537,87	440,10
Узбекистан	268,72	1791,70	1184,04

Источник. Составлено автором на основе данных: Educational attainment and labour-force status. OECD // URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_NEAC

зонах свободной торговли, а также облегчение визового режима [19].

Общая сумма средств по подписанным двусторонним соглашениям и региональным программам «Восточного партнёрства» составила в 2007–2013 гг. более 3,7 млрд евро.

В текущем бюджетном цикле 2014–2020 гг. предусмотрено финансирование «Восточного партнёрства» примерно на том же уровне. В проекте финансового плана на 2021–2027 гг. планируется увеличить финансирование в рамках обще-

го 30% повышения расходов на внешнеполитические цели.

Грузия, Молдавия и Украина являются также получателями макрофинансовой помощи Евросоюза.

Кроме того, внешним мандатом Европейского инвестиционного банка на 2014–2020 гг. для стран «Восточного партнёрства» предусмотрен лимит кредитования 4,8 млрд евро, покрытый гарантией ЕС. Сверх этого, банком установлен дополнительный целевой объём кредитного финансирования

¹⁹ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit Prague. 7 May 2009 // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009_eap_declaration.pdf

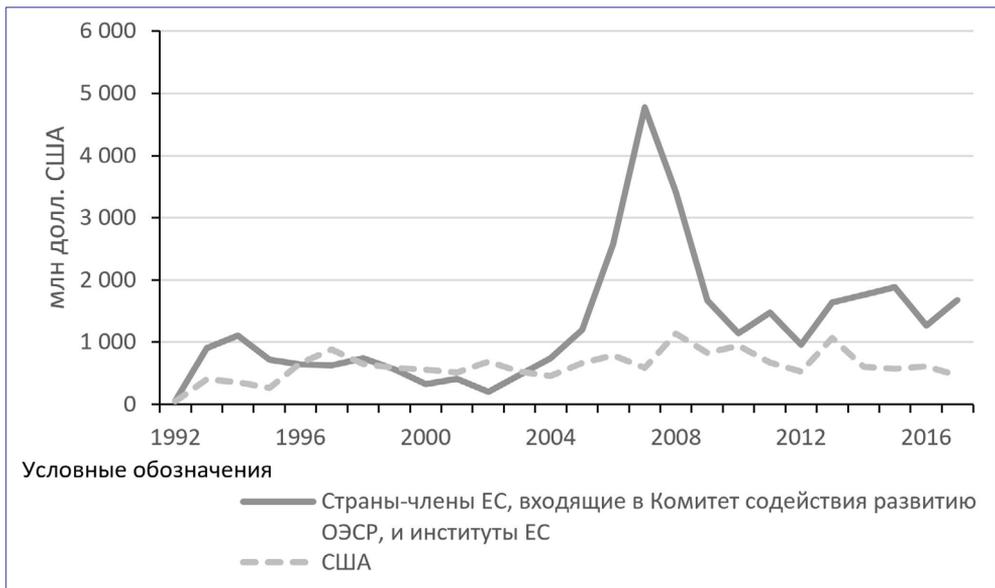

Рис. Международная помощь странам СНГ

в 3 млрд евро для проектов, кредитующихся без гарантии ЕС.

Три из шести «фокусных» государств «Восточного партнёрства» – Украина, Грузия и Молдавия – объявили вступление в Евросоюз целью своей внешней политики. При этом подписание и реализация соглашений об ассоциации с Евросоюзом, не предусматривая чёткой перспективы еврочленства, серьёзно затрудняют потенциальное сближение с интеграционными структурами глубокой степени интеграции, созданными при участии России, прежде всего Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Ожиданий по улучшению экономической ситуации «фокусных» государств имплементация упомянутых соглашений также не оправдала.

Динамика объёмов финансовой помощи позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, наименьшие объёмы помощи направляются в страны, во главе которых стоят «недемократические» по европейским меркам лидеры.

Во-вторых, помощь от ЕС увеличивается в случае провозглашения страной курса на интеграцию с Россией, но сохраняется возможность приостановления процесса.

В-третьих, наибольшие объёмы помощи получают страны, во внешней политике ориентированные на Европу.

Экономическая помощь, выделяемая странам постсоветского пространства, направляется на развитие демократии, права, экономическую модернизацию, высшее образование и прочие сферы. Таким

образом, программы финансовой помощи выступают и как самостоятельный инструмент, и как средство для реализации «мягкой силы», позволяющие противостоять ослаблению однополярности современного мира.

Одновременно Европейский союз продолжает оставаться основным торговым и инвестиционным партнёром для государств – членов ЕАЭС. Доля совокупного экспорта стран ЕАЭС в Евросоюз – почти 50%. Удельный вес европейских прямых инвестиций в ЕАЭС составляет 65% от общего объёма прямых инвести-

ций [20]. В этих условиях следование в фарватере политики США сдерживает реализацию интересов европейского бизнеса, заинтересованного в активизации деловых отношений со странами – членами ЕАЭС.

Для решения задач по обеспечению конкурентных преимуществ своих компаний США также применяют различные ограничительные меры, в том числе в ущерб европейским союзникам, включая односторонние санкции и экстерриториальное применение американского законодательства.

Библиография • References

- Van der Wee H.* История мировой экономики. 1945–1990 / пер. с фр. М.: Наука, 1994. – 231 с.
 [Van Der Wee H. Istoriya mirovoi ekonomiki. 1945–1990 / per. s fr. M.: Nauka, 1994. – 231 s.]
- Джордан В.М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 годах. Анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора. М.: Госполитиздат, 1945. – 303 с.
 [Dzhordan V.M. Velikobritaniya, Frantsiya i germanskaya problema v 1918–1939 godakh. Analiz anglo-frantsuzskikh otnoshenii v period sozdaniya i provedeniya v zhizn' Versal'skogo dogovora. M., Gospolitizdat, 1945. – 303 s.]
- ЕС и ЕАЭС: возможно ли общее будущее? // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24410>
- [ES i EAES: vozmozhno li obshchee budushchee? // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24410>]
- Захматова М.Р.* Экспансия частного капитала США в Западной Европе. М.: Наука, 1966. – 240 с.
 [Zakhmatova M.R. Ekspansiya chastnogo kapitala SShA v Zapadnoi Evrope. M., Nauka, 1966. – 240 s.]
- Кузнецова О.Д., Лисовская Е.Г.* Функционирование индустриальной экономической системы и факторы, влияющие на её трансформацию // Современные направления развития гуманитарных, юридических и экономических наук. Сб. трудов междунар. науч.-практич. конференции. М.: Типография Москва, 2013. С. 140–148.
- [Kuznetsova O.D., Lisovskaya E.G. Funktsionirovanie industrial'noi ekonomicheskoi sistemy i faktory, vliyayushchie na eyo transformatsiyu // Sovremennye napravleniya razvitiya gumanitarnykh, yuridicheskikh i ekonomicheskikh nauk. Sb.k trudov mezhdun. nauch.-praktich. konferentsii. M.: Tipografiya Moskva, 2013. S. 140–148]

²⁰ ЕС и ЕАЭС: возможно ли общее будущее? // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24410>

- Никонова С. В.* Очерк Европейской политики Германии в 1924–1929 годах (От плана Дауэса к плану Юнга). М.: Наука, 1977.– 374 с.
[*Nikonova S. V.* Ocherk Evropeiskoi politiki Germanii v 1924–1929 godakh (Ot plana Dauesa k planu Yunga). M.: Nauka, 1977.– 374 s.]
- Норден А.* Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. М.: ИЛ, 1959.– 272 с.
[*Norden A.* Fal'sifikatory. K istorii germano-sovetskikh otnoshenii / per. s nem. M.: IL, 1959.– 272 s.]
- План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М.: Финансовое издательство, 1925.– 267 с.
[*Plan Dauesa.* Finansovoe vosstanovlenie Germanii. Doklad komissii Dauesa. M.: Finansovoe izdatelstvo, 1925.– 267 s.]
- План Юнга и Гаагская конференция 1929–1930 годов. Документы и материалы. М.: Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931.– 239 с.
[*Plan Yunga i Gaagskaya konferentsiya 1929–1930 godov.* Dokumenty i materialy, M.: L., Gos. Sotsialno-ekonomicheskoye izd-vo, 1931.– 239 s.]
- Постников В. В.* США и дауэсизация Германии (1924–1929 годы). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.– 287 с.
[*Postnikov V. V.* SShA i dauesizatsiya Germanii (1924–1929 gody). M.: Izd-vo Akademii SSSR, 1957.– 287 s.]
- Севостьянов Г. Н.* История США (1918–1945). М.: Наука, 1985.– 671 с.
[*Sevost'yanov G. N.* Istoriya SShA (1918–1945). M.: Nauka, 1985.– 671 s.]
- Симмс Б.* Европа. Борьба за господство / пер. с англ. М.: АСТ, 2017.– 476 с.
[*Simms B.* Evropa. Bor'ba za gosподstvo / per. s angl. M.: AST, 2017.– 476 s.]
- Турок В.* От плана Дауэса к гарантийному пакту // Вопросы истории. 1948. № 6. Июнь. С. 22–41.
[*Turok V.* Ot plana Dauesa k garantiinomu paktu // Voprosy istorii. 1948. № 6. Iyun'. S. 22–41]
- Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917–1960. М.: Соцэкгиз, 1961.– 624 с.
[*Yakovlev N. N.* Noveishaya istoriya SShA, 1917–1960. M.: Sotsekgez, 1961.– 624 s.]
- Congressional Record. Vol. 68. Pt 2.– 1879 p.
- Fisk H. E.* The Inter-Ally Debts; An Analysis of War and Post-War Public Finance, 1914–1923. Bankers Trust Company, N.Y.: P., 1924.– 307 p.
- Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit Prague. 7 May 2009 // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009_eap_declaration.pdf
- Noakes J., Pridham G.* Documents on Nazism, 1919–1945. Viking Press.– 704 p.
- Rosenberg E. S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. N.Y.: Hill and Wang, 1982.– 258 p.
- Rostow E. V.* A breakfast for Bonaparte U. S. national security interests from the Heights of Abraham to the nuclear age. Washington, D.C: National Defense UP, For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 1993.– 507 p.
- Welles S.* The Time for Decision. Harper & Brothers Publishers, N.Y., 1944.– 431 p.
<http://www.oecd.org/>

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2020 г.

Гуманитарная политика Советского Союза

Анна ВЕЛИКАЯ
Семед СЕМЕДОВ

Гуманитарная политика является внешнеполитическим инструментом по формированию благоприятного образа страны. С этой целью используются три вида инструментов:

– *гуманитарного сотрудничества* – международного взаимодействия в области науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций, спорта, туризма, работы с молодёжью;

– *содействия международному развитию, оказанию помощи в национальном строительстве;*

– *конфликтного, постконфликтного и кризисного реагирования* (борьба с последствиями стихийных бедствий).

Данные инструменты тесно связаны и взаимодополняют друг друга.

Сегодня Россия является активным игроком в области гуманитарной политики.

Так, в период пика гуманитарного кризиса на востоке Украины помощь некомбатантам оказывалась лишь со стороны России, причём международным сообществом, призванным по идее помогать в оказании гуманитарной помощи, на деле лишь создавались препятствия. Россия приняла до 2,55 млн беженцев, отправила 84 гуманитарных конвоя, выделив целевые субсидии на восстановление критической инфраструктуры Донбасса [1].

ВЕЛИКАЯ Анна Алексеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН). *E-mail:* annavelikaya85@yandex.ru

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международного сотрудничества факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. *E-mail:* sa-semed@mail.ru

Ключевые слова: СССР, гуманитарная политика, культурная дипломатия.

¹ *Степанова Е. А.* Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте «ответственности по защите») // Пути к миру и безопасности. 2018. Спецвыпуск. № 1.

Россия активно использует механизмы гуманитарной политики для решения внешнеполитических проблем. Однако при этом не всегда используется и учитывается богатейший опыт СССР в данной сфере. Тот факт, что Россия до недавнего времени занимала второе место в мире после США по количеству мигрантов, в основном из бывших республик Советского Союза, говорит о привлекательности социально-экономической, гуманитарной модели для стран приоритетного региона. У России имеются огромные исторические наработки в области гуманитарной политики, которые важно изучать и систематизировать. Нам представляется необходимым проанализировать гуманитарную политику Советского Союза в сложные периоды истории нашей страны. Возможно, некоторые институты, успешно существовавшие в СССР, могли бы быть эффективными и в наши дни.

Становление советской гуманитарной политики

Советский Союз уделял огромное внимание гуманитарной политике. Ещё в 1921 г. в охваченной Гражданской войной стране был основан *Коммунистический университет трудящихся Востока* (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна (в 1928 г. китайская секция КУТВ и Университет им. Сунь Ятсена были объединены в *Коммунистический университет трудящихся Китая*). Занятия начались в 1921 г., когда по линии Шанхайской коммунистической группы (ещё до официального образования КПК) были отобраны 26 человек, перед которыми ставилась задача подготовки кадров для дальнейшего развития коммунистического движения в Китае. Как отмечает А. Л. Верченко, в 20–30-е годы в СССР обучалось около 3 тыс. китайских студентов [2]. В 1939 г. Чжоу Эньлай привёз с собой детей извест-

ных революционеров, которые получили среднее образование в Интердоме, а затем поступили в высшие учебные заведения в Москве [2].

Гуманитарная политика направлена на выполнение внешнеполитических задач государства. Перед Советским Союзом в первые годы его существования стояли две проблемы: устранение голода и получение международного признания. Соответственно, и структуры, созданные в области гуманитарной политики, были сосредоточены на их выполнении [3].

В 1923 г. была создана *Комиссия заграничной помощи* (далее – Комиссия) [4]. По её линии Максим Горький обратился к зарубежным общественным деятелям с призывом о помощи молодой стране. Огромную помощь Советскому Союзу тогда оказал выдающийся норвежец Фритъоф Нансен, способствовавший

² Верченко А. Л. Китайские студенты в СССР в 1920–1950 годы: отцы и дети // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/verchenko_2017_06_21-23.pdf

³ Великая А. А. История российской публичной дипломатии // URL: http://softpowercourses.ru/anna_velikaya1

⁴ Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов // Вестник Государственного Ярославского университета им. П. Г. Демидова. 2017. № 3.

предоставлению Стране Советов кредита на Брюссельской конференции Лиги Наций.

Комиссия заграничной помощи, желая пробить внешнеполитическую и культурную блокаду СССР, организовывала гастроли советских театров и ансамблей, выступления деятелей искусства.

Комиссия заграничной помощи привлекала в члены обществ дружбы с Советским Союзом выдающихся деятелей: Альберта Эйнштейна, Рабиндраната Тагора, Бернарда Шоу, Теодора Драйзера, Герберта Уэллса, Томаса Манна, Романа Роллана, Анри Барбюса, Леона Фейхтвангера, Марию Кюри-Склодовскую, Джавахарлала Неру [5].

Таким образом, Советский Союз с момента своего основания активно использовал ресурсы **культурной дипломатии**. Символом непостижимой мощи Советского Союза был ансамбль Александрова, который Черчилль на Ялтинской конференции назвал «поющим оружием»; в годы холодной войны члены коллектива гуляли по натовским столицам в советской военной форме. Культурную дипломатию активно использовали на европейском направлении. Как вспоминал посол Ю. В. Дубинин, первым зарубежным театром, приглашённым в СССР за «железный занавес» в 1954 г., стал французский Комеди Франсез. Советский Союз проводил имиджевые мероприятия международной направленности в области культурной дипломатии.

Так, в 1935 г. прошёл Первый московский кинофестиваль под председательством С. М. Эйзен-

штейна (с 1959 г. проводится на регулярной основе, в разные годы его гостями были София Лорен, Элизабет Тейлор, Симона Синьоре, Жан Марс, Ив Монтан), а в 1958 г. – первый конкурс Чайковского с триумфом американца Ван Клиберна.

В 1925 г. Комиссия заграничной помощи была преобразована во *Все-союзное общество культурной связи с заграницей* (ВОКС).

В 1927 г. для участия в праздновании 10-летия советской власти в СССР прибыли около 1,5 тыс. чел. почти со всех уголков земного шара: учёные, писатели и художники, которые видели в СССР отечество всех «униженных и оскорблённых» [6].

С 1928 г. началось активное развитие сети обществ дружбы с Советским Союзом. Во время Великой Отечественной войны они активно сотрудничали с общественными организациями и частными лицами, содействовавшими сопротивлению нацизму, советскими новостными агентствами. В годы Второй мировой войны в ТАСС существовала редакция дезинформации и пропаганды, возглавляемая Д. Е. Меламидом. Под руководством советского «лорда Ванситарта» запускались дезы о нацистской Германии, имеющие международный резонанс. По воспоминаниям сотрудников этой редакции Л. Б. Чёрной, которую Геббельс назвал «кремлёвской ведьмой», данные дезы подхватывали телетайпы и радиостанции союзников и нейтральных стран, развивали на свой лад, а затем в видоизменённом виде СССР снова передавал их в эфир со ссылками на Лондон, Стокгольм,

⁵ Россотрудничество. История // URL: <http://rs.gov.ru/ru/pages/122>

⁶ *Иоффе А. Е.* Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3.

Анкару. Все страны антигитлеровской коалиции работали слаженно и успешно [7]. Важным средством антифашистской борьбы являлась пресса: только в Польше, Франции и Дании участники Сопротивления выпускали более 2500 изданий.

Следует отметить, что даже в год окончания страшной войны (июнь

1945 г.) СССР, осознавая важность технологического восстановления страны, широко отмечал 220-летие Академии наук, пригласив при содействии ВОКС 150 видных зарубежных деятелей науки. Юбилей Академии наук СССР рассматривался как важное политическое событие – торжество науки победившей страны.

Гуманитарная политика Советского Союза в период холодной войны

С конца 40-х годов началась эпоха блокового противостояния, в том числе и идеологического. Национальный совет американо-советской дружбы вошёл в американский список «подрывных» организаций. Следует отметить, что после Второй мировой войны в США настолько сильны были симпатии к Советскому Союзу, свежи воспоминания о встрече на Эльбе, что все сотрудники Государственного департамента проходили проверку на патриотизм и антикоммунизм, особенно жёсткую – дипломаты, работающие по линии информационного сопровождения внешнеполитической деятельности [8]. ВОКС работал в сложное время противостояния двух сверхдержав, американский сенатор Маккарти называл его советской «шпионско-пропагандистской структурой» [9]. В 1954 г. он хо-

тел обвинить американского «Константина Симонова», легендарного военного корреспондента Эдварда Марроу, в связях с Советским Союзом за контакт с ВОКС 20-летней давности по обсуждению совместной летней школы во время его работы в Американском институте международного образования (*Institute of International Education*) в 1935 г. [10].

В 1958 г. ВОКС переименовали в *Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами* (ССОД), который поддерживал контакты с 7500 организаций, общественными деятелями и представителями науки и культуры из 134 стран [11].

Важной частью зарубежного культурного присутствия СССР являлось продвижение русского языка. В середине 80-х годов русский

⁷ Чёрная Л. Косой дождь: Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 248.

⁸ Armstrong M. Rethinking Smith Mundt Act // Small wars journal // URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/77-armstrong.pdf?q=mag/docs-temp/77-armstrong.f>

⁹ Murrow E.R. Response to Senator Joe McCarthy on CBS' See It Now // Originally Broadcast. 1954. 13 April // URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/edwardrmurrowtomccarthy.htm>

¹⁰ Великая А.А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке // Международная жизнь. 2017. № 5.

¹¹ <http://rams-international.ru/history/>

язык только по каналам ССОД изучали порядка 600 тыс. иностранцев более чем в 90 странах. Большую роль в данном вопросе играл *Институт русского языка им. А. С. Пушкина*, основанный профессором В. Г. Костомаровым. У института было 17 зарубежных филиалов, в которых работали курсы русского языка, проводились обучающие семинары для преподавателей, тестирование по русскому языку.

Другая значимая структура в области советской гуманитарной политики, созданная в 1922 г., – *Международная организация помощи борцам революции* (МОПР), которая, имея отделения в десятках стран мира, оказывала материальную, юридическую помощь преследуемым, осуждённым революционерам, «узникам капитализма и белого террора», семьям погибших товарищей.

МОПР учредила знаменитый *Интердом* – школу для детей преследуемых за рубежом революционеров.

Среди его учеников были дочь Долорес Ибарури, сын Георгия Димитрова, дети Мао Цзэдуна. Один из воспитанников Интердома – Тимур Тимофеев, являясь сыном генерального секретаря Компартии США Юджина Денниса, стал член-корреспондентом Академии наук СССР, основателем Института международного рабочего движения АН СССР, участником советско-американских переговоров по линии «второй дорожки» дипломатии.

По географии стран воспитанников Интердома можно судить об истории XX в. – от антифашистов Германии, Греции, Австрии, Болгарии, Венгрии, Италии и «испанских

детей» 30-х годов до детей африканских лидеров 80-х годов, для которых ивановский Интердом стал второй родиной.

54 воспитанника добровольно ушли на фронт во время Великой Отечественной войны, 17 из них не вернулись. За 80 лет образование в Интердоме получили 5 тыс. детей из 85 стран мира.

Важную роль в битве за «умы и сердца» зарубежной аудитории сыграло **освоение космоса**.

Посол доброй воли Юрий Гагарин посетил более 30 стран (Бразилию, Канаду, Целон, Германию, Египет, Финляндию, Италию, Японию), встречаясь как с простыми тружениками, так и с мировыми лидерами.

Большое внимание Советским Союзом уделялось **содействию международному развитию**. С первых лет своего существования Советский Союз, сам находящийся в тяжёлых финансовых условиях, начал оказывать гуманитарную помощь зарубежным странам.

Так, в 20-х годах он строил промышленные объекты в Монголии, в 30-х годах – в Афганистане и Турции [12]. До середины 50-х годов экономическое сотрудничество с зарубежными странами осуществлялось по линии Министерства внешней торговли.

В 1957 г. для комплексного решения всех задач, связанных с экономическим и техническим сотрудничеством, был создан *Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям* (ГКЭС) и спе-

¹² Скачков С. А. Внешняя торговля и внешние экономические связи // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/993.htm>

циализированные внешнеторговые объединения [12].

С 1954 по 1989 г. Советский Союз потратил 144,3 млрд долл. на гуманитарную помощь, построив 3575 объектов за рубежом (школы, больницы, инфраструктурные объекты: Асуанскую плотину в Египте, дамбу Тери в Индии, тоннель Салонг в Афганистане, стадион Гелора Бунг Карно в Индонезии).

Это была цена, которую ему приходилось платить за выбор другими странами социалистической ориентации.

В обязанности ГКЭС входило «рассмотрение обращений правительств, а также организаций и фирм зарубежных стран по вопросам экономического и технического сотрудничества в строительстве и реконструкции предприятий и других объектов за границей, подготовка и представление в необходимых случаях в установленном порядке предложения по этим вопросам» [12]. С конца 60-х годов акцент оказания зарубежной помощи сместился с гуманитарной – экономической, в сторону военной – по линии военно-технического сотрудничества. Как отмечает Е. А. Примаков, это привело к тому, что солидаризация с СССР в мире стала постепенно размываться [13].

Советский Союз считался одним из лидеров в области **образования**, на учёбу приезжали студенты со всего мира. Советское образование и

наука играли существенную роль в битве двух идеологий.

Так, в марте 1958 г. американский журнал *Life* выпустил резонансную статью о жизни советского и американского школьника, говоря о преимуществе советской образовательной системы над американской [3].

Советским Союзом были созданы специальные университеты с международной составляющей. В 1960 г. был основан *Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы*. Основной целью университета было оказание помощи в подготовке высококвалифицированных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки и предоставление молодёжи этих стран (прежде всего из малообеспеченных семей*) возможности получить образование. Приём студентов осуществлялся через общественные организации и правительственные учреждения (в том числе и через ССОД), а затем – через посольства и консульства СССР.

100 тыс. выпускников университета работают в 170 странах.

Известно о его 90 знаменитых выпускниках – президентах Намибии, Анголы, Шри-Ланки, ЮАР, Габона, Гайаны, Нигерии, премьер-министрах Бангладеш и Казахстана, генсеке ЮНЕСКО [3].

Если Университет дружбы народов был нацелен на воспитание национальных кадров для стран, не-

¹³ Примаков Е. А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1. Спецвыпуск. Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах / под ред. Е. А. Степановой.

* Стоит сказать о различиях целевой аудитории советской и американской систем: советская система образования приглашала тех, у кого не было возможности получить образование дома, американская же готовила прежде всего элиты (*Tsvetkova N. International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // Comparative Education Review. May 2008. Vol. 52. № 2*).

давно ставших независимыми, то существовал другой институт, направленный на работу в странах, где коммунистические идеи были под запретом, – *Институт общественных наук при ЦК КПСС* (на базе ИОН был создан РАКС-РАГС – РАНХиГС при Президенте РФ). По сути, он являлся научно-исследовательским центром международного отдела ЦК, занимающимся проблемами международного коммунистического движения. Как вспоминают А. А. Ахтамзян и В. А. Трофимов, ректор Ф. Д. Рыженко лично следил за формированием состава кафедр, требовал постоянного теоретического роста их членов, глубокого знания не только своего предмета, но и специфики той страны (истории, традиций и т. д.), со слушателями которой работал преподаватель [14].

Советская научная дипломатия сыграла значительную роль в процессе разрядки, будь то выработка положений договора о Всеобъемлющем запрете ядерных испытаний 1968 г. или придание безъядерного статуса ЮАР.

Советским Союзом был создан ряд *профильных гуманитарных научных институтов АН СССР*: Институт международного рабочего движения, ИМЭМО, Институт США и Канады, Институт Африки, Институт Латинской Америки, Институт славяноведения, Институт востоковедения. В научных учреждениях СССР работала четвёртая часть научных работников мира.

Всесоюзное общество «Знание» поддерживало контакты с аналогичными обществами социалистических стран, с рабочими просветительскими союзами и ассоциациями содействия развитию науки ряда капиталистических стран.

В 50–70-х годах советские учёные успешно участвовали в решении проблем, имеющих глобальное значение, среди которых создание вакцины против полиомиелита, оспы, разработка основ радиобиологии, изучение лучевой болезни и методов её лечения, космической физиологии, открытие новой, вендской, системы в истории Земли, изучение глубинного строения недр [15].

Современный взгляд на советскую гуманитарную политику

Целевую аудиторию советской гуманитарной политики составляло «всё прогрессивное человечество», «люди доброй воли». Огромные средства тратились на битву двух идеологий, частично по этой причине экономика страны надорвалась. Возможно, приходит время взвешивать,

оценивать лучшие практики и ошибки тех времён. Догматизм, невозможность критического мышления в рамках существовавшей системы, закрытые границы не способствовали формированию благоприятного образа страны. В то же время, как отмечал нобелевский лауреат

¹⁴ Ахтамзян А. А., Трофимов В. А. Фёдор Данилович Рыженко – наш ФДР // URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/ahtamzyan_3.pdf

¹⁵ Осипов Ю. С. Академия наук в истории Российского государства. М.: Наука, 1999.

Ж. И. Алфёров, сама идея о том, что общественная собственность на средства производства и система образования, созданная на этой основе, позволяют формировать социально справедливое общество, была крайне привлекательной [3].

Представляется важным изучать советские наработки в области гуманитарной политики, выявлять её просчёты и лучшие практики [16]. Несмотря на роль международного отдела ЦК в формировании и проведении гуманитарной политики, она не сводилась к информационно-разъяснительной работе, а предлагала соответствующие тому времени форматы. Если наша страна могла гордиться первой женщиной-послом – Александрой Михайловной Коллонтай* ещё 100 лет назад, то в современном российском МИД практически не встречается женщин на столь высоких дипломатических должностях.

В целях популяризации русского языка в 2007 г. в России был создан фонд «Русский мир» с 48 зарубежными центрами. И если упоминаемый выше Институт Пушкина являлся и является общепризнанным мировым брендом, наравне с Институтом Гёте, Институтом Сервантеса, Альянс Франсез, то «Русский мир» имеет не всегда положительную коннотацию в некоторых стратегически важных для России странах (можно представить, как бы в Мексике вос-

принималась деятельность фонда по продвижению английского языка *Rax Americana*). Таким образом, ограниченные финансовые ресурсы тратятся на создание и легитимизацию нового фонда в условиях эффективно действующего института с более чем полувековой историей.

Примечательно, что выполнение обязательств СССР по экономическому и техническому сотрудничеству с зарубежными странами за счёт взносов СССР по линии Организации Объединённых Наций осуществлялось ГКЭСом [17]. Сегодня у России нет подобной структуры. Распределение ежегодной российской экономической помощи зарубежным странам в размере около миллиарда долларов только по открытым статьям бюджета курируется Министерством финансов, а не Министерством иностранных дел. В то же время гуманитарная политика является актуальной темой.

При поддержке органов государственной власти проводится множество исследований и мероприятий, посвящённых гуманитарной проблематике «Большой Евразии», перспективам общего измерения сотрудничества ЕАЭС – ЕС, продвижению гуманитарной повестки в рамках ЕАЭС и БРИКС.

Вместе с тем проблемы гуманитарного сотрудничества до сих пор не решены. Если 10–15 лет назад можно было говорить о недостаточ-

¹⁶ Russia's public diplomacy: Evolution and practice / A. Velikaya & G. Simons (Eds.). L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2019.

¹⁷ Постановление Совета Министров СССР от 22 декабря 1986 г. № 1514. «Об утверждении положения о Государственном комитете СССР по внешним экономическим связям» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

* А. М. Коллонтай отлично справлялась со своими обязанностями и в области осуществления советской гуманитарной политики – чего стоит поддержанный ею визит в Москву норвежского профессора Брока и его высокая оценка королём Хоконом VII.

ном внимании гуманитарной политики к странам, заявленным первоочередным внешнеполитическим приоритетом, то события на Украине выявили всю ошибочность гуманитарной политики в целом: ставку на элиты и отсутствие долгосрочной стратегии работы с гражданским обществом. В то же время у современной России существуют «истории

успеха» в области гуманитарной политики на постсоветском пространстве: в 2019 г. МГИМО открыл первый зарубежный филиал в Ташкенте. Однако всё ещё остро стоит вопрос совместных магистратур, финансирования полевых исследований молодых учёных, вовлечения иностранцев в системную проектную работу.

Гуманитарная политика является производной экономической, культурной, научной дипломатии, формой содействия международному развитию. К сожалению, до сих пор наблюдается акцент на культурную дипломатию, а остальные компоненты порой стремятся к нулю. Авторитет институтов в данной сфере зарабатывается десятилетиями, поэтому любые преобразования здесь следует осуществлять крайне взвешенно. При этом структуры, работающие в области гуманитарной политики, должны быть достаточно гибкими, что не всегда удаётся ввиду финансирования со стороны государственных и окологосударственных организаций, неповоротливости работы бюрократической машины. Учёт советского опыта, ошибок и лучших практик в области гуманитарной политики XX в., мог бы быть благоприятным не только для формирования положительного образа нашей страны, но и для вклада России в гуманитарную повестку.

Библиография • References

- Ахтамзян А. А., Трофимов В. А.* Фёдор Данилович Рыженко – наш ФДР // URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/ahtamzyan_3.pdf
- [*Ahtamzyan A. A., Trofimov V. A.* Fyodor Danilovich Ryzhenko – nash FDR // URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/ahtamzyan_3.pdf]
- Великая А. А.* История российской публичной дипломатии // URL: http://softpowercourses.ru/anna_velikaya1
- [*Velikaya A. A.* Istoriya rossijskoj publichnoj diplomatii // URL: http://softpowercourses.ru/anna_velikaya1]
- Великая А. А.* Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке. // *Международная жизнь.* 2017. № 5. С. 169–187.
- [*Velikaya A. A.* Publichnaya diplomatiya SSHA v transformiruyushchemsya mirovom porjadke. // *Mezhdunarodnaya zhizn'.* 2017. № 5. С. 169–187]
- Верченко А. Л.* Китайские студенты в СССР в 1920–1950 годы: отцы и дети // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/verchenko_2017_06_21-23.pdf
- [*Verchenko A. L.* Kitajskie studenty v SSSR v 1920–1950 gody: otcy i deti // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/verchenko_2017_06_21-23.pdf]
- Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов // *Вестник Государственного Ярославского университета им. П. Г. Демидова.* 2017. № 3. С. 19–23.
- [*Zarubezhnaya pomoshch' detyam Sovetskoj Rossii v nachale 1920-h godov* // *Vestnik Gosudarstvennogo Yaroslavskego universiteta im. P. G. Demidova.* 2017. № 3. С. 19–23]

- Иоффе А. Е.* Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 15–30.
[Ioffe A. E. Deyatel'nost' zarubezhnykh obshchestv druzhby s Sovetskim Soyuzom // Voprosy istorii. 1966. № 3. S. 15–30]
- Осипов Ю. С.* Академия наук в истории Российского государства. М.: Наука, 1999.– 204 с.
[Osipov YU. S. Akademiya nauk v istorii Rossijskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1999.– 204 s.]
- Постановление Совета Министров СССР от 22 декабря 1986 г. № 1514. «Об утверждении положения о Государственном комитете СССР по внешним экономическим связям» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
[Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 22 dekabrya 1986 g. № 1514. «Ob utverzhdenii polozheniya o Gosudarstvennom komitete SSSR po vneshnim ekonomicheskim svyazyam» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>]
- Примаков Е. А.* Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1. Спецвыпуск. Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах / под ред. Е. А. Степановой. – 186 с.
[Primakov E. A. Gumanitarnaya missiya Rossii // Puti k miru i bezopasnosti. 2018. № 1. Specvypusk. Gumanitarnye vyzovy, humanitarnoe reagirovanie i zashchita grazhdanskogo naseleniya v vooruzhennykh konfliktakh / pod red. E. A. Stepanovoj.– 186 s.]
- Россотрудничество. История // URL: <http://rs.gov.ru/ru/pages/122>
[Rossotrudnichestvo. Istoriya // URL: <http://rs.gov.ru/ru/pages/122s.>]
- Скачков С. А.* Внешняя торговля и внешние экономические связи // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/993.htm>
[Skachkov S. A. Vneshnyaya trgovlya i vneshnie ekonomicheskie svyazi // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/993.htm>]
- Степанова Е. А.* Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте «ответственности по защите») // Пути к миру и безопасности. 2018. Спецвыпуск. № 1. С. 129–181.
[Skachkov S. A. Vneshnyaya trgovlya i vneshnie ekonomicheskie svyazi // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/993.htm>]
- Чёрная Л.* Косой дождь: Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2015.– 247 с.
[Chyornaya L. Kosoj dozhd': Vospominaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.– 247 s.]
- Armstrong M.* Rethinking Smith Mundt Act // Small wars journal // URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/77-armstrong.pdf?q=mag/docs-temp/77-armstrong.f>
- Murrow E. R.* Response to Senator Joe McCarthy on CBS' See It Now // Originally Broadcast. 1954. 13 April // URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/edwardmurrowtomccarthy.htm>
- Russia's public diplomacy: Evolution and practice / A. Velikaya&G. Simons (Eds.). L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2019.– 285 p.
- Tsvetkova N.* 'International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction'// Comparative Education Review. May 2008. Vol. 52. № 2. P. 199–217.
<http://rams-international.ru/history/>

Статья поступила в редакцию 25 марта 2020 г.

В поисках ускользающей реальности

Отношение политической элиты США к России

Марк НЕЙМАРК

В условиях обострения и без того жёсткого конфликтного противостояния США с Россией, нарастающего санкционного давления коллективного Запада на нашу страну аналитическое осмысление политической элитой США внутренней и внешней политики России приобретает особую практическую значимость.

С учётом возросшей роли России в формировании международной повестки дня, укрепления её геополитического статуса критические американские оценки, а во многих случаях и самокритичные, с объективной неизбежностью выходящие за рамки двусторонней проблематики, мы рассматриваем, естественно, в более широком контексте глобальной политики и кардинальных изменений в современном мироустройстве.

Почему не исчезают антироссийские фобии

Накопление конфликтогенных факторов в мировой политике, усиление геополитических диссонансов в XXI в. обусловили наступление нового этапа в развитии

международных отношений. Качественно новое отличие от прежних геополитических обострений времён холодной войны состоит в том, что в наши дни она стала носить

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код:* 2491-0280, *E-mail:* mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: Россия, США, геополитика, международная безопасность.

отчётливо выраженный гибридный характер. В этих условиях важно уточнить особенности перехода от конкурентного партнёрства России и Запада к конфликтному противостоянию. При том что разброс оценок новой ситуации в политологическом сообществе весьма широк: одни считали, что холодная война уже началась/возобновилась/не прекращалась; другие – что это её преддверие; третьи – в обобщённом виде – что наступил очередной этап острого противоборства Запада с Россией.

Так считает, например, В.В. Штоль, который исходит из того, что какой бы Россия ни была – самодержавной, социалистической, либерально-капиталистической, «с человеческим лицом» или без, – Запад будет недоволен. «Поэтому холодная война не может ни начаться заново, ни пережить некую “вторую волну” по той причине, что она никогда не прекращалась, в том числе и в последние более чем четверть века, которые прошли после распада Советского Союза» [1].

Происходящее с дискретно-равной цикличностью воспроизводит – только в специфически выраженной санкционной форме – прошлые пиковые обострения. С учётом цикличности кризисных противостояний российской дипломатии приходится решать труднейшую задачу – расставить адекватные акценты в оценке откровенно антироссийской политики США последних лет в соотнесённости с перспективами отношений между Россией и США,

от которых в огромной степени зависит поддержание динамического равновесия в мире.

Системный и системообразующий антироссийский негативизм преобладающей части американского политического истеблишмента заставляет со всем вниманием отнестись к оценочным позициям его представителей по отношению к России. Их объединяет концептуальный стержень внешнеполитической стратегии США – убеждённость в том, что принципы проводимой её руководством внутренней политики являются самоочевидно универсальными и их применение во все времена благотворно. Этот догмат настолько укоренился в американском мышлении, не без иронии констатирует Г. Киссинджер, что предполагает: «правительства, которые не придерживаются таких принципов, не вполне легитимны». В упрёк им ставится то, объясняет он, что в отличие от Америки, почти каждый президент которой настойчиво заявлял о её приоритетной приверженности универсальным принципам, «прочие страны преследуют лишь (?) национальные интересы (выд. – Авт.)» [2].

Известный американский политик Дж. Фулбрайт, возглавлявший сенатский комитет по иностранным делам, с его гигантским опытом участия в разработке внешнеполитической стратегии США при пяти (!) президентах – Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона – полве-

¹ Штоль В.В. Противостояние – константа отношений Запада к России // Мировая политика в фокусе современности / отв. ред. М.А. Неймарк. 2-е изд. М.: Дашков и Ко, 2019. С. 70.

² Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2016.

ка назад опубликовал книгу, символическое название которой «Самонадеянность силы» как нельзя точнее характеризует сущность действий США на мировой арене во все времена. Основа его умозаключений – злободневная максима английского философа и историка XIX в. лорда Эктонна: «Сила развращает». В контексте критического осмысления внешней политики США он поставил под сомнение, *во-первых*, тезис о том, что государство может достичь длительного и прочного величия, ведя внешнюю политику с позиции силы.

Во-вторых, он, по сути, как бы предвосхитил беспрецедентное, пожалуй, влияние внутренней политики в период трампизма на американскую внешнеполитическую стратегию. Это отчётливо следует из его утверждения, что только нация, живущая в мире сама с собой, со своими неудачами и достижениями, способна к великодушному пониманию других.

В-третьих, это вывод, сформулированный как будто сегодня, с учётом современных геополитических реалий, который суммирует его болезненно-тревожные размышления по поводу американской гегемонии в мире: «Преобладающая часть человечества не хочет быть покорным слугой американской империи и требует теперь независимости и уважения к себе» [3].

Костяк политической элиты США, убеждённой в американской «исключительности», исподволь продвигает идею глобализации по-американски в противовес неиз-

бежного, как утверждает большинство её представителей, глобального хаоса и неуправляемости. По мере укрепления геополитических позиций России возрастает активность тех, кто интерпретирует это как её экспансионистские устремления и в конечном счёте как государство-вызов, государство-угрозу для США.

Центральная геополитическая ось, на которую нанизываются предложения и рекомендации американских политиков и большинства ведущих аналитиков, – это сдерживание России на международной арене. Эксперты, отслеживающие динамику американо-российских отношений, связывают её с глобальной идентичностью политического класса США и с тем, какая роль отводится России в утверждении этой идентичности. «В этих отношениях взаимодействуют и обуславливают друг друга два фактора: (1) американская убеждённость в собственной незаменимости для поддержания глобального мира и стабильности и (2) российская настойчивость на необходимости выстраивания отношений с США на равной основе. Последняя ставит под сомнение описанную глобальную американскую идентичность, тем самым утверждая Россию в качестве “значимого другого” или державы-угрозы интересам и ценностям США. В этих условиях увеличивается склонность к политическому противостоянию и усилению сторонников жёсткой линии во внешней политике обеих стран» [4].

³ Фулбрайт Дж. Самонадеянность силы. М.: Международные отношения. 1967

⁴ Цыганков А. П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо. 2015. С. 14–15.

Мифы и стереотипы

Параметры жёстко структурированных и устойчивых стереотипов глубоко негативного восприятия России в американском общественном мнении, да и в немалом сегменте политической элиты США, в значительной степени определяют взаимосвязанные звенья социально-политической и информационной цепочки: «получение – вторичное знание – незнание». Огромно влияние манипулятивно-пропагандистских механизмов в формировании отношения американцев к России. Оно легко трансформируется в зависимости от идеологической и политической напористости американских массмедиа (а она хорошо известна) и характера заявлений властных структур страны.

В американской элите немало лоббистских русофобских групп, которые стремятся представить Россию как страну, исходно настроенную против США. Оспаривание Россией легитимности американской глобальной гегемонии отождествляется с агрессивностью её внешнеполитической стратегии России, что воспринимается в массовом сознании большей части американцев в качестве истины, не требующей каких-либо доказательств.

Сами представители политической элиты США весьма скептически оценивают степень информированности и глубину знаний американцев о происходящих процессах в России и в мире в целом.

Так, Э. Бжезинский не раз высказывал сожаление, что американская общественность на удивление плохо информирована о сущности новых

реалий, подчёркивая, что американцы, как это ни парадоксально, «и очень образованны, и удивительно невежественны одновременно». Его поражало то, что США больше всех участвуют в международных делах, но при этом «американская общественность – одна из самых ограниченных в мире». Упрекая американское общество в том, что оно замкнулось в себе, не интересуется историей и жизнью других стран, он на конкретных опросах общественного мнения показал, к чему это приводит: многие абитуриенты учебных заведений США не могли показать на карте Великобританию, а после пяти лет войны – Ирак; 30% не нашли на карте Тихий океан. В результате, по его словам, они лучше знают то, что показывают по телевизору, чем то, что случается в мире важного [5, с. 49, 183].

Это мнение полностью разделяет известный политический деятель США Б. Скоукрофт, отмечающий, что многие американцы проводят всю свою жизнь без контактов с иностранцами, с носителями иного образа мыслей и потому они убеждены, что все мыслят точно так же, как они.

Вне зоны жёсткой критики не осталась сама американская дипломатия, причём, что принципиально важно, со стороны тех, кто занимал в ней ответственные посты.

Так, высокопоставленный в прошлом американский дипломат, ныне аналитик-международник в Институте мировой и публичной политики им. Уотсона в Университете Брауна, Чез Фримен, исходя из того, что ди-

⁵ Бжезинский Э., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: Астрель, 2012.

пломатия – это тонкая стратегическая деятельность, предполагающая непреходящий учёт меняющихся условий, способность адекватного восприятия новых параметров международных проблем, приходит к неутешительному для руководства Госдепа выводу: судя по тому, какая сложная обстановка сложилась после окончания холодной войны, «США мало что понимают в дипломатии и не овладели этим искусством».

Если систематизировать приведённые им причины такого положения дел, то их можно свести к трём основным группам:

- отсутствие в целом профессионализма: США – единственная из крупных держав, которая не поставила дипломатию на профессиональные рельсы. В США разработку и проведение внешнеполитической линии доверяют «любителям и дилетантам, не обременённым специальными знаниями, практикой и опытом»;

- подбор кадров осуществляется преимущественно за внутриполитические заслуги. Ч. Фримен, знающий кадровую ситуацию изнутри, констатирует, что чиновники, получившие должности по политическим мотивам, «наводнили буквально весь внешнеполитический истеблишмент»;

- отсутствие специализированной системы подготовки дипломатических кадров. США вкладывают мало сил и средств в обучение персонала Госдепа даже азам и искусству дипломатии. Послы и высокопоставленные дипломаты-любители не способны быть профессиональными наставниками молодёжи. Фримен болезненно реагирует на то,

что до сих пор не разработано базовых курсов основ дипломатии, переговоров, составления аналитических отчётов, не выработано профессионального подхода к разбору и анализу предпринимаемых действий.

Особенности прохождения и окончательного принятия внешнеполитических решений в США во многом объясняются тем, что существенная часть политической элиты страны, по словам Фримена, «не имеет ни малейшего представления о том, чем занимаются дипломаты, что они могут и должны делать».

Он упрекает руководство США в том, что оно больше не задаётся целью снискать уважение других стран собственным примером или посредством вежливого убеждения, не дорожит своим престижем.

Заслуживает прямого цитирования его критическая оценочная позиция по отношению к властным структурам США, не лишённая, впрочем, и самокритичности: «Мы привычно бряцаем оружием в ответ на любые вызовы вместо того, чтобы инициировать решение проблем, создающих эти вызовы». Последствия этого курса, которые он, по сути, глобализирует, сугубо деструктивны: «Применяя такую тактику, мы нервничаем союзников, но не сдерживаем противников, дестабилизируя целые регионы, умножая число врагов и воздвигая стену отчуждения с друзьями». Тревожным предупреждением в адрес администрации США Ч. Фримен заключает: если проявлять безразличие к чужим интересам и навязывать своё мнение, можно легко настроить против себя почти всех [6].

⁶ Фримен Ч. Дипломатия – утраченное искусство? // Россия в глобальной политике // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Diplomatiya-utrachennoe-iskusstvo-17744>

Украина и антироссийские санкции

В американском политическом классе преобладает убежденность в том, будто кризис на Украине, который напрямую увязывается с виной России, послужил первопричиной резкого отчуждения Запада от неё.

В этой связи заслуживает внимания оценочная позиция группы аналитиков известного в США мозгового центра *The Heritage Foundation*, которая ещё в 2015 г. подготовила доклад «Комплексная стратегия США в отношении России», где в концентрированном виде анализировались причины ухудшения отношения США к России и формулировались практические рекомендации. Интересен исходный момент – критика американской администрации за отсутствие жёсткой всеобъемлющей стратегии, профильно-ориентированной на Россию: «Суть этого досадного провала кроется в нежелании оценить российский режим исходя из реалий. Зачастую США полагаются на свои предрассудки, а не на факты». По сути, абстрагируясь от украинских событий или по меньшей мере уходя далеко от них, авторы доклада выделяют четыре взаимосвязанные проблемы, которые Россия создаёт для США:

- «путинский режим»;
- угроза отдельным американским партнёрам, союзникам и своим интересам США;
- сотрудничество России с «плохими» режимами;

– и самая главная – «Россия бросает стратегические и дипломатические вызовы всему миру».

Истинные цели американской стратегии формулируются в разработанных рекомендациях предельно откровенно:

- оказывать сопротивление попыткам европейских стран сократить количество антисанкций или вовсе их снять;
- расширять возможности европейских стран реализовывать санкции;
- поддерживать строительство трубопроводов, огибающих российские территории, что снизит возможности России по контролю европейской энергетики;
- снять все ограничения с поставок нефти и природного газа США, что даст альтернативные энергоресурсы Европе и Азии;
- исключить Россию из банковской системы СВИФТ [7].

В 2019 г. влиятельный аналитический центр США *The RAND Corporation* выпустил доклад, название которого не требует каких-либо комментариев: «Как измотать Россию и вывести её из равновесия».

В том же ключе выдержан доклад этого центра, подготовленный в феврале 2020 г., суть которого тоже чётко обозначена в самом названии: «К пониманию российской подрывной деятельности» [8].

Явно выдавая желаемое за действительное, аналитики частной

⁷ US Comprehensive Strategy Toward Russia. The Heritage Foundation. December 9, 2015 // URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-comprehensive-strategy-toward-russia>

⁸ Radin A., Demus A., Marcinek K. Understanding Russian Subversion. The RAND Corporation. February 2020 // URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE331.html>

разведывательной организации США *Stratfor* в своём исследовании *Stratfor Decade Forecast: 2015–2025* прогнозировали: «...Мы не думаем, что Российская Федерация способна просуществовать в своём нынешнем виде ещё десять лет», «Мы ожидаем заметного ослабления власти Мо-

сквы, что приведёт к формальному и неформальному раздроблению России», «Маловероятно, что Российская Федерация в её современном виде уцелеет», «Слабеющая Москва оставит после себя вакуум, в котором будут существовать фрагменты бывшей Российской Федерации» [9].

Воспоминания о будущем

Совокупность этих концептуальных подходов к России свидетельствует о том, что анитросийские фобии появились в американском политическом классе задолго до событий на Украине. Прежде всего они были предопределены безоговорочной уверенностью американского истеблишмента в победе в холодной войне. Именно в этом исходный побудительный мотив переноса его отношения к ослабленной России 90-х годов на восприятие России нынешней, которая обрела качественно новый геополитический статус. Характеризуя попытку России вписаться в тот период в идейно-политический проект, созданный не ею, без её участия и учёта российских особенностей, Ф. Лукьянов наглядно конкретизировал позицию Запада в целом, который «просто не считал вопрос об интеграции низвергнутой с пьедестала России в руководимый им мировой коллектив столь существенным, чтобы тратить на неё излишние усилия и придумывать для бывшей сверхдержавы какую-то

особую схему». И главное: западное понимание мироустройства не предусматривало какого-либо особого статуса: «либо полноценное подчинение установленному комплексу правил и представлений, либо отчуждение» [10].

Растущая неопределённость в мировой политике усиливает хаотизацию представлений американской политической элиты о будущем миропорядке, что не может не сказаться на её негативном восприятии России, геополитическая значимость которой минимизируется.

По-прежнему даёт о себе знать мессианский фактор во внешнеполитических представлениях американского политического класса. В основе американского культового мессианства лежит исходная макроисторическая идея о глобальной роли США в развитии мироустройства по тем лекалам и стандартам, которые определяют сами США. Распад СССР и кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабили давнее стремление США американизировать

⁹ Decade Forecast: 2015–2025. Stratfor. February 23, 2015 // URL: <https://worldview.stratfor.com/article/decade-forecast-2015-2025>

¹⁰ Лукьянов Ф. Начать с себя и собой закончить // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nachat-s-sebya-i-soboj-zakonchit/>

ровать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства. В своей основе сохранились прежние представления американских политических элит о системе международных отношений и миропорядке, а также ценностно-идеологические принципы внешнеполитического поведения США [11].

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют её стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды.

Суть мессианских устремлений политической элиты США откровенно охарактеризовал З. Бжезинский: «Теперь распространение демократии становится нашей целью, на-

шей миссией, пусть даже это придется делать силой» (выд.– Авт.) [5, с. 251]. Конкретизируя свою оценку, он заявил: «И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки – и в том, что ширма демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что нам случалось существенно отступать от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно» (выд.– Авт.) [5, с. 253].

Обострённость негативного и зачастую агрессивного восприятия России в США обусловлена тем, что в последние годы, впервые в истории межгосударственных отношений, она стала одним из наиболее значимых и политически «рентабельных» факторов американской внутренней жизни и межпартийной борьбы. И хотя нет никаких документальных подтверждений вмешательства России в президентские выборы в США, нападки на неё продолжаются.

Критика и самокритика: новые тенденции

На фоне традиционных обвинений в адрес России контрастно выделяются оценочные позиции и аналитические выкладки Т. Грэма, одного из авторитетных сотрудников американского Совета по международным отношениям, старшего директора по России в Совете национальной безопасности при президенте Дж. Буше-мл. Вот главные блоки его аргументов в пользу прагматичного – конструктивного отношения к России.

1. Американская политика в отношении России потерпела фиаско потому, что независимо от общей тональности, примирительной или конфронтационной, она базировалась на неизменной иллюзии: правильная стратегия США может принципиально изменить представление России о своих собственных интересах и её фундаментальное мировоззрение.

2. Американские политики должны понимать, что отношения Ва-

¹¹ Штоль В.В., Задохин А.Г. США – истоки и пределы американского империализма // Обозреватель–Observer. 2018. № 7.

шингтона и Москвы всегда были и остаются конкурентными. Обе страны отстаивают совершенно разные концепции мирового порядка, преследуя противоположные цели в региональных конфликтах. Тесное американо-российское партнёрство не может быть устойчивым.

3. Надо признать, что изоляция России будет, скорее всего, контрпродуктивной мерой, с помощью которой вряд ли удастся чего-то добиться. Даже в случае уменьшения её относительной мощи Россия остаётся ключевым игроком на мировой арене. Ни от одной страны в мире (за исключением Китая) не зависит решение такого количества стратегических и экономических проблем, считающихся важными для США, как от России. И никакая другая страна не способна уничтожить США за 30 минут.

4. В новой стратегии построения отношений с Россией необходимо отказаться от архаичного мышления, свойственного предыдущим администрациям, и стремиться к поступательному развитию взаимодействия. Вместо того чтобы пытаться убедить Москву пересмотреть российские интересы, Вашингтону необходимо доказать, что американские интересы надёжнее продвигать посредством взвешенной конкуренции и сотрудничества с США.

5. Нынешняя американская стратегия наказания и изоляции России ущербна. США не смогут изолировать Россию против воли таких крупных держав, как Китай и Индия. Эта стратегия преувеличивает мощь России и демонизирует Путина, из-за чего отношения превраща-

ются в борьбу с нулевой суммой, когда единственным приемлемым исходом любого спора становится капитуляция России. Между тем в отсутствие согласованных действий Запада Путин сделал Россию главным игроком во многих геополитических конфликтах.

6. В условиях межпартийного озлобления внутри США СМИ и политический класс преувеличивают угрозу, обвиняя Россию в провоцировании внутривнутриполитических разногласий. При этом опасно сужается пространство для дискуссий, поскольку американцам внушают, будто любые мнения, совпадающие с официальной позицией России, – это часть кампаний влияния, инспирированной Кремлём.

Главный вывод, к которому приходит Т. Грэм: предлагаемое сочетание компромиссов и мер противодействия учитывает обоюдные интересы России и США. «Данный подход резко отличается от тех, к которым американские администрации прибегали со времён окончания холодной войны. Прежние стратегии опирались на неверное истолкование намерений России, а их авторы отказывались признавать ограниченность возможностей Соединённых Штатов» [12].

Растёт, хотя и постепенно, медленно, осознание наиболее дальновидными представителями неоднородного политического класса США того непреложного факта, что без согласованных международных позиций России и США – двух основных ядерных держав – уберечь мир от глобальной катастрофы невозможно. Показательно, что М. Олбрайт, из-

¹² *Graham Th. Let Russia Be Russia // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. № 6.*

вестная в её бытность госсекретарём США жёстким настроем по отношению к России, в феврале 2020 г. сочла необходимым выступить с бывшим главой российской дипломатии И. С. Ивановым с общим заявлением в американской прессе по важнейшему вопросу современности – обеспечению глобальной безопасности. В нём отмечалось, что нынешнее положение не отвечает стратегическим интересам ни одной из сторон и порождает риски для всеобщей безопасности, поскольку Россия и США – единственные страны, располагающие ядерными арсеналами, способными уничтожить друг друга вместе со всем человечеством. В этих условиях обе страны способны предотвратить ещё большее снижение международной стабильности посредством продления Договора СНВ-3. «Приняв своевременные меры, США и Россия могут избежать бессмысленного и опасного возвращения к балансированию на грани войны (выд. – Авт.). Нет никаких причин откладывать эту задачу на будущее. И начать нужно именно с продления СНВ-3» [13].

Сегодня, пожалуй, как никогда ранее за последние десятилетия, накопление конфликтогенных факторов в отношениях США с Россией подталкивает в ловушку стратегически ориентированного антиамериканизма, который так и напрашивается из-за действий США против России и естественной ответной реакции нашего массового сознания на них. Это тем более важно, что «анти» как регулятор внешнеполитической стратегии – всегда упрощение.

Ответное лобовое позиционирование в координатах «анти», касается ли это США или Запада в целом, чревато спонтанными, стратегически не про-

Отмечая тот факт, что за пределами политических и медийных кругов – в основном вашингтонских – восприятие России как однозначно враждебной Америке страны гораздо слабее, отечественные эксперты приходят к выводу, что в интеллектуальном сообществе США начался процесс переоценки ценностей в области внешней политики. Отмечаются серьёзные публикации, в которых подвергаются критике либеральный интервенционализм и милитаризм как отличительные черты американской внешней политики последних десятилетий. «Речь не столько о том, как лучше проводить внешнюю политику, а как выработать новый курс, больше отвечающий мировым реалиям. Эти тенденции не являются пока определяющими, но их появление симптоматично». Тем более что основа прежнего обострённого противостояния между двумя странами принципиально изменилась. Сегодня, это «качественно иная конфронтация, чем в период холодной войны: преимущественно конфликт интересов вместо антагонизма мировоззрения» [14].

¹³ Albright M., Ivanov I. A Plea to Save the Last Nuclear Arms Treaty // The New York Times. February 10, 2020 // URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/10/opinion/albright-ivanov-nuclear-treaty.html>

¹⁴ Тренин Д. Выборы в США и российско-американские отношения // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybory-v-ssha-i-rossijsko-amerikanskie-otnosheniya/>

считанными решениями, идущими вразрез с долгосрочными целями России. Надёжным ориентиром остаётся приоритетная установка российской дипломатии на совместную выработку культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов, хотя в нынешних санкционных условиях она и входит в противофазу отношений между США и Россией.

Поэтому столь важно продолжать осваивать на системной основе искусство асимметричного реагирования, уравнивания дисбаланса сил по одним геополитическим параметрам с максимальным использованием преимуществ по другим. В обозримой перспективе придётся действовать со всё более взвешенным учётом оценочных категорий видимого и возможного, мнимого и реального, органично сочетая во внешней политике страны увеличение желательного и минимизацию нежелательного.

Библиография • References

- Бжезинский З., Скоукрофт Б.* Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: Астрель, 2012.– 320 с.
[Bzhezinskij Z., Skoukroft B. Amerika i mir. Besedy o budushchem amerikanskoj vneshnej politiki. M.: Astrel', 2012.– 320 s.]
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2016.– 360 с.
[Kissindzher G. Mirovoj porjadok. M.: AST, 2016.– 360 s.]
- Лукьянов Ф.* Начать с себя и собой закончить. Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nachat-s-sebya-i-soboj-zakonchit/>
[Luk'yanov F. Nachat' s sebya i soboj zakonchit'. Rossiya v global'noj politike // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nachat-s-sebya-i-soboj-zakonchit/>]
- Тренин Д.* Выборы в США и российско-американские отношения. Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybory-v-ssha-i-rossijsko-amerikanskie-otnosheniya/>
[Trenin D. Vybory v SSHA i rossijsko-amerikanskie otnosheniya. Rossiya v global'noj politike // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybory-v-ssha-i-rossijsko-amerikanskie-otnosheniya/>]
- Фримен Ч.* Дипломатия – утраченное искусство? Россия в глобальной политике // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Diplomatiya-utrachennoe-iskusstvo-17744>
[Frimen CH. Diplomatiya – utrachennoe iskusstvo? Rossiya v global'noj politike // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Diplomatiya-utrachennoe-iskusstvo-17744>]
- Фулбрайт Дж.* Самонадеянность силы. М.: Международные отношения, 1967 г.– 256 с.
[Fulbrajt Dzh. Samonadeyannost' sily. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1967 g.– 256 s.]
- Цыганков А. П.* Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо. 2015.– 490 с.
[Tsygankov A. P. Rusofobiya: antirossijskoe lobbi v SSHA. M.: Eksmo. 2015.– 490 s.]
- Штоль В. В.* Противостояние – константа отношений Запада к России // Мировая политика в фокусе современности / отв. ред. М. А. Неймарк. 2-е изд. М.: Дашков и Ко, 2019.– 515 с.
[Shtol' V. V. Protivostoyanie – konstanta otnoshenij Zapada k Rossii // Mirovaya politika v fokuse sovremennosti / отв. red. M. A. Nejmark. 2-e izd. M.: Dashkov i Ko, 2019.– 515 s.]

- Штоль В. В., Задохин А. Г.* США – истоки и пределы американского империализма // *Обозреватель–Observer*. 2018. № 7. С. 5–16.
[*Shtol' V. V., Zadohin A. G.* SSHA – istoki i predely amerikanskogo imperializma // *Obozrevatel'–Observer*. 2018. № 7. S. 5–16]
- Albright M., Ivanov I.* A Plea to Save the Last Nuclear Arms Treaty. *The New York Times*. February 10, 2020 // URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/10/opinion/albright-ivanov-nuclear-treaty.html>
- Decade Forecast: 2015–2025. *Stratfor*. February 23, 2015 // URL: <https://worldview.stratfor.com/article/decade-forecast-2015–2025>
- Graham Th.* Let Russia Be Russia // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. № 6. P. 134–147.
- Radin A., Demus A., Marcinek K.* Understanding Russian Subversion. *The RAND Corporation*. February 2020 // URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE331.html>
- US Comprehensive Strategy Toward Russia. *The Heritage Foundation*. December 9, 2015 // URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-comprehensive-strategy-toward-russia>

Статья поступила в редакцию 18 марта 2020 г.

Проблемы независимой Киргизии и интересы России

Варвара БЛИЦЕНКО

Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа XX в. Это определение, без сомнения, относится не только к геополитической ситуации в целом, но и к судьбе всех бывших советских республик. Они пошли каждая своим путём.

За прошедшие с момента обретения независимости годы – скоро будет 30 лет – во всех этих государствах произошли глубокие экономические, социальные и политические изменения, ведь обретение независимости – это всего лишь точка отсчёта. Перемены начинаются потом.

Тридцать лет – это смена как минимум 2–3 поколений, из которых второе и третье начали воспитываться в новых реалиях. Дети, родившиеся в 80-е годы, приходят к власти, составляют костяк трудоспособного населения, а у них уже свои дети, которым лет по двадцать. Учатся, живут, работают, рожают детей – а это будет следующее, четвёртое, поколение...

И все эти государства стали самостоятельными субъектами междуна-

родных отношений. Со своим голосом. Своей судьбой. С новыми интересами. Не всегда совпадающими с российскими.

Откуда же берутся эти интересы?

Кто правит новыми независимыми государствами на постсоветских просторах?

Каковы интересы этих новейших суверенных государств, их лидеров, элит?

Попробуем найти ответы на эти вопросы на примере Киргизии, одной

БЛИЦЕНКО Варвара Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: varan04@yandex.ru

Ключевые слова: Киргизия, независимость, социально-экономическая трансформация, природа политической власти, интересы России.

из постсоветских республик. В советские времена это была промышленно-аграрная республика, в которой находились крупнейшие предприятия оборонной промышленности, приборостроения, радиоэлектроники, цветной металлургии, лёгкой промышленности. Многие из них имели статус предприятий союзного значения.

Агропромышленный комплекс Киргизии производил тонкорунную шерсть местных овец-мериносов (а их было примерно миллион голов), снабжал шерстью и шерстяной пряжей не только местный камвольный комбинат, кстати, очень крупный по тем временам, но и текстильные предприятия Урала, средней полосы России, прибалтийских республик и саму Европу!

А ещё хлопок, табак, виноград, вино, фрукты... Не много, конечно, поскольку всё население страны тогда составляло около 4 млн чел. – половина от тогдашнего населения Москвы. Но тем не менее.

А ещё в республике было всеобщее среднее образование, вузы и научно-исследовательские институты, бесплатная современная медицина, признанная национальная школа балета, опера и кино, великий Чингиз Айтматов...

Весь этот внушительный экономический, социальный и культурный потенциал был создан после окончания Великой Отечественной войны. Усилиями всего советского народа за счёт централизованных инвестиций (тогда это называлось

капиталовложениями) и «бюджетного трансферта» (в наши дни это называется бюджетной дотацией – прямое финансирование бюджета).

В пользу союзных республик ежегодно на протяжении десятилетий перераспределялось до 30% ВВП России (РСФСР) и Белоруссии (БССР).

Об этом пишет первый президент Киргизии Аскар Акаев: «Мощный социально-экономический и культурный взлёт большинства советских союзных республик, ныне независимых государств, в те годы (в советское время. – Авт.) во многом обеспечивался за счёт России, темпы развития которой порой существенно отставали от темпов развития окраинных республик, в том числе Кыргызстана. Было бы фарисейством говорить о колонизации Россией евразийских земель на западе и востоке» [1]. И ещё из А. Акаева: в 70–80-е годы XX в. общие субсидии Киргизской Республике составляли 30% ВВП [2].

В этом смысле Советская Киргизия не была исключением. В советское время все республики Средней Азии были дотационными.

Так, в 1991 г. дотации союзного центра составили 44% бюджета Таджикистана, 42% – Узбекистана, 34% – Киргизии, 23% – Казахстана, 22% – Туркменистана [3, 4]. Эксперты считают эти цифры заниженными. По Киргизии, например, встречается цифра 62,5% [5].

¹ Акаев А. Кыргызстан: тревожные предчувствия // Свободная мысль. 2011. № 2. С. 15.

² Независимая газета. 1998. 21 апреля.

³ Энергетические измерения международных отношений в Восточной Азии. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 392.

⁴ Marnie Sh., Whitlock E. Central Asia and Economic Integration // RFE/RL Research Report. Vol. 2. № 14. 1993. 2 Apr. P. 34.

⁵ Ситнянский Г. Киргизия. Независимость обретена. Что дальше? // Азия и Африка сегодня. 1995. № 6. С. 9.

Политэкономия современной Киргизии: тенденции и особенности социально-экономического развития (1991–2019 гг.)

Экономические и социальные последствия распада СССР для независимого Киргизстана можно описать следующим образом.

Деиндустриализация. Разрыв внутривоспроизводственных связей на постсоветском пространстве, прежде всего с Россией, прекращение субсидирования развития республики в рамках плановой экономики, из-за чего большинство промышленных предприятий республики просто встало. Их оборудование в основной своей массе в течение ряда лет ушло на металлолом и было продано соседям.

Трудовые коллективы – инженеры, высококвалифицированные рабочие, тысячи и тысячи людей оказались на улице.

Радикальные изменения в национальном составе населения. Деиндустриализация дала толчок массовому вынужденному оттоку так называемого русскоязычного населения – русских, белорусов, украинцев, евреев, немцев – на свою историческую родину (а правильнее на «родины» – от постсоветских республик до Израиля и Германии). Этот отток населения совсем не современная «трудовая миграция» 25% граждан Киргизии, которая даёт Кыргызской Республике валютные поступления в размере 30% ВВП.

Это была безвозвратная потеря части населения страны, носителей культурных традиций, обладателей профессиональных знаний и навыков – рабочих и инженеров, врачей и учителей, преподавателей вузов. В общем, «безвозвратное бежен-

ство» из зоны бедствия. Без возможности и, главное, стремления вернуться.

Следствием стала радикальная смена этнического состава населения Киргизии.

В 1989 г. доля этнических киргизов в общей численности населения составляла 52,4%, то в 2009 г. она увеличилась до 64,86%, а в 2019 г. составила 73,3%. Несколько увеличилась и доля этнических узбеков – с 13,79% в 1989 г. до 14,5% в 2019 г. В то же время доля этнических русских уменьшилась с 21,3% в 1989 г. до 12,5% в 2009 г. и 5,6% в 2019 г.

Киргизия быстрыми темпами продвигается в сторону формирования мононационального государства, в котором не киргизские этносы (пока – за исключением узбеков) составляют ничтожное меньшинство населения.

На этом фоне стремится к «нулю» экономическая, общественная и политическая роль «нетитульных» этносов, которые превратились в маргинальный фактор социально-экономического и политического развития страны.

Абсолютная доминанта – киргизский этнос, который все годы независимости ищет собственную идентификацию – экономическую, национальную, историческую, политическую и религиозную. Здесь все средства хороши: и киргизский национализм, и ползучая дискриминация собственных национальных меньшинств, включая русских, и исторические «изыскания» древних корней киргизского народа,

и ускоренная исламизация всего уклада жизни общества.

Аграрная реформа 1991–1998 гг., проводилась под патронажем Международного валютного фонда (МВФ) и лозунгами «перехода от государственного регулирования к нормальным рыночным отношениям». Реформа привела к замене крупного товарного производства на parcelлярные индивидуальные хозяйства (сейчас средний размер земельного надела в стране равен 1,5 га).

Сельское население страны, составляющее более 60% общего числа жителей, производит всего 10% ВВП. А при чём здесь «нормальные рыночные отношения»? Видимо, это соответствует целям МВФ – развалить производство в целой отрасли маленькой страны под «благовидным» лозунгом «нормального рынка». Где же он, этот «нормальный рынок»?

Конечно, можно по-разному оценивать причины, ход и результативность аграрной реформы в Киргизии. Отчасти она была вынужденной реакцией на прекращение масштабного субсидирования аграрно-промышленного комплекса Киргизии из союзного центра (в 1989 г. на долю сельского хозяйства приходилось более 40% общего объёма бюджетного трансферта в пользу Киргизской ССР), а отчасти – реакцией на необходимость обеспечить население источниками существования, пусть и на другом, гораздо более низком уровне. Но это была и политическая реакция тогдашних властей на идеологию «экономического либерализма», которая настойчиво имплантировалась в сознание и практику правящих элит не только в Киргизии, но

и – что более важно – в России 90-х годов.

В результате аграрной реформы в Киргизии произошло резкое сокращение сельскохозяйственного производства, падение жизненного уровня сельского населения, дробление сельскохозяйственных земель. Появились новые (по сравнению с советским типом социальных отношений в аграрной сфере) социальные классы: массовый – мелких владельцев домашних хозяйств, и совсем не массовый – сравнительно крупных собственников земли, скота, садов, использующих наёмный труд для организации товарного производства. Последних можно называть как угодно: фермеры или «кулаки». Суть неизменна.

Ещё одно стратегическое следствие распада СССР для экономики Киргизии: *превращение ее в страну-транзитёра* в основном товаров из Китая в соседние государства Центральной Азии и дальше в Россию. И наоборот: отовсюду – домой. Это же естественно: когда вокруг всё рухнет, то надо что-то делать. Очевидное решение – купить или продать. Не важно что. Что можешь: металлы – черные и цветные, нефть, газ, бензин, подержанные автомобили, одежду, ткани, продукты питания. Даже танки и БМП с армейских складов. Станки с остановившихся и приватизированных заводов – на металлолом. В общем, все, что угодно.

В результате в экономике страны доминирующую роль стала играть сфера услуг, которая представлена в основном торговой деятельностью. Самой разной: от мелких «челноков» до владельцев так называемых «контейнеров» (так до

сих пор называются торговые точки на «Дордое» – это до недавних пор крупнейший товарно-вещевой рынок Средней Азии с годовым оборотом в лучшие времена до 7 млрд долл., который расположен в Бишкеке) или на рынке в Оше, южной столице Киргизии. Из этих контейнеров «вышли» многие киргизские миллионеры. Таможенные платежи (пошлины и акцизы) стали важнейшим источником пополнения государственного бюджета, а контрабанда – экономической основой серого и чёрного бизнеса.

На торговых операциях, в том числе с российскими контрагентами, за прошедшие 30 лет родились вполне «достойные» мультимиллионные в долларовом выражении состояния. А руководители таможенной службы – регуляторы тонкого баланса между белым и серым, серым и совсем чёрным – приобрели особую экономическую и политическую роль: как говорил один из советских юмористов, «что охраняю, то и имею». Наверно, кто назначает, тот тоже имеет. Хотя бы часть, совсем чуть-чуть...

Ещё одно следствие (во многом – производное от предыдущих) – *критическая зависимость страны от внешней финансовой помощи*, преимущественно кредитов международных финансовых организаций и агентств развития (Международ-

ное агентство развития – МАР, Программа развития ООН и др.), иностранных фондов (Фонд Сороса, Фонд Ага-Хана), иностранных национальных агентств помощи, прежде всего – КНР, стран Ближнего и Среднего Востока, Германии. Внешняя помощь стала не только инструментом развития, но и – в некоторой своей части, которая «осваивается» на месте структурами государственной власти, – источником финансирования государственных органов и отдельных представителей олигархических элит.

Наконец, ещё одно (тоже производное) – *возникновение масштабной «трудовой миграции»*: примерно 20–25% населения страны (1–1,5 млн чел.) на постоянной основе находятся за границей, из них 95% в России.

Ежегодно трудовые мигранты в виде денежных переводов приносят стране около 2,5 млрд долл. (сопоставимо с 1/3 ВВП страны). Трудовая миграция превратилась в важнейший фактор экономического и социального развития, а экономический и административный режим пребывания киргизских трудовых мигрантов в Российской Федерации, условия переводов (репатриации) их доходов домой – в серьёзный политический и экономический фактор в отношениях Москвы и Бишкека.

Изменения в социально-экономической структуре населения. Многоукладность киргизской экономики

На фоне кризисного развала постсоветской экономики в стране сформировалась многоукладная экономическая система

со своей иерархией и соподчинённостью.

На «нижнем этаже» – мелкие домашние (сельские) хозяйства, в ос-

новном специализирующиеся на садоводстве, огородничестве, разведении домашнего скота и домашней птицы (преимущественно для собственных нужд).

Ближе к середине «многоукладной пирамиды» – «фермерские» хозяйства, применяющие методы отгонно-пастбищного животноводства и мелкотоварного производства фруктов и овощей для национального и отчасти внешнего рынка (в основном китайского или турецкого). Китайцы на корню скупают урожай фруктов, овечью шерсть. Турки – урожай орехов, особенно фисташки. Киргизские овощи-фрукты, за исключением отдельных, уникальных образцов (мед, орехи, обработанные и расфасованные по международным требованиям сухофрукты), на внешних рынках никому не нужны. При этом Киргизия – совсем небольшая страна, и при всех усилиях своих фермеров, малых и крупных, она не способна вызвать интерес массового потребителя соседних стран к своей продукции.

Ещё один массовый экономический уклад в постсоветской Киргизии – торговля. Тут свои интересы, независимые от «фермеров». Они вообще не торгуют фермерской продукцией. У них свой «бизнес», свой товар и свой интерес. Купил – привёз в страну, затем – продал. Кто – по мелочи, а кто – по-крупному. Тут свои представления о доходе, прибыльности, обороте, окупаемости инвестиций. Всё быстро: пара лет – и ты в дамках. Ну, лет пять. А затем купил крутой автомобиль, пару квартир и т. д.

Но в этом достаточно узком кругу есть и другие, у кого получилось создать крупные торговые бизнесы,

которых совсем мало. Они за последние 30 лет сумели заработать много, т. е. достаточно, чтобы вкладываться в спекулятивные проекты жилищного строительства (центр Бишкека – так называемая «Золотая миля» – застроен элитным жильём, 8–12-этажными зданиями, гостиницами и бизнес-центрами), строить гостиницы и пансионаты в Бишкеке и на Иссык-Куле, формировать рынок земли и недвижимости. Некоторые ушли дальше – купили за бесценок права на сельскохозяйственные угодья и недра страны. И на них «сидят». Благо, нет ни учёта, ни контроля, ни даже реестра недр Киргизии. И никому не важно, как эти «права» использовать. Здесь присутствуют самые разные деньги: и купцов с «Дордоя», и таможенников, и наркочаронов, и государственного олигархата.

Ещё один уклад – государство в лице прежде всего своих монополий. На таможенные взносы, тарифы на электричество, газ, тепловую энергию, бензин, спирт, уголь. Здесь – реальные денежные потоки. Реальный бизнес. И свой экономический уклад, опирающийся на государственную монополию, которой управляют конкретные государевы люди.

Эти уклады отнюдь не равнозначны по своей роли в экономике и политике современной Киргизии. При всей своей многочисленности «низшие» уклады занимают подчинённое положение по отношению к «высшим», а их роль в экономике остаётся вторичной. Стоит напомнить, что речь идёт о моноэтническом или почти моноэтническом государстве, в котором фактически прекратилось существование тради-

ционных русских укладов, которые остаются пока лишь в названиях старых казачьих сёл: Покровка, Григорьевка, Семёновское...

Судьбу страны определяет современный киргизский олигархат, инте-

ресы которого отнюдь не совпадают с нашими, российскими, представлениями и надеждами. И работать с этим олигархатом надо так же, как с иранским, иракским, китайским и всеми прочими. Без иллюзий.

Итоги независимого развития

На постсоветском пространстве сформировалось новое суверенное государство, которое исторически весьма быстро – за 10–15 лет – превратилось в одну из беднейших стран мира. 183-е место по показателю ВВП на душу населения из 223 стран мира (*CIA World Factbook* – 2018).

В Киргизии сформировалась многоукладная экономика торгово-посреднического типа с преобладанием в её структуре сферы торговых услуг, мелкотоварным сельским хозяйством, слабо развитой промышленностью (исключение – некоторые объекты гидроэнергетики, месторождение золота Кумтор, производство цемента и строительных материалов, два-три бывших предприятия «союзного значения», сохранившиеся до сих пор. Это бывший оборонный завод «Достан» и «Автомашрадиатор» – производство автомобильных радиаторов для автобусной и тракторной промышленности России).

В этой многоукладной экономике господствует государственно-олигархический уклад, достаточно причудливый по своему содержанию. В этом олигархате соседствуют киргизские нувориши, в основном выходцы из разнородной торговли, операций с недвижимостью, и высшие госчиновники, которые уже «сидят», «сидели» или «будут сидеть» на государственных денежных потоках.

Среди госчиновников – таможенники, руководители предприятий энергетики и теплоснабжения, налоговики и пр.

Кто у власти? Президент, парламент и правительство?

Вроде бы так. Но за недолгие годы независимого развития сменилось пять президентов, произошло три революции, но в реальности у власти остаются олигархи.

Содержание политического процесса в современной Киргизии – борьба элит за контроль над финансовыми потоками, в том числе государственными (бюджеты всех уровней, таможенные платежи, потоки внешней помощи, бизнес). Тут не до развития страны.

Для современной Киргизии характерны крайне высокие темпы прироста населения (более 7% в год на протяжении последних 10 лет). Они намного опережают темпы прироста ВВП. В этих условиях все разговоры о развитии страны, которые столь популярны среди её руководства, верхушки бизнеса, да и в обществе в целом – не более как ничем не обоснованные лозунги.

В действительности за почти 30 лет независимости в стране не было реализовано ни одного проекта, который бы смог коренным образом изменить парадигму социально-экономического развития страны.

Например, гидроэнергетика. Запасы гидроресурсов республики могли бы позволить превратить страну в центральноазиатский Кувейт. Между тем крупнейшие гидроэнергетические проекты, которые планировалось реализовать в стране в 2000-х годах, так и остались на бумаге или в начальной стадии строительства.

Среди них – Верхне-Нарынский каскад из четырёх ГЭС общей мощностью 237,7 МВт, оценочной стоимостью в 727 млн долл. (в ценах 2013 г.), спроектированные ещё в советские годы Камбаратинские ГЭС-1 (предполагаемая мощность 1600 МВт, строительство не начиналось) и ГЭС-2 (360 МВт, действует один агрегат мощностью 120 МВт)...

Все эти «стройки XXI века» заморожены.

Если что и было всё-таки сделано, то это строительство автодорог (в основном на китайские деньги, с использованием китайской техники и рабочей силы), линии электропередачи Датка – Кемин, скандальная реконструкция ТЭЦ в Бишкеке (385 млн долл. в виде китайского кредита).

Государственное устройство (парламентская республика с ограниченным мандатом президента) является лишь оформлением власти государственного и частного олигархата. При этом большинство серьёзных частных олигархов заседают в парламенте (Жогорку Кенеше), издают законы, назначают и отправляют в отставку правительство, пользуются парламентской неприкосновенностью.

И эти современные формы государственного устройства переплетаются с традиционными родо-племенными, клановыми отношениями, включая традиционное противостояние севера и Юга, непотизмом, патернализм, киргизский национализм.

Быстрыми темпами развивается исламизация всех сторон частной и общественной жизни, в некоторых регионах страны светское школьное образование заменяется на исламское. Ведётся латентная кампания по ограничению использования русского языка в школьном и высшем образовании.

Интересы киргизских олигархов, внутренние и внешние, разнообразны, но в основе лежат бизнес-интересы. У кого конкретно – соседний Казахстан. У другого, тоже вполне конкретно – Китай. У кого-то – Турция, аж целые швейные производства. У кого-то – Арабские Эмираты. У других – своё. Но есть и олигархат, «завязанный» на Россию. В том числе и государственный олигархат.

Для современной Киргизии стала характерной внутренняя политическая нестабильность, которая подпитывается высоким протестным потенциалом бедного населения. Этот потенциал, при необходимости, умело используется местными олигархами. В конце концов, это недорого: участие одного человека в «массовке» стоит от 500 до 1000 сомов (близко к российскому рублю). Опыт есть. Многолетний.

Интересы России

Для России Киргизия – один из важнейших объектов внешней политики не только на постсовет-

ском пространстве, но и в целом в Центральной Азии, включая китайское направление. Речь идёт не

только о ресурсном потенциале страны (вода, гидроэнергетический потенциал, месторождения золота, урана, редкоземельных элементов, цветных металлов). Гораздо важнее его геополитическое положение на пути из Китая в Казахстан, Россию и далее в Европу, из Южной Азии – в Россию. Плюс глобальные угрозы безопасности России (международный терроризм, наркотрафик), маршруты которых пролегают в том числе через Киргизию.

За годы независимого развития Киргизия претерпела глубокие социально-экономические и политические изменения. У власти в стране фактически находятся образовавшиеся за годы независимости олигархические элиты, весьма разнородные по своим экономическим, внутри- и внешнеполитическим интересам.

Внутриполитическая ситуация в Киргизии на протяжении всего периода независимого развития характеризуется нестабильностью, продолжающейся борьбой за власть/контроль над финансовыми потоками. Прогноз развития ситуации, внутренней и внешней политики страны представляется как минимум непростой задачей.

В этих условиях является крайне актуальной идентификация (и поддержка) тех сил, которые объективно заинтересованы в развитии отношений Бишкека с Москвой, сохранении российского влияния на киргизскую элиту, поддержке оставшейся российской диаспоры, включая облегчение получения российского гражданства для всех граждан СССР и их возможной ассимиляции в России (сейчас российское гражданство легче получить «трудовым мигрантам» – киргизам по нацио-

нальности, чем представителям русскоязычной диаспоры).

Экономическая помощь России Киргизии оказывается по различным каналам и в разных формах: ежегодные прямые бюджетные дотации, целевые гранты на обустройство границ и таможенных пунктов, целевая программа в рамках Программы развития ООН (ПРООН), финансирование проектов по линии Евразийского банка развития (ЕАБР) и находящегося под его управлением Специального фонда стабилизации и развития. Наконец, создание в 2014 г. Российско-киргизского фонда развития с уставным капиталом в 500 млн долл., который полностью оплачен Российской Федерацией. Это больше, чем капитализация всей банковской системы Кыргызской Республики. Цель – кредитование проектов развития в стране. Это единственный в Киргизии финансовый институт, который не даёт нагрузки на бюджет страны в виде госдолга или госгарантий по кредитам.

Наконец, 2,5 млрд долл. в виде ежегодных поступлений от трудовых мигрантов – киргизских граждан, которым Россия предоставила возможности трудоустройства; а таких мигрантов – почти 1,5 млн!

Между тем в Киргизии – в официальных кругах, СМИ, общественном сознании – Россия – всего лишь один из многочисленных доноров, который к тому же почему-то «должен» этой стране. Свойственной Киргизии «дипломатии универсального попрошайничества» необходимо противопоставить идею помощи для подлинного развития, которая будет концентрироваться на эффективных, самокупаемых проектах, финансируемых за счёт российских

кредитов и прямых инвестиций. Пора бы открыто заявить о том, что Россия – главный внешний источник благосостояния населения страны.

«Мягкая сила» во внешней политике России – важная и модная тема. В применении к Киргизии – вопрос реальной поддержки русскоязычного населения, поддержания культурного влияния, сохранение русского

языка и русскоязычного образования, обучения киргизских студентов в российских вузах. Страна-то небольшая, если не сказать, совсем малая. Необходимо хотя бы школьные учебники на русском языке распространять бесплатно. Своих-то, на киргизском, всё равно не хватает. А уж русские буквари с картинками... Вот это и была бы «мягкая сила».

Библиография • References

- Акаев А. Кыргызстан: тревожные предчувствия // Свободная мысль. 2011. № 2. С. 5–20.
[Акаев А. Kyrgyzstan: trevozhnye predchuvstviya // Svobodnaya mysl'. 2011. № 2. S. 5–20]
- Независимая газета. 1998. 21 апреля.
[Nezavisimaya gazeta. 1998. 21 aprelya]
- Ситнянский Г. Киргизия. Независимость обретена. Что дальше? // Азия и Африка сегодня. 1995. № 6. С. 6–11.
[Sitnyanskij G. Kirgiziya. Nezavisimost' obretena. CHto dal'she? // Aziya i Afrika segodnya. 1995. № 6. S. 6–11]
- Энергетические измерения международных отношений в безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО-Университет, 2007.– 1040 с.
[Energeticheskie izmereniya mezhdunarodnyh otnoshenij v bezопасnost' v Vostochnoj Azii. M.: MGIMO-Universitet, 2007.– 1040 с.]
- Marnie Sh., Whitlock E. Central Asia and Economic Integration // RFE/RL Research Report. Vol. 2. № 14. 1993. 2 Apr.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2020 г.

Клановые сообщества постсоветской Центральной Азии

К теории вопроса

Дмитрий РЕКК

Теоретическое осмысление природы и сущностных качеств кланов вообще и постсоветской Центральной Азии в частности требует обращения к целому ряду дисциплин гуманитарного знания: социологии, философии, науки об управлении и др. [1].

Функционалистские подходы в определении страт исходят из представления о социальных границах как препятствиях, ограничивающих свободу субъектов социального действия. Важным постулатом функционализма является указание на системную обусловленность социальных границ, обладающих вариативностью в связи с общей целесообразностью.

В когнитивном смысле рамки теоретического посыла функционализма смещают акцент анализа социальной структуры в сторону внутренних каузальностей страты, придавая влиянию внешних факторов значительно меньшее значение. Особенно важно отметить при описании клановых структур постсоветской Азии, что функциональный подход в рассмотрении социальных феноменов практически абсолютно игнорирует историко-культурный контекст генезиса и формирования сущностных качеств явления и его морфологические признаки [2].

РЕКК Дмитрий Александрович – аспирант Московского государственного областного университета. *E-mail*: 100100200@bk.ru

Ключевые слова: социальная структура, постсоветская Центральная Азия, клановая организация, политический процесс, социально-политическая стабильность, традиционные институты.

¹ Егоров В. Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель–Observer. 2011. № 9.

² Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative*. Prentice-Hall. Englewood Cliffs. New Jersey, 1966.

В описании современных кланов Центральной Азии такой «изъян» структурного функционализма существенно сужает его когнитивные возможности, так как современные клановые сообщества Центральной Азии, в отличие от промордиалистских, в значительной степени модернизированы и помимо традиционного кровно-родственного, этнокультурного содержания включают в себя актуальный компонент, привнесённый осовремениванием социумов [3]. Поэтому было бы неправильно рассматривать «скелет» кланов как нечто статичное. Несмотря на относительную стабильность, границы клановых структур обретают нарастающую динамичность в процессе модернизации центральноазиатских социумов.

Вместе с тем было бы неверным отождествлять общесистемные социетальные основания, являющиеся своего рода цементом, скрепляющим общественный организм с внутренним укладом клановой организации, противостоящим некоторым образом социуму в целом, определяющим её инаковость и автономность. Это всё не означает полную изолированность кланов от социального процесса. Безусловно, происходящее в социуме накладывает отпечаток на их структуры и содержание, однако традиционные институты, формирующиеся на основе большой патриархальной семьи, вполне сохраняют границу,

проходящую по «водоразделу» «свой – чужой». Клановая организация тем и отличается от национальной, что не принимает в качестве доминанты других, кроме промордиалистских, оснований.

Другой чертой нерелевантности функционализма в описании центральноазиатских кланов является отнесение ко вторичным факторам внешней среды, играющим, с учётом их природы, важнейшую, если не основополагающую роль. Родовые качества, глубоко укоренённые в историко-культурный контекст, остаются их актуальной характеристикой. Причём регенерация самых рудиментарных практик, продуцируемых традиционными институтами Центральной Азии, с утратой идеологических ценностей в известной степени восполняют ослабление социальных скреп. Семейственность, nepoтизм, религиозный радикализм наряду с позитивным потенциалом традиции стали социальной реальностью постсоветской Азии [4].

М алопродуктивность функционализма обуславливает необходимость поиска других подходов концептуализации кланов Центральной Азии. В этой связи методология структуризации английского социолога Э. Гидденса выглядит привлекательнее [5].

В основе его теоретического представления о социальной стратифи-

³ Егоров В. Г. Основания идентичности постсоветских политических режимов // Обозреватель-Observer. 2013. № 11.

⁴ Понниер Б., Клевцова А. Династии в центрально-азиатской политике // <http://rus.azattyg.org>

⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2018.

кации лежит не граница свободы действий групп и сообществ, а «структурирующие свойства», определяющие целостность социального феномена (в данном случае клана).

Согласно Э. Гидденсу, агрегирующие социальные системы свойства «в элементарном своём значении представляют собой “генеративные” (порождающие) правила (и ресурсы)» [5, с. 56].

Структуральные свойства, обуславливающие воспроизводство общностей (кланов, например), определяются Э. Гидденсом как структуральные принципы, а социальные практики, протяжённые во времени и обладающие признанным статусом, – общественные институты. Социальные феномены, обретшие статус признанных установлений, таким образом, приобретают характер институтов, к числу которых вполне резонно следует причислить клановые сообщества вообще и стран постсоветской Центральной Азии в частности.

Правила (или свойства), о которых пишет Э. Гидденс, в отличие от формализованных (именно о таковых говорится в случае определения социальной структуры), «в большинстве случаев не являются таковыми» [5, с. 60].

Например, такие правила, установленные «в ближнем круге» экс-президента Н. Назарбаева, по описанию его экс-зятя Р. Алиева, были не только не формализованными, но и не публичными [6].

Правила, агрегирующие сообщества (т. е. кланы), не «касаются специфических случаев или примеров поведения», но представляются

устойчивыми практиками, организующими и обеспечивающими их устойчивость. Кроме того, структуральные свойства (правила) всегда основываются на ресурсах (в ранних обществах общей среде обитания, без «обладания» которой невозможно воспроизводство жизни, в актуальной реальности – природной ренте, контроле над общим достоянием и др.), а следовательно, являются формой «доминирования и власти» [5, с. 60].

Такое представление об интегрирующих свойствах (правилах) и иерархия социальных страт, базирующаяся на доминировании, точно передаёт внутренний строй актуальной клановой организации постсоветской Центральной Азии и позволяет оценить уровень модернизации её традиционного контента.

Если в период своего зарождения источником правил и ресурсов, генерирующих клановые сообщества, были кровно-родственные отношения и единство территории обитания, т. е. неизменные (статичные) факторы, то в современной реальности их фундированность претерпевает существенную трансформацию. Сохраняя традиционный фундамент, кланы наших дней в значительной мере меняют свою природу.

Основополагающим стержнем, «хребтом» современных центральноазиатских кланов становится ресурс власти, приобретающий в различных конфигурациях клановых структур и моделях взаимоотношения с социумами динамичный характер, позволяющий элитным группам изменять своё положение во властной иерархии.

⁶ Алиев Р. Крёстный тестъ. Документальная повесть // URL: www.litmir.me

Имея в виду характеристику кланов как социальных институтов, играющих важную роль в политическом процессе постсоветской Центральной Азии, представляется необходимым для их описания обратиться к неинституциональной теории, позволяющей прояснить вопрос об устойчивости традиционных сущностей в современном социальном пространстве.

Наблюдаемая устойчивость кланов постсоветской Центральной Азии корректно вписывается в концепцию Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста «естественного государства, ограничивающего способность индивидов формировать организации» и порядок «открытого доступа».

Социальные порядки, в представлении неинституционалистов, определяют тенденции того, «как общества создают институты, поддерживающие специфические формы человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям...» [7, с. 40].

Важным положением неинституционалистов при описании клановой организации в постсоветской Центральной Азии является положение о том, что в естественных государствах социальная идентичность «имеет глубоко личный характер». И, наоборот, в порядках «открытого доступа» с конкуренцией за ресурсы организации, пользующиеся поддержкой общества, доступны «для всех, кто отвечает минимальным и безличным критериям» [7, с. 41].

В порядках «с открытым доступом» таким безличностным механизмом, обеспечивающим организацию, является правовой режим.

Клановые сообщества вообще и постсоветских азиатских республик в частности хорошо иллюстрируют справедливость положений неинституционализма. Внутренний иерархичный строй клановой организации и «правила игры» (порядок), её поддерживающие, основываются на персонифицируемой личности патера, олицетворяющего социальную статусность всего сообщества. Личностные характеристики клановой организации содержат легкорезализуемый соблазн её упрощённого представления в формате патрон-клиентских отношений. И хотя частично таковая включает указанные отношения, однако, являясь сложным социальным образованием с гетерогенной природой и сущностями, составляющими её целое, клановая организация далеко не исчерпывается привлечением концепта «патрон – клиент».

Следует заметить, что кланы, как и все другие досовременные феномены, максимально приближаются к описываемым патрон-клиентским отношениям только в случае полной утраты традиционного содержания. На самом деле клановые сообщества являются значительно более сложным социальным феноменом, чем устойчивые связи субъектов, обладающих различными ресурсными возможностями и принадлежащих к разным уровням служебной иерархии [8].

⁷ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

⁸ Райзберг Б. А. *Современный социоэкономический словарь*. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 350.

Для описания центральноазиатских кланов более приемлемо выглядит модель «партнёрских» социальных организаций О. Уильямсона, которую используют неоинституционалисты [9]. Такая модель помимо «стимулов соглашения» участников организации включает ещё один обязательный компонент – «сторону держателя основных ресурсов», которым, как в случае с кланами, является центральная власть. Клановая организация как система включает в качестве необходимого поддерживающего баланса внешних сил две силовые опоры: с одной стороны, встроенность в иерархию властной вертикали, а с другой – общественную поддержку.

Традиционный институт кланов вне апелляции к обществу теряет свою естественную природу, а вне политической надстройки теряет актуальную целесообразность. Кроме всего прочего, порядок «ограниченного доступа» к ресурсам, обеспечиваемый центральной властью, создаёт условия социального «долгожительства» кланов в конкуренции за потоками ренты, обретающих современное значение*.

Существует и обратная каузальность: внутренняя динамика «отношений между элитами в господствующей коалиции» влияет «на взаимодействие с остальным обществом».

Верность такого представления о клановых структурах подтверждается фактическим материалом, характеризующим политический про-

цесс постсоветской Центральной Азии. Так, распределение министерских кресел среди представителей ташкентского и самаркандского кланов в Узбекистане осуществляется пропорционально приближенности к центральной власти, а перераспределение властного ресурса и трансформация иерархии клановых сообществ обязательно сопровождалась апелляцией к обществу и требовала аргументации общественными интересами [10].

Отношения кланов и государства не описываются простой схемой их участия в редистрибуции или исключительно контролем над потоками ренты. Важнейшей составляющей такого взаимодействия в актуальной политической практике становится обеспечение клановыми сообществами своего места во властной иерархии, что позволяет им активно влиять на принятие решений, в том числе по сохранению собственной стабильности. От положения во властной вертикали зависит потенциал кланов в таком значимом ресурсе, как «контроль насилия», которым в постсоветской Центральной Азии в полной мере располагает только персонифицированный глава государства. Контроль «над насилием» в отсутствие правового порядка выходит далеко за пределы публичного пространства.

Например, устранение казахстанского лидера оппозиции Алтынбека Сарсенбаева в 2006 г., как полагают эксперты, не обошлось без участия или

⁹ Williamson O. E. The economic institutions of capitalism. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1985.

¹⁰ Хакназаров У. Борьба кланов в Узбекистане // URL: www.lindarevista.es

* Рента согласно представлениям неоинституционалистов, – это отдача от актива, превышающая отдачу, которая может быть получена от лучшего альтернативного его использования.

негласного одобрения представителей власти. Цинизм, с которым было совершено преступление, свидетельствует о том, что его исполнители явно имели в виду попустительство официальных структур [11].

Неоинституционалисты обращают внимание на селективность возможности участия в «коалиционных организациях» и недоступность их для большинства граждан [7, с. 37].

Важным в анализе функционала клановых структур постсоветской Центральной Азии является указание неоинституционалистов на обратную пропорциональную зависимость уровня конкурентной активности за властный ресурс и потенциала присвоения ренты. В этой связи «элиты – члены господствующей коалиции соглашаются уважать привилегии друг друга, включая права собственности и доступ к определённым видам деятельности. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надёжные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведёт к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу. Кроме того, каждая элитарная группа понимает, что другие группы сталкиваются с такими же стимулами» [7, с. 78].

Для сохранения режима максимального доступа к ренте кланы вынуждены поддерживать некий баланс интересов.

Таким образом, стратегии кланов могут быть корректно описаны

в формате «равновесия Д. Нэша» одного из прародителей теории игр.

Согласно модели «равновесия Д. Нэша» ни одна из участвующих «в игре (процессе) сторон не может увеличить свой выигрыш за счёт изменения стратегии, при том что другие участники (стороны) воздерживаются от изменения своих стратегий».

Одним словом, баланс (равновесие) достигается при соблюдении правил, предусматривающих оптимальный выигрыш всех сторон, и напротив, их нарушение любым из участников ведёт к общему проигрышу. Именно так выстраиваются в актуальной политической реальности отношения кланов, что, безусловно, не означает стабильного, раз и навсегда сложившегося их равновесия. Подвижность в межклановых силовых потенциалах прямо обусловлена изменениями в иерархии, определяемых центральной властью, уровнем социализации отдельных кланов, социальной статусностью элитных групп, их возглавляющих, и т. д.

При этом следует заметить, что нарушение равновесия и борьба кланов неизбежно порождают деструкцию и наносят ущерб интересам всех игроков. Мало того, клановая конкуренция:

- *во-первых*, увеличивает возможности центральной власти вобретении собственного потенциала (вплоть до установления авторитарного режима);

- *во-вторых*, обязательно понуждает кланы к поиску общественной поддержки (что связано с дополнительными материальными и статусными издержками).

¹¹ Тогузбаев К. Убийство Алтынбека Сарсенбаева: десять лет споров // URL: <http://rus.azattyg.org>

Выход элитных противоречий (войн) на публичный уровень обязательно ведёт к неизбежным потерям всех конфликтующих сторон.

Учитывая, что кланы в целом интегрированы в политическую надстройку и являются неотъемлемым компонентом режима, центральная власть заинтересована в сохранении стабильности межклановых отношений.

С точки зрения упомянутого теоретического концепта позиция (или правила игры) кланов (коалиционных организаций) заключается в том, чтобы с минимальными издержками в конкуренции комплиментарно распределять потоки ренты и не допускать их перераспределения. Однако в реальности такое перераспределение происходит регулярно. Относительная устойчивость «закрепления» кланов за рентными сегментами обычно поддерживается в рамках определённых периодов «спокойного» состояния политического процесса. При этом всякий раз, когда это «спокойствие» нарушается по разным причинам: давление общества, реальные шаги центральной власти в направлении реформ и т. д., конфигурация межклановых отношений меняется.

Следует заметить, что перераспределение потоков ренты между кланами является важным инструментом повышения эффективности государственного управления республик Центральной Азии. При этом, очевидно, проявляется закономерность, которую можно сформулировать следующим образом: способность центральной власти управлять элитными сообществами и

кланами возрастает по мере обретения властной вертикалью стабильности, определяемой в том числе и общественной поддержкой. Именно из-за проявляющейся зависимости устойчивости власти и управляемости кланов на ранних этапах становления независимых государств таковые щедро наделялись властными и материальными преференциями, замещающими эту искомую управляемость.

Так, в целях мирного урегулирования гражданской войны в Таджикистане Э. Рахмон вступил в переговоры и договаривался даже с радикальными группировками и полевыми командирами, поддерживаемыми афганскими террористами. Партия исламского возрождения в соответствии с подписанным в 1997 г. соглашением, гарантированным Россией, получила в правительстве пять министерских мест [12].

Такая оценка взаимоотношений власти и кланов хорошо корреспондируется с указанием неонституционалистов: «Правитель – это всего лишь один из многих значимых участников господствующей коалиции» [7, с. 83]. При концептуализации кланов постсоветской Центральной Азии важно и другое положение о том, что функциональное состояние клановой системы прямо зависит от количества и качества ренты, поступающей в их распоряжение. Ренты должно быть достаточно для поддержания внутриклановой лояльности.

В связи с этим Д. Норт и его коллеги говорят о ещё одном свойстве «коалиционных организаций» (кланов): с одной стороны, их значительные масштабы и охват населения

¹² Прекращение войны в Таджикистане (июнь 1997) // URL: <http://ozlib.com>

повышают возможности влияния на политический процесс, а с другой – по мере расширения неформальных сообществ уменьшается количество распределяемой ренты и внутриклановая лояльность, а именно: «Коалиции естественного государства сталкиваются с фундаментальным выбором. Расширение коалиции без роста деятельности, порождающей ренту, увеличивает число её членов и повышает способность коалиции противостоять внутренним и внешним угрозам. Однако это также ведёт к распылению ренты, что снижает ценность членства в коалиции и одновременно сокращает способность участников наказывать коалицию, лишив её своей поддержки» [7, с. 96].

По мере удаления от примордиалистских оснований клановой консолидации указанные противоречия проявляются с нарастающей интенсивностью. В модернизированных кланах наряду с сохранением традиционных кровно-родственных, родовых, джузовых отношений (при их полном изъятии кланы утрачивают свою природу) доступ к ренте становится определяющим скрепом. Таким образом, традиционные основания кланов находятся в обратной пропорции с современными (модернизированными). Чем большую роль в консолидации играет рента и её рестрибуция, тем меньшее значение имеют примордиалистские основания, и наоборот.

Именно поэтому главы клановых сообществ Центральной Азии в условиях «дефицита» ренты прибегают к использованию «вечных истин».

Так, на заре становления узбекского суверенитета в политической конкуренции клановых группировок необычно сочетались лозунги: «Справедливости, ислама и демократии» [13].

Коалициям «естественного государства», связанным с индивидуальными идентичностями и испытывающими влияние внешних факторов (в случае с кланами, например, уровня социально-экономического и культурного развития, наличия и количества ренты, интенсивности вмешательства сил, инспирированных мировыми центрами), присуща ещё одна черта: динамичность или, как её определяют Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст, «хрупкость». «Коалиция хрупка в том смысле, что незначительные изменения в положении участников коалиции – изменения в относительных ценах, количестве климатических потрясений, угроз от соседей, болезней и так далее – могут вывести коалицию из равновесия. Потрясения могут легко привести к насилию и созданию новой коалиции. Но могут они также привести к перестановкам внутри самой коалиции» [7, с. 100].

Политическая практика центральноазиатских стран даёт основание утверждать, что в клановых сообществах, утрачиваемых «первородное» содержание, уровень «хрупкости», о которой говорят неоинституционалисты, нарастает.

Например, устранение экс-зятя Н. Назарбаева привело к изменению расстановки сил не только внутри «семейного клана», но и к формированию двух новых элитных групп, возглавляемых род-

¹³ Абдуллаев Е. Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // CA&C Press AB // URL: www.ca-c.org/12-1997/st_12_abdullaev.shtml

ственников Р. Алиева и «кулибаевского нефтегазового сообщества» [14].

Агрегирование властного ресурса и контроля над потоками ренты в руках президентской семьи увеличивает «взрывоопасный потенциал» республики Таджикистан [15].

В «естественных государствах» западной цивилизации при становлении публичного права и безличностных регуляторах организаций (например, соглашений) элитные сообщества обретали свойства устойчивости, реализуемые в базисном и зрелом состоянии (по Д. Норту). В случае же с постсоветской Центральной Азией, напротив, отсутствие правового, безличностного режима (как и в России) становится основным препятствием политической модернизации вообще и актуальной клановости в частности.

Отсутствие безличностных институтов публичности (прежде всего правового порядка) в постсоветских странах является основной причиной сохранения (и даже развития) в их социальном пространстве таких патриархальных сущностей, как кланы.

Следует заметить, что актуализация клановых структур в постсоветской Центральной Азии не отражает внутренние свойства традиционных институтов, а прежде всего является результатом «введения» нового социального порядка «сверху» и революционного «излома» как метода его имплементации. При этом насаждаемый либерально-демократический

«выбор», базисом которого является правовой порядок, формирующийся в течение, по крайней мере, шести веков, в условиях постсоветской реальности оказался нелеревантным и инициировал «реинкарнацию» патриархальных устоев, в том числе кланов.

О невозможности укоренения на «неподготовленной почве» институтов, заимствованных из западного опыта, неоднократно предупреждал Д. Норт: «Нет силы, которая бы неизбежно двигала общества поступательно от хрупких к базисным или зрелым естественным государствам» [7, с. 111].

Другой институционалистский подход у Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсона в книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» [16]. Положения авторов об экстрактивных и инклюзивных институтах, соотношение которых обуславливает способность социальной системы к развитию, в полной мере можно отнести к клановым сообществам вообще и постсоветской Центральной Азии в частности. Инклюзивные институты, в представлении исследователей, те, что «разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, что позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора – где именно работать и что именно покупать – за каждым отдельным че-

¹⁴ Семья президента: Нурсултан Назарбаев // URL: <https://news.rambler.ru>

¹⁵ Глобальная перестройка. М.: Весь Мир, 2014. С. 429, 432.

¹⁶ Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

ловеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищённые права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан» [16, с. 65].

В противоположность таковым экстрактивные институты (к которым, безусловно, относятся центральноазиатские кланы) ориентированы на выжимание максимального дохода из эксплуатации большей части общества и направлении полученной ренты на обогащение другой части (имеются в виду элитные группы. – Авт.)» [16, с. 66].

При этом утверждение Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсона о том, что элиты, извлекающие ренту и заинтересованные в приращении её потоков, как правило, инвестируют в национальное хозяйство, не отражает социальную реальность постсоветских стран. Большая часть элитных групп новых независимых государств Центральной Азии в условиях неопределённости предпочтений центральной власти стремятся обезопасить свои активы и не связывать их с рисками внутри государства.

Примером этого могут служить обстоятельства, связанные с казахским бизнесменом М. Абля-

зовым, который находится под уголовным преследованием в своей стране [17]. Показателен не сам факт уголовного преследования, а сопровождаемое его изъятие собственности.

Явный изъян предложенной Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсоном концепции в описании клановых структур как экстрактивных институтов заключается в отсутствии указания на механизм их замены инклюзивными. Предположение неoinституционалистов о возможности перехода от экстрактивных институтов к инклюзивным через консенсус элитных групп, возглавляющих кланы, с обществом опровергает большинство экспертов Центральной Азии [18].

По мнению специалиста Института экономических исследований стран Центральной Азии А. Хамидова, главным препятствием на пути модернизации новых азиатских независимых государств является «недоговороспособность элит»: «Центральная Азия не смогла сделать рывок и остаётся в бедственном положении во многом из-за того, что значительная часть элит региона ставила и ставит свои личные интересы выше государственных и общественных. Мы любим ссылаться на “экономическое чудо” Сингапура и Японии, но оно во многом было обусловлено пересмотром элитами своих подходов к развитию, а именно ставка на богатое государство, а через него – на богатые элиты. У нас же все кинулись набивать кар-

¹⁷ Прокуратура Алма-Аты потребовала для беглого банкира Аблязова 20 лет тюрьмы // URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/25/ablyzov/>

¹⁸ Муминов А. Новое средневековье. Почему Центральная Азия не может встать с колен? // Central Asia Monitor // URL: <https://camonitor.kz./31828-novoe-arednevekove-pochemu-centralnay-aziya-ne-mozhet-stat-s-kolen.html>

маны в первую очередь себе и как итог проспали будущее развитие, прибавьте сюда трайбализм, коррупцию и элементарный социальный дарвинизм. Что ждёт Центральную Азию? Ответить однозначно довольно сложно, однако даже сейчас, как это ни странно, шанс на развитие и рывок всё ещё сохраняется» [18].

Природа кланов, сохраняющая традиционные характеристики, диктует необходимость включения в круг теоретических концептов анализа этого феномена философских идей традиционализма, одним из представителей которого является Рене Генон. Не углубляясь в анализ его рассуждений, заметим только, что под «традицией» он понимал прежде всего «мир духовности», далеко выходящий за пределы экзистенции. В этой связи французский мыслитель умышленно редуцировал созидательное начало в традиции современности.

Согласно взглядам французского философа, цивилизационные преимущества Запада над Востоком, доказываемые с позиции рационализма («профанационной» науки, образования технического прогресса и т. д.), на самом деле оборачиваются деструкцией с точки зрения удалённости от духовности и приближения к кризису современности.

«Такие цивилизации, – писал Р. Генон, – сущностно не противостоят друг другу, и любые возможные расхождения между ними являются чисто внешними и поверхностными. С другой стороны, цивилизация, не признающая никакого высшего принципа и в действитель-

ности основанная на полном отрицании вообще каких бы то ни было принципов, уже в силу самого этого обстоятельства исключает возможность всякого взаимопонимания с другими цивилизациями, поскольку для того, чтобы такое понимание было воистину глубоким и действенным, оно должно проистекать из того самого высшего принципа, которого эта аномальная и извращённая цивилизация как раз лишена. Поэтому в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях – таковы цивилизации Востока, и с другой – откровенно антитрадиционную цивилизацию, или цивилизацию современного Запада» [19, с. 94–95].

Отличия Запада и Востока и их цивилизационная противоположность позволяют понять такой феномен традиционных сообществ постсоветской Центральной Азии, как кланы. Консолидация таких сообществ, *во-первых*, является в том числе результатом разделяемой «общинниками» «истинной идеи». «В традиционной цивилизации почти невозможна ситуация, в которой человек приписывал бы ту или иную идею исключительно самому себе, – писал Р. Генон. – А если бы всё же кому-нибудь пришло в голову совершить нечто подобное, его авторитет тут же упал бы и доверие к нему было бы полностью подорвано, при том что сама подобная идея была бы расценена как бессмысленная фантазия. Если идея истинна, она принадлежит всем, кто способен её постичь. Истинная идея не может

¹⁹ Генон Р. Кризис современного мира. М.: Академический проект, 2018.

быть “новой”, так как истина не является продуктом человеческого разума» [19, с. 141–142].

Такой истинной идеей, окормляющей центральноазиатские кланы, подменившей советскую идеологию, помимо патернализма стал ислам. Исламская природа авлодов особенно наглядно проявилась в постсоветской реальности Таджикистана и Узбекистана.

Во-вторых, в отличие от западного индивидуализма, порождающего «социальный хаос», согласно традиционному мироощущению «природа человека со всем набором предрасположенностей, слитых с этой природой», понуждает «каждого к выполнению тех или иных обязанностей, а следовательно, предполагает “социальную иерархию”» [19, с. 160], в полной мере присущую клановой организации.

В-третьих, клановые структуры, как и другие традиционные институты Центральной Азии, характеризуются глубоким сущностным противоречием, порождаемым интересами современных и даже «прозападных» элитных групп* использовать их в своих партикулярных целях [20]. Относительно этих элитных групп, занимающих верхние ступени клановой иерархии, Р. Генон говорил: «И тем не менее у истоков подобного внушения должны стоять вполне сознательные личности, прекрасно отдающие себе

отчёт в прагматических целях подобных “гипнотических сеансов”, а также отлично знающие истинную цену этим идеям. В данном случае мы используем термин “идея” весьма условно, так как совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с тем, что не имеет ни малейшего отношения к интеллектуальной области, а значит, строго говоря, не может быть названо “чистой идеей”. Это – “ложные идеи”, или, другими словами, “псевдоидеи”, предназначенные в первую очередь для пробуждения у людей “сентиментальных реакций”, – именно с их помощью легче всего влиять на толпу. В подобных случаях гораздо важнее сами слова, нежели заключённые в них идеи, и большинство идолов современности – это не что иное, как слова» [19, с. 162–163].

Предоставляя значительный когнитивный потенциал в понимании клановой организации постсоветской Центральной Азии, положения, представленные французским автором, не лишены одного существенного недостатка. Идеи Р. Генона совершенно исключают возможность конструктивной модернизации традиционных сущностей, так как в целом современность, по его мнению, неизбежно движется к своему «закату». Таким образом, наполнение современным контентом любого традиционного института не может рассматриваться иначе как со знаком минус.

Однако, очевидно, что социальная перспектива кланов Центральной Азии вариативна хотя бы потому, что их место и роль в социально-политическом

²⁰ Штоль В. В. Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // Обозреватель–Observer. 2012. № 12.

* Р. Генон признаёт только интеллектуальную элиту, способную сохранять и приумножать истинную идею. В данном контексте термин «элита» применяется к группам, аккумулирующим социальную силу и принимающим участие в политических решениях.

процессе в рамках региона не однозначны прежде всего в силу разности соотношения «власть – кланы – общество».

Вряд ли верно отождествлять социально-политический статус кланов Казахстана и Туркмении, возможности применения насилия при достижении политических амбиций элитных групп Таджикистана и Узбекистана.

Безусловно, социальный феномен клановой организации в постсоветской Центральной Азии будет иметь специфические темпоральные и функциональные характеристики. Вместе с тем, имея общее, проявляющееся в историко-культурных основаниях и факторах, порождающих жизнеспособность, клановые сообщества постсоветских азиатских республик как социально-политическое явление, проецирующееся на политический процесс и имеющее схожую политическую результативность, безусловно, заслуживают дополнительного эмпирического исследования, способного стать источником дальнейшего теоретического осмысления.

Современное обществознание располагает достаточным теоретическим потенциалом для концептуализации постсоветских клановых сообществ, в том числе новых азиатских независимых государств.

Библиография • References

- Абдуллаев Е.* Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // CA&C Press AB // URL: www.ca-c.org/12-1997/st_12_abdullaev.shtml
[*Abdullaev E.* Islam i «islamskij faktor» v sovremennom Uzbekistane // CA&C Press AB // URL: www.ca-c.org/12-1997/st_12_abdullaev.shtml]
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.– 692 с.
[*Adzhemoglu D., Robinson D.A.* Pochemu odni strany bogatyje, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety. М.: AST, 2015.– 692 s.]
- Алиев Р.* Крёстный тест. Документальная повесть // URL: www.litmir.me
[*Aliev R.* Kryostnyj test'. Dokumental'naya povest' // URL: www.litmir.me]
- Генон Р.* Кризис современного мира. М.: Академический проект, 2018.– 781 с.
[*Genon R.* Krizis sovremennogo mira. М.: Akademicheskij proekt, 2018.– 781 s.]
- Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018.– 528 с.
[*Giddens E.* Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii. М.: Akademicheskij proekt. 2018.– 528 s.]
- Глобальная перестройка. М.: Весь Мир, 2014. С. 429, 432.– 528 с.
[*Global'naya perestrojka.* М.: Ves' Mir, 2014. S. 429, 432.– 528 s.]
- Егоров В.Г.* Основания идентичности постсоветских политических режимов // Обозреватель–Observer. 2013. № 11. С. 14–37.
[*Egorov V.G.* Osnovaniya identichnosti postsovetских politicheskikh rezhimov // Obozrevatel'–Observer. 2013. № 11. S. 14–37]
- Егоров В.Г.* Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 48–59.
[*Egorov V.G.* Postsovetское prostranstvo kak predmet nauchnogo osmysleniya // Obozrevatel'–Observer. 2011. № 9. S. 48–59]

- Муминов А. Новое средневековье. Почему Центральная Азия не может встать с колен? // Central Asia Monitor // URL: <https://camonitor.kz./31828-novoe-arednevekove-pochemu-centralnay-aziya-ne-mozhet-stat-s-kolen.html>
- [Muminov A. Novoe srednevekov'e. Pochemu Central'naya Aziya ne mozhet vstat' s kolen? // Central Asia Monitor // URL: <https://camonitor.kz./31828-novoe-arednevekove-pochemu-centralnay-aziya-ne-mozhet-stat-s-kolen.html>]
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.– 478 с.
- [Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya istorii chelovechestva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011.– 478 s.]
- Понниер Б., Клевова А. Династии в центрально-азиатской политике // URL: <http://rus.azattyg.org>
- [Ponnier B., Klevcova A. Dinastii v central'no-aziatskoj politike // URL: <http://rus.azattyg.org>]
- Прекращение войны в Таджикистане (июнь 1997) // URL: <http://ozlib.com>
- [Prekrashchenie vojny v Tadzhikestane (iyun' 1997) // URL: <http://ozlib.com>]
- Прокуратура Алма-Аты потребовала для беглого банкира Аблязова 20 лет тюрьмы // URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/25/ablyzov/>
- [Prokuratūra Alma-Aty potrebovala dlya beglogo bankira Ablyazova 20 let tyur'my // URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/25/ablyzov/>]
- Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 350.– 629 с.
- [Rajzberg B.A. Sovremennyj socioekonomicheskij slovar'. M.: INFRA-M, 2018. S. 350.– 629 s.]
- Семья президента: Нурсултан Назарбаев // URL: <https://news.rambler.ru>
- [Sem'ya prezidenta: Nursultan Nazarbaev // URL: <https://news.rambler.ru>]
- Тогузбаев К. Убийство Алтынбека Сарсенбаева: десять лет споров // URL: <http://rus.azattyg.org>
- [Toguzbaev K. Ubijstvo Altynbeka Sarsenbaeva: desyat' let sporov // URL: <http://rus.azattyg.org>]
- Хакназаров У. Борьба кланов в Узбекистане // URL: www.lindarevista.es
- [Haknazarov U. Bor'ba klanov v Uzbekistane // URL: www.lindarevista.es]
- Штоль В.В. Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // Обозреватель–Observer. 2012. № 12. С. 29–41.
- [SHtol' V.V. Postsovetskie gosudarstva: poiski samoidentifikacii i izderzhki nezavisimosti // Obozrevatel'–Observer. 2012. № 12. S. 29–41]
- Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative. Prentice-Hall. Englewood Cliffs. New Jersey, 1966.
- Williamson O.E. The economic institutions of capitalism. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1985.– 450 p.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2020 г.

Компенсаторная роль образования в условиях глобальной цифровизации

Екатерина АНТЮХОВА

Технологическая безработица: вероятный прогноз рынка труда

Один из известнейших футурологов современности М. Форд предсказывает, что «к 2100 году средний уровень безработицы в мире достигнет 75%, роботы окончательно победят человека, половина существующих профессий исчезнет» [1]. В этом высказывании (как во многих подобных) преобладает эмоциональная пессимистичная оценка. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что на протяжении всей истории человечества происходили открытия и появлялись новые техно-

логии, сопровождавшиеся бифуркациями на рынке труда, но никогда прежде ожидания этих бифуркаций не были такими всеобъемлющими [2]. Прогнозисты зачастую игнорируют, что рынок труда подвержен колебаниям и гибко приспосабливается к изменениям, происходящим в экономике: исследования показывают, что с 1985 по 2009 г. в 21 развитой стране были зафиксированы периоды кратковременного повышения безработицы, которые составляли в среднем три года, но дальше уро-

АНТЮХОВА Екатерина Андреевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России. *SPIN-код:* 2048-2979, *E-mail:* e.antyukhova@gmail.com

Ключевые слова: рынок труда, технологическая безработица, удалённая занятость, роботизация, образовательная политика.

¹ Форд М. Технологии, которые меняют мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

² Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: ВШЭ, 2017 // URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03_ff.pdf

вень занятости возвращался к прежним и даже более низким уровням [3]. Очевидно, в будущем будет превалировать именно технологическая безработица, связанная с потерей рабочего места вследствие внедрения принципиально новых технологий (искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности и т. п.). Наиболее ожидаема технологическая безработица в развитых странах, где уже достаточно высокие технологии нынешнего технологического уклада (табл. 1). В странах ОЭСР автоматизация может затронуть в среднем 57% рабочих мест, и некоторые профессии могут вообще исчезнуть [4]. В России же она не настолько выражена (по текущим тенденциям) из-за несколько запаздывающего технологического развития и не слишком благоприятного инвестиционного климата [5].

Большинство опасений по поводу роста технологической безработицы связано с развитием робототехники. Практика показывает экономическую эффективность использования роботов современного поколения (в отличие от решений минувших десятилетий), когда существенно снижаются

затраты: на сегодня установка одного промышленного робота заменяет от 3 до 6 работников, т. е. 1 робот в расчёте на 1000 занятых способствует снижению уровня занятости на 0,180,34% [6]. Несмотря на то что автоматизация и роботизация ликвидируют ряд рабочих профессий, но всё же технологические инновации создают новые отрасли и, соответственно, новые рабочие места, что приводит к условному замещению занятых [7]. Отрасли, в которых ожидаемо достаточный потенциал создания рабочих мест на ближайшие пять лет: строительство, металлообработка, коммунальные системы, производство мебели и др.; отрасли с возможностью потери рабочих мест без замещения: добыча нефти и газа, производство средств связи, табачная промышленность (рис. 1).

Массовость распространения роботов вызывает наибольшие опасения в отношении динамики развития рынка труда и активизации технологической безработицы (ожидается, что среднемировой ежегодный прирост промышленных роботов составит в ближайшие три года не менее 14% [8]).

³ Технологическая безработица. Почему машины не вытеснят человека с рынка труда // URL: <https://iq.hse.ru/news/211413387.html>

⁴ Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis // OECD Social, Employment, and Migration Working Papers. 2016. № 189. OECD Publishing, Paris.

⁵ Быков А. Грозит ли России «технологическая безработица»? // URL: https://thequestion.ru/questions/250875/answer-anchor/answer/352747?utm_source=yandex&utm_medium=wizard#answer352747-anchor

⁶ Acemoglu D., Restrepo P. The Race between Machine and Man: Implications of Technology for Growth, Factor Shares and Employment // MIT Department of Economics Working Paper, 2017. June 6. № 16-05.

⁷ Доклад о мировом развитии Всемирного банка за 2019 // URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>

⁸ International Federation of Robotics // World Robotics 2018 edition // URL: https://ifr.org/downloads/press2018/WR_Presentation_Industry_and_Service_Robots_rev_5_12_18.pdf

Показатели рынка труда по странам

%

Страна	Показатель безработицы по годам:		Доля занятых, чья профессия подвержена потенциальной автоматизации деятельности (прогноз)	
	2017	2018	Frey&Osborne	McKinsey
Япония	2,8	2,6	49,0	56
Индия	3,5	3,5	68,9	52
Китай	4,7	4,7	77,1	51
Россия	5,2	5,0	н/д	50
Польша	4,9	4,9	56,3	49
Германия	3,7	3,6	59,0	48
Канада	6,4	6,3	45,0	47
США	4,4	4,3	47,0	46
Швеция	6,7	6,7	46,7	46
Франция	9,7	9,7	49,5	43
Великобритания	4,3	4,2	35,0	43

Источник. Составлено автором на основе данных: World Development Indicators // URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>; Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // URL: <https://institutiones.com/innovations/3049-roboty-i-potencialnaya-technologicheskaya-bezrabotica-v-regionah-rossii.html>; Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280; Manjika J., Chui M., Miremadi M. [et al.] A future that works: Automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute, 2017.

Данные по плотности роботизации (рис. 2), исчисляемой как количество промышленных роботов на 10 000 работающих, показывают лидерство Южной Кореи и Японии, отставание европейских стран от них минимум в 4 раза. Следует, впрочем, отметить, что, например, в автомобилестроительных отраслях Японии и Германии задействовано в производственных и инфраструктурных процессах примерно одинаковое количество робототехники.

В Китае происходит активизация полной автоматизации производства и экспорта промышленных роботов (в 2017 г. увеличение на 59%).

В России пока ещё использование робототехники по показателям не вернулось даже на уровни

советской промышленности, но имеется потенциал и ресурсы для технологической модернизации промышленности.

В исследованиях развития рынка труда с учётом тенденций технологической безработицы присутствует отсылка к так называемому заблуждению Луддита [1, с. 49], которое ассоциируется с фактом протестов и погромов против внедрения машин и прогрессивного оборудования в первой четверти XIX в. (период первой промышленной революции

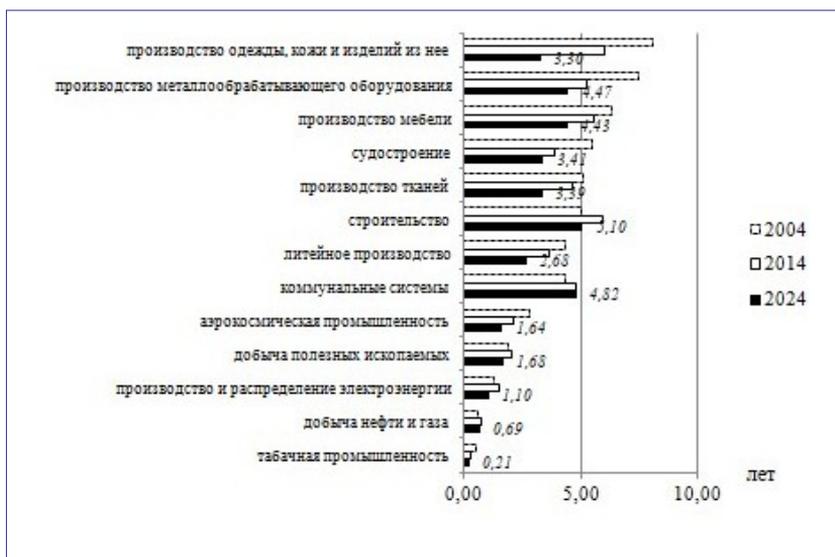

Рис. 1. Динамика потенциала отраслей по созданию новых рабочих мест*.

в Англии), что, по мнению участников погромов – луддитов, способствовало бы долгосрочной безработице.

Подобное видение влияния технологического прогресса на рынки про-

фессий должно учитываться и системой образования, но последняя более декларирует технологические новшества, а не рассматривает возможное условное замещение занятости, считая такие тренды краткосрочными.

Изменение формата занятости как фактор развития рынка труда

Современный рынок труда практически вышел на траекторию трансформации форм занятости работников. Абстрагируясь от параметра полной/неполной занятости, рассмотрим современные тенденции в этой сфере – распространение удалённой занятости как характеристики современного рынка труда, связанной

с возможностями осуществлять трудовые деятельности через Интернет.

Развитие инфокоммуникационных технологий начинает эволюционно трансформировать и потоки международной трудовой миграции: если ранее необходимо было соблюдение миграционных процедур, то за счёт интернет-коммуникаций

* Составлено автором на основе: Seidl da Fonseca R. The Future of Employment: Evaluating the Impact of STI Foresight Exercises // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 4. P. 922.

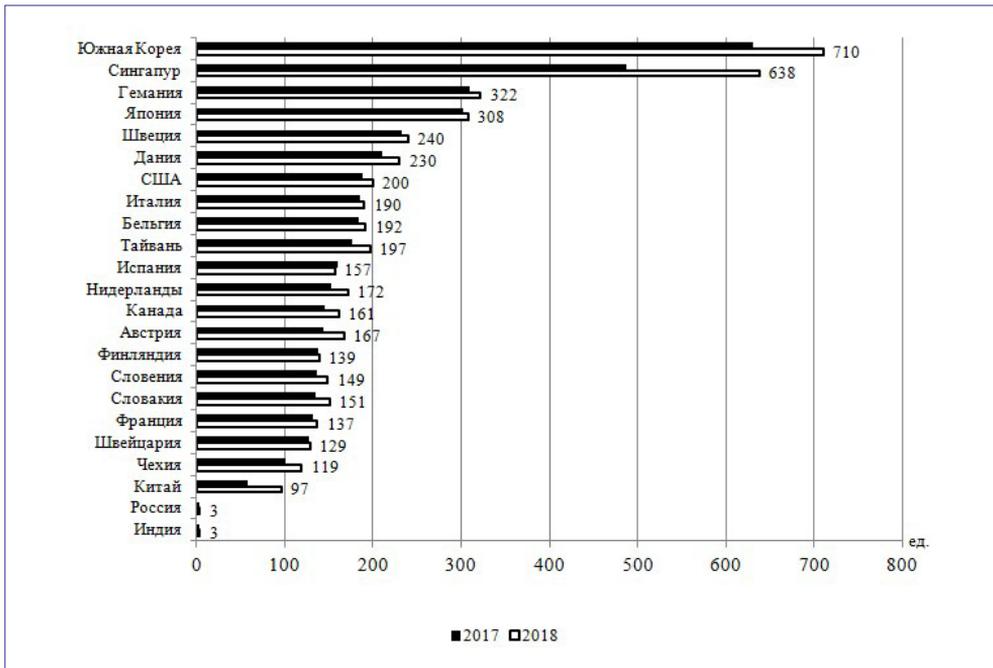

Рис. 2. Плотность роботизации по странам, 2016 г.*

возможно фактически неограниченное привлечение работников, являющихся гражданами других стран [9, р. 313]. Однако параллельно возникают проблемы налоговых отчислений с полученных доходов таких привлекаемых работников.

Традиционно появление возможности удалённой работы в рамках гибкой занятости соотносят со структурными изменениями в рамках отраслей экономики, а именно продление рабочего дня в сезон (пики спроса

на выпускаемую продукцию) и предоставление дополнительных дней отпуска в межсезонье. Затем появился термин «телеработа» (*telework, e-work*), ассоциирующийся с преимуществами работы вне офиса (чаще всего это работа над конкретными проектами) с использованием прогрессивных средств связи с работодателем.

Так, в 1999 г. в Европейском союзе число занятых удалённо составляло 6% от общего количества занятых, в 2002 г. эта численность увеличилась

⁹ Kasatkin P.I., Avatkov V.A. The soft power of migration – a hard task for the European Union // Defense and Security Analysis. 2014. № 30(4).

* Составлено на основе данных: International Federation of Robotics. World Robotics 2018 edition // URL: https://ifr.org/downloads/press2018/WR_Presentation_Industry_and_Service_Robots_rev_5_12_18.pdf; Аналитический обзор мирового рынка робототехники. Лаборатория робототехники Сбербанка. Апрель 2018 // URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2018/analiticeskij-obzor-mirovogo-rynka-robototekhniki.pdf>

более чем в 2 раза, при том что в США они составляли почти четверть всех занятых [10].

По оценкам Всемирной организации труда, к 2017 г. в среднем в Европе этот показатель достиг отметки 17% [11] (в Дании – 34%, Швеции – 33%, Нидерландах – 30%, Италии – 9%), а, например, в Японии – 32% и США – 37% [12].

В России число удалённо работающих сотрудников в 2014 г. составило около 4% всех занятых, однако по прогнозам исследовательской компании *J'son&Partners Consulting* [13], оно возрастет к 2020 г. до 20%, что приведёт к экономии издержек компаний, в 2 раза превышающей текущий объём всего российского ИТ-рынка, как наиболее активно использующего принципы удалён-

ной занятости для привлечения талантливых и креативных людей вне зависимости от их места жительства.

Если обратиться к профессиональному составу, то в России по удалённой работе лидируют программисты, специалисты по клиентской поддержке, дизайнеры, аналитики, финансисты.

С точки зрения образовательной парадигмы для формирования успешной трудовой карьеры на основе удалённой работы требуется дополнительная модернизация систем образования, которая крайне редко отражается в образовательных программах.

Целесообразность академического образования в цифровую эпоху

Академическое образование, ответственное и призванное компенсировать будущие негативные явления на рынке труда, из-за своего исторически сложившегося формата также может являться и источником бифуркаций.

Само академическое образование и без учёта будущих коллапсов на рынке труда находится в фазе перестройки из-за распространения различных технологий образовательного процесса (включая как традиционное обучение через посещение лекций, сдачу экзаменов, так и использование удалённого доступа,

виртуальных аудиторий, образовательных платформ), а также перехода от обучения профессии и присвоения квалификации к освоению необходимых навыков (данный аспект не касается в полной мере таких профессий, как врачи, авиациплеты и т. п.).

Никакой университет в настоящее время не может на 100% гарантировать ни получение востребованной на рынке труда профессии, ни приобретение уникальных знаний, обеспечивающих успешную карьеру. Понимание этого и вызывает к жизни необходимость реформы

¹⁰ Кострюкова Н. Н. Перспективы развития нетипичных видов занятости в научной сфере // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-netipichnyh-vidov-zanyatosti-v-nauchnoy-sfere>

¹¹ Королёва А. Удалённая работа становится всё популярнее // Эксперт. 2017. 24 февраля // URL: <https://expert.ru/2017/02/24/rabota/>

¹² Статистика удалённой работы в мире // URL: <https://experov.d3.ru/statistika-udalioionno-raboty-v-mire-1606273/?sorting=rating>

¹³ Пятая часть россиян будет работать удалённо к 2020 году // РБК. 2015. 17 июня // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/5580515f9a7947e7bf4bfc99

системы образования с выбором в качестве ориентира персонифицированного уровня, предлагая модульную систему обучения (причём на протяжении всей профессиональной жизни индивида) и персональную ответственность индивида как за полученные знания, так и за их применение, что исключает получение диплома по принципу «чтобы было образование».

Например, высшее образование для программиста вовсе не обязательно, главное – его навыки и способности учиться новым инструментам и техникам программирования в соответствии с концепцией *hard skills*.

Ещё одна существенная проблема академического образования – сложность подготовки креативных специалистов, которые в будущем будут иметь наибольшую востребованность в связи с развитием технологий и необходимостью проектировать новое, которое уже само по себе не просто материальные вещи, а «умные продукты».

Во многих странах высшее образование не являлось приоритетным, его получали только в случае приобретения необходимых профессиональных навыков и квалификации (лицензии) или для трудоустройства на высокооплачиваемые специальности (например, медицинские профессии или юристы). В России же другая позиция, которая была незыблемой долгие годы и сейчас начинает трансформироваться.

Так, опросы ВЦИОМ России показывают, что за период с 2008 по 2018 г.:

- снизилась ценность высшего образования в формировании успешной деловой карьеры – с 76 до 63%, а также значимость диплома для работодателя с позиции работника – с 45 до 56%;

- в основном молодёжь сомневается в необходимости получения высшего образования. Этот показатель возрос с 22 до 46%, а необязательность диплома о высшем образовании отмечают люди 25–44 лет – с 47 до 65%;

- наличие диплома о высшем образовании не даёт гарантий на достаточно высокую заработную плату – с 42 до 56% [14].

Представленные выше тенденции частично обусловлены влиянием зарубежных систем образования: в среднем в Европе 34,3% имеют высшее образование, в США – 46,4%, а в России и Канаде одни из самых высоких показателей (53,1% и 56,7% соответственно) (табл. 2).

Так, в США высокооплачиваемую работу можно получить и без высшего образования (т. е. без обучения в университете или колледже): Бюро статистики труда США указывает профессии с заработной платой от 55 тыс. долл.: агент по закупкам, специалист по недвижимости, прораб, оператор на нефтеперерабатывающем заводе, оператор транспорта, специалист по ремонту электросетей, крупье и др. [15].

Здесь более прагматичный подход к образованию – как вложению средств с последующей отдачей в совокупности со 100%-ной вероятностью развития карьеры, тем более что профессиональное образование

¹⁴ Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9235>

¹⁵ The Bureau of Labor Statistics. United States Department of Labor // URL: <https://www.bls.gov/respondents/home.htm>

в престижном университете достаточно дорогое.

Отмечается, что «университетский диплом не только полностью окупает расходы на обучение, но и в среднем ежегодно приносит его обладателю 15 долларов сверху на каждую потраченную в колледже сотню долларов. В случае с бакалаврами это означает дополнительную сумму в миллион (!) долларов за всю карьеру, а при более высоком дипломе – и больше» [16, р. 201].

Развивающиеся страны (Китай, Индия, Южная Африка) имеют достаточно низкие показатели по доле населения с высшим образованием. Но для этих стран следует учитывать возможности академической мобильности, которая позволяет получать образование в других странах, основываясь на критериях престижности или соответствия специализации, а также на основе реализации государственных программ финансирования обучения за рубежом.

Пересмотр ценности высшего образования как для новых профессий, так и для традиционных вызван и возможностями распространения фриланс (внештатных сотрудников), поскольку по статистике более 40% из них самостоятельно целенаправленно получают нужные навыки по специальным программам, необходимым для профессиональной деятельности, а 10% обучаются в ходе практической деятельности. При этом 64% российских фрилансеров имеют диплом о высшем образовании [12] (однако полученная квалификация не всегда соответствует выполняемой работе), что отражает пока его необходимость для карьеры.

Спрос на специалистов также определён процессами в экономике: с одной стороны, в отраслевой структуре экономики появляются новые сегменты (аддитивные технологии, биогеоинженерия, беспилотные устройства), а с другой – традиционные отраслевые сегменты находятся в состоянии приближающегося циклического кризиса (это характерно для автомобильной промышленности, когда в развитых странах последовательно переходят на электрические двигатели, а в развивающихся странах из-за доступности сырьевых ресурсов будет сложно быстро отказаться от бензиновых двигателей). Поэтому возникает существенный дефицит не просто квалифицированных кадров, а кадров, которые адекватны по своим знаниям технологическим изменениям, происходящим в этих отраслях. При этом данный аспект касается не только секторов промышленности, но также и сферы услуг, и государственного управления.

Практика показывает, что, например, несмотря на недостаточный спрос со стороны работодателей на юристов и экономистов из-за перегруженности рынка (около 1/3 всех выпускников вузов данных специальностей востребованы у работодателей не более 13,7%), и, наоборот, превышение спроса на специалистов в области металлургии и машиностроения (общий спрос в 7,6%, в то время как они составляют не более 3% от общего числа выпускников), вузы продолжают массово набирать студентов по юридическим и экономическим на-

¹⁶ McMahon W.W. Higher Learning, Greater Good: The Private and Social Benefits of Higher Education. Johns Hopkins University Press, 2017.

Население с высшим образованием в 2017 г.

%

Страна	Всего от численности населения	в частности:		
		бакалавры	магистры	доктора наук
Канада	56,7	21,2	10,0	н/д
Россия	53,1	1,3	26,4	0,2
Япония	51,4	30,2	н/д	н/д
Израиль	50,9	23,3	12,0	1,3
Южная Корея	47,7	34,2	н/д	н/д
США	46,4	22,5	11,2	1,8
Великобритания	45,7	22,6	11,8	1,3
Австралия	45,4	25,6	6,9	1,3
Норвегия	43,2	19,0	11,3	1,1
Швейцария	42,6	21,0	18,6	3,0
Швеция	41,9	17,0	13,5	1,6
Германия	28,6	15,2	11,5	1,4
Турция	20,0	12,4	1,7	0,4
Бразилия	14,8	14,8	н/д	н/д
Индия	10,6	9,8	н/д	н/д
Китай	9,7	3,5	0,4	н/д
Южная Африка	7,4	5,2	1,2	н/д
Европейский союз	34,3	14,1	14,3	1,0
G20	29,8	15,8	8,3	н/д

Источник. Составлено автором на основе данных: Educational attainment and labour-force status. OECD // URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_NEAC

правлениям подготовки, предпочитая использовать имеющиеся возможности вместо формирования новых, соответствующих запросам работодателей, образовательных программ, позволяющих подготовить выпускников по соответствующей современной тенденциям квалификации. Такой подход оказывает негативное влияние на развитие рынков труда и соответствие требо-

ваниям профессионального роста и обеспечения занятости. Без приближения работы вузов к запросам экономики, ориентированной на достижение технологического лидерства в мировом масштабе, без активного участия российских вузов в глобальной образовательной повестке невозможно получить эффективный ответ на изменение рынков труда.

В рамках новой образовательной парадигмы следует прийти к пониманию необходимости преобразования академического образования, которое должно не только сохранить функции качественного обучения, но и принять базовые решения, связанные с формированием трудовой траектории будущего члена общества в соответствии с оценками грядущих изменений на рынке труда и профессий. Неоднородность будущих трендов рынка труда, наличие как негативных, так и позитивных тенденций даёт возможность формирования образовательной парадигмы, исключающей пессимистические оценки.

Новая образовательная парадигма, обеспечивающая преодоление угроз рынка труда при глобальности изменений, происходящих при цифровизации всего мирового сообщества, не может быть реализована только на национальных уровнях, так как данные изменения носят общецивилизационный характер, и, соответственно, инструментарий развития также должен носить глобальный характер.

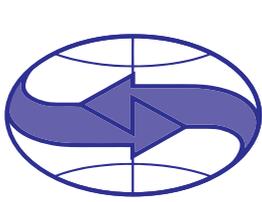
Библиография • References

- Аналитический обзор мирового рынка робототехники. Лаборатория робототехники Сбербанка. Апрель 2018 // URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2018/analiticeskij-obzor-mirovogo-rynka-robototekhniki.pdf>
[Analiticheskij obzor mirovogo rynka robototekhniki. Laboratoriya robototekhniki Sberbanka. Aprel' 2018 // URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2018/analiticeskij-obzor-mirovogo-rynka-robototekhniki.pdf>]
- Быков А. Грозит ли России «технологическая безработица»? // URL: https://thequestion.ru/questions/250875/answer-anchor/answer/352747?utm_source=yandex&utm_medium=wizard#answer352747-anchor
[Bykov A. Grozit li Rossii «tehnologicheskaya bezrabotica»? // URL: https://thequestion.ru/questions/250875/answer-anchor/answer/352747?utm_source=yandex&utm_medium=wizard#answer352747-anchor]
- Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9235>
[Vysshee obrazovanie: put' k uspekhu ili lishnyaya trata vremeni i deneg? // Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM) // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9235>]
- Доклад о мировом развитии Всемирного банка за 2019 год // URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>
[Doklad o mirovom razvitii Vsemirnogo banka za 2019 god // URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>]
- Земцов С. П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // URL: <https://institutions.com/innovations/3049-roboty-i-potencialnaya-texnologicheskaya-bezrabotica-v-regionah-rossii.html>
[Zemcov S. P. Roboty i potencial'naya tehnologicheskaya bezrabotica v regionah Rossii: opyt izucheniya i predvaritel'nye ocenki // URL: <https://institutions.com/innovations/3049-roboty-i-potencialnaya-texnologicheskaya-bezrabotica-v-regionah-rossii.html>]

- Капелюшников Р. И.* Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: ВШЭ, 2017 // URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03_ff.pdf
- [*Kapelyushnikov R. I.* Tekhnologicheskij progress – pozhiratel' rabochih mest? Seriya WP3 «Problemy rynka truda». M.: VSHE, 2017 // URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03_ff.pdf]
- Королёва А.* Удаленная работа становится всё популярнее // Эксперт. 2017. 24 февраля // URL: <https://expert.ru/2017/02/24/rabota/>
- [*Korolyova A.* Udalennaya rabota stanovitsya vsyo populyarnee // Ekspert. 2017. 24 fevralya // URL: <https://expert.ru/2017/02/24/rabota/>]
- Кострюкова Н. Н.* Перспективы развития нетипичных видов занятости в научной сфере // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-netipichnyh-vidov-zanyatosti-v-nauchnoy-sfere>
- [*Kostruykova N. N.* Perspektivy razvitiya netipichnyh vidov zanyatosti v nauchnoj sfere // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-netipichnyh-vidov-zanyatosti-v-nauchnoy-sfere>]
- Пятая часть россиян будет работать удалённо к 2020 году // РБК. 2015. 17 июня // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/5580515f9a7947e7bf4bfc99
- [*Pyataya chast' rossiiyan budet rabotat' udalyonno k 2020 godu* // RBK. 2015. 17 iyunya // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/5580515f9a7947e7bf4bfc99]
- Статистика удалённой работы в мире // URL: <https://experov.d3.ru/statistika-udalioonnoi-raboty-v-mire-1606273/?sorting=rating>
- [*Statistika udalyonnoj raboty v mire* // URL: <https://experov.d3.ru/statistika-udalioonnoi-raboty-v-mire-1606273/?sorting=rating>]
- Технологическая безработица. Почему машины не вытеснят человека с рынка труда // URL: <https://iq.hse.ru/news/211413387.html>
- [*Tekhnologicheskaya bezrabotica. Pochemu mashiny ne vytesnyat cheloveka s rynka truda* // URL: <https://iq.hse.ru/news/211413387.html>]
- Форд М.* Технологии, которые изменят мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.– 272 с.
- [*Ford M.* Tekhnologii, kotorye izmenyat mir. M.: Mann, Ivanov and Ferber. 2013.– 272 s.].
- Acemoglu D., Restrepo P.* The Race between Machine and Man: Implications of Technology for Growth, Factor Shares and Employment // MIT Department of Economics Working Paper. 2017. June 6. № 16–05.
- Arntz M., Gregory T., Zierahn U.* The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis // OECD Social, Employment, and Migration Working Papers. 2016. № 189. OECD Publishing, Paris.
- Educational attainment and labour-force status. OECD // URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_NEAC
- Frey C. B., Osborne M. A.* The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
- International Federation of Robotics // World Robotics 2018 edition // URL: https://ifr.org/downloads/press2018/WR_Presentation_Industry_and_Service_Robots_rev_5_12_18.pdf
- International Federation of Robotics. World Robotics 2018 edition // URL: https://ifr.org/downloads/press2018/WR_Presentation_Industry_and_Service_Robots_rev_5_12_18.pdf

- Kasatkin P.I., Avatkov V.A.* The soft power of migration – a hard task for the European Union // Defense and Security Analysis. 2014. № 30(4). P. 311–322.
- Manyika J., Chui M., Miremadi M.* [et al.] A future that works: Automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute. 2017.
- McMahon W.W.* Higher Learning, Greater Good: The Private and Social Benefits of Higher Education. Johns Hopkins University Press, 2017.– 432 p.
- Seidl da Fonseca R.* The Future of Employment: Evaluating the Impact of STI Foresight Exercises // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 4. P. 922.
- The Bureau of Labor Statistics. United States Department of Labor // URL: <https://www.bls.gov/respondents/home.htm>
- World Development Indicators // URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

Статья поступила в редакцию 2 марта 2020 г.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

Space as a possible battle field: evolution of approaches of the West 5

A. Malov

The author reviews the policy on approaches of key space fairing western states towards the use of outer space for military purposes. The article asserts that the evolution of doctrines, practical measures and science and technology elaborations of the USA, France and NATO as a whole in the field of militarization of space brings closer the stage of qualitative arms race in outer space. The window of opportunities for the preventive diplomatic measures is narrowing.

About the author: MALOV Andrey Y. – Ph.D., Associate Professor, Department of International and National Security, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Expert of the CMPS of the MGIMO (U) of the MFA of Russia.

Key words: arms race in space, arms control, antisatellite systems, strategic stability.

Institutions of human capital development in Russia and the policy of «force coercion» 27

A. Zhukov

The main goal of Western civilization is to preserve the existing international norms and rules, since they allow it to maintain its leadership in the world financial, economic, and military-political systems. In this regard, the strategy of Western civilization includes the weakening and destruction of competing centers of power that want to change the existing system. Due to the relative low cost

and security, the most priority means of power influence is to undermine the institutions of national human capital development in the selected States.

About the author: ZHUKOV Artem V. – the expert of the Military and political research center of MGIMO-Concern VKO «Almaz-Antey» VKO.

Key words: means and methods of power policy, state institutions, institutions of society, nation, security.

“The abduction of Europe”: from Dawes plan to post-soviet countries aid programs

45

O. Kuznetsova, I. Krishtal

The article studies the role of the US economic help to the countries of Western Europe in the first half of the XX century as an important tool for strengthening their leadership and dominance in the world economy. After the collapse of the USSR economic aid to the post-soviet countries are used as “soft power” to reinforce the US influence and form a unipolar world.

About the author: KUZNETSOVA Olga D. – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Economic theory department of the Plekhanov Russian University of Economics, *SPIN*: 2210-8767, *E-mail*: kod352@mail.ru.

KRISHTAL Igor S. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Political economy and history of economic science department of the Plekhanov Russian University of Economics, *SPIN*: 3967-0616, *E-mail*: klioher@gmail.com.

Key words: Dawes Plan, Young Plan, Marshall Plan, Lend-Lease, economic aid.

Humanitarian policy of the Soviet Union

56

A. Velikaya, S. Semedov

Humanitarian policy has 3 aspects: humanitarian cooperation; development assistance and humanitarian crisis responses. The article covers humanitarian policy of Soviet Union. It analyses institutes engaging target audience – “progressive humanity”. Authors offer various dimensions of Soviet humanitarian policy – from cultural diplomacy to development assistance. They also conduct SWOT analysis of Soviet humanitarian policy. In the conclusion they offer practices that could have been implemented in the modern Russian humanitarian policy institutions.

About the author: VELIKAYA Anna A. – Dr., The Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) Research Fellow.

SEMEDOV Semed A. – Dr.Sc., professor, head of the «International cooperation» department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА).

Key words: USSR, humanitarian policy, cultural diplomacy.

In search of fleeting reality. Attitude of US political elite towards Russia 66

M. Neimark

The article is devoted to the peculiarities of the evaluative positions of the American political elite in relation to Russia. The origins and causes of the negative perception of Russia, which is caused by a whole range of factors related not only and mainly not so much to the crisis in Ukraine, are revealed. The author shows that the US policy to discredit Russia is determined by the priority to weaken the position of Russia, which openly opposes to the dominance of American-centered principles of the world order.

About the author: NEIMARK Mark A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: Russia, USA, geopolitics, international security.

Problems of independent Kyrgyzstan and interests of Russia 78

V. Blishchenko

The article discusses the causes and consequences of the economic, social and political transformation of Kyrgyzstan in the period after the collapse of the USSR in the light of Russia's interests.

About the author: BLISHCHENKO Varvara - LLD, Associate Professor, Chair of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation.

Key words: Kyrgyzstan, Independence, economic and social transformation, the character of political power, Russian interests.

Clan communities of post-Soviet Central Asia. The theory of a question 88

D. Rekk

The article deals with the theoretical conceptualization of the social phenomenon of post-Soviet Asia – the clans. In the author's vision, the traditional approach of structural functionalism is of little use for describing this social phenomenon. According to the author, the structural approaches proposed by the English sociologist E. Giddens and a representative of neoinstitutionalism D. North seem more relevant for the analysis of clan organization.

About the author: REKK Dmitry A. - graduate student of Moscow State Regional University.

Key words: social structure, post-Soviet Central Asia, clan organization, political process, socio-political stability, traditional institutions.

Compensatory role of education in the context of global digitalization

102

E. Antyukhova

Current aspects of job displacement as a result of robotization and changes in employment formats are considered. It is established that technological innovations create new industries and, consequently, new jobs, which leads to conditional replacement of employees. It is empirically established that academic education is not mandatory for the formation of a business career, but for professional growth and higher wages, it is necessary to develop targeted educational programs.

About the author: ANTYUKHOVA Ekaterina A. – PhD (Pol. Sci.), Senior Lecturer, Comparative politics department, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia, Moscow, e-mail: e.antyukhova@gmail.com.

Key words: labor market, technological unemployment, distance employment, robotization, educational policy.

Requirements for materials,**submitted to the editorial board****“Обозреватель–Observer”,****are published on the site:****<http://observer.materik.ru>****For more details see website****of the Higher Attestation Commission:****<http://vak.ed.gov.ru>**

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языке) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”

The article is sent to the editor with a cover letter by e-mail: observer-rau@yandex.ru.

The total volume of the material is up to 20–25 thousand characters with spaces. Authors need to pay attention to compliance with the Russian language.

The text is given in a 14 size of type with 1.5 line spacing and should be structured (i.e. have sections).

References to sources are to be provided in Arabic numerals in square brackets, with continuous numbering, output data, page indication and is to be marked page-by-page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) specifying the output data (place of publication, publisher, year of publication, the total number of pages) and placed without numbering. Sources in the bibliography are given as well in Latin under the Russian title.

Foreign sources are indicated in the original language with the output data.

It is necessary to indicate the Universal Decimal Classification and to apply an abstract to the article (not more than 300–500 characters), keywords and brief information about the author (surname, name and patronymic, academic degree, the other title, place of employment, position and contact numbers, SPIN-code), the title of the article. All information – in English and Russian languages.

All text materials should be sent in a single file.

Drawings, graphs, charts are to be provided in JPG or EPS files separately.

As the accompanying documents, the author makes an extract from the decision of the department (scientific division), where the work, containing the recommendation to the article for the publication in the journal. Statement is to be signed by the head of the department (the head of the scientific department) or his deputy and certified by the signature of the corresponding division.

Author of the article is to provide a review made out and certified by the expert – the doctor of sciences, containing recommendation for the publication of the article in the journal.

The originals of the accompanying documents in case of publication of the article must be submitted to the editors.

Requirements for materials are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2020 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
Ущурелу О.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>**

Подписано в печать 23.04.20. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7, 5. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ №